

РОЖДЕННАЯ, ЧТОБЫ ПОБЕЖДАТЬ!

Советская гвардия в годы Великой Отечественной войны

К 60-летию Победы

Знамя 2-го гвардейского полка

Гвардейский краснознаменный военно-морской флаг корабля, награжденного орденом Красного Знамени

Эскизы нагрудного знака «Гвардия», не получившие утверждение

Нагрудный знак «Гвардия» для военнослужащих Красной армии, удостоенных гвардейского звания

Нагрудный знак «Гвардия» Военно-морского флота (1942–1943)

Знамя 3-й гвардейской танковой армии

Артиллерийский бой под Москвой на Волоколамском направлении у д. Гольвино в декабре 1941 г.

Художник В. ПАМФИЛОВ 1946 г.

Публикацию подготовил подполковник Ю.Л. НИКОЛАЕВ (Москва)

Советская гвардия родилась во время тяжелейших оборонительных сражений лета и осени 1941 года под Смоленском. В приказе № 308 Ставки Верховного Главнокомандования от 18 сентября говорилось: «В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100, 127, 153 и 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас». Перечисленные в приказе дивизии, отличившиеся в боях с врагом, были переименованы соответственно в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские. Им вручили особые гвардейские знамена с портретом В.И. Ленина.

21 мая 1942 года для военнослужащих гвардейских частей и соединений учреждается почетный нагрудный знак «Гвардия». Художник С.И. Дмитриев, которому было поручено сделать рисунок будущего знака, подготовил много вариантов. В результате остановились на лаконичном, одновременно выразительном проекте, представляющем собой пятиконечную звезду в обрамлении лаврового венка, осененную Красным знаменем с надписью «Гвардия».

Этот знак помещался и на гвардейские знамена, присвоенные на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1943 года армиям и корпусам. Разница была в том, что на знамени гвардейской армии он изображался в венке из дубовых ветвей, а на знамени гвардейского корпуса — без венка.

Военно-морской гвардейский флаг учрежден 19 июля 1942 года. Несколько ранее, в июне, был введен особый нагрудный знак «Гвардия» для ВМФ, представлявший собой прямоугольную планку «гвардейских» цветов. Этот знак просуществовал до 1943 года, когда был введен единый с Красной армией знак «Гвардия». Автором рисунков флага и нагрудного знака морской гвардии стал капитан 1 ранга Б.М. Хомич.

Общее число соединений и частей Красной армии и Военно-морского флота, получивших почетное звание гвардейских, к 9 мая 1945 года составляло 586.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для подписчиков Российской Федерации — 70137, для зарубежных подписчиков — 79726. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра ВИЖ по каталогу во втором полугодии 2004 г. 24 р. 98 к. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала».

Адрес электронной почты: E-mail: vizh@vipmail.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут оформить подписку на ВИЖ с личным получением по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Генерального штаба ВС РФ, тел.: (095) 157-80-47, внутренний телефон 1-76.

Ежемесячное издание Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

сентябрь № 9 2004 год

ИЗДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К 60-летию Победы

Борьба за господство в воздухе в оборонительной операции Курской битвы

Упреждающие удары фронтовой авиации приближали Победу

Художественная интеллигенция на фронтах Первой мировой войны

Егерское движение в Финляндии

«Молодежный военно-исторический журнал»: Кадетские годы

Военно-исторические рисунки Отечества

Офицеры ландмилиции с 1736 по 1742 год

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

60 лет назад — 4 сентября 1944 года — правительство Финляндии заявило о своем выходе из войны и разорвало отношения с фашистской Германией

Военно-исторический журнал 2004 № 9 сентябрь

ISSN-0321-0626

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

«С ГОРДОСТЬЮ»

Форма одежды русской армии с 1728 по 1742 год

Еще при жизни Петра Великого, в начале 1720-х годов, в гвардии вошло в моду пудрение волос. В декабре 1725 года Екатерина I попыталась было отменить этот обычай, но уже при Петре II он был восстановлен. Нижние чины при парадной форме волосы укладывали на висках в несколько буклей, а сзади прятали в черный «кошелек» или сплетали в косицу, перевязанную черной лентой.

В царствование Анны Иоанновны офицеры по-прежнему носили парики с буклями, причем солдаты из-за дороговизны пудры вынуждены были смазывать волосы салом и посыпать мукой. Длинная коса, дополняющая прическу, представляла собой металлический стержень, который оплетался у солдат черной кожей, а у офицеров — черной шелковой лентой.

В эти годы верхняя одежда заметно обузилась. Кафтан и камзол теперь плотно прилегают к туловищу. Полы кафтана подворачиваются наверх и пристегиваются к бокам с помощью крючков. Иногда кафтан носят с опущенными полами.

В это же время в одежде русской армии впервые появляется прототип погон. Это цветная накладка на левом плече, которая в некоторых полках заменила шнур, предназначенный для поддержания патронной перевязи. Цвет накладки — для каждого полка свой — устанавливал командир или шеф полка.

Во всех гвардейских полках нижние чины носили темно-зеленые кафтаны с красными обшлагами и красной подкладкой, камзолы и штаны тоже красные. Цвет воротника был установлен по полкам: в лейб-гвардии Преображенском — красный, в лейб-гвардии Семеновском — светло-синий, в лейб-гвардии Измайловском — темно-зеленый.

Еще в конце жизни Петра Великого на мундирах его гвардии зеленый цвет стал «государевым» цветом. В XVIII веке он был основным цветом мундира российской пехоты и ливрей императорского дома, а в следующем столетии окончательно превратился в «русский» мундирный цвет, который носили не только военнослужащие, но и подавляющее большинство гражданских чиновников. Уже к концу XVIII века цвету русского военного мундира придавалось символическое значение: «Не стыдно ли носить зеленый с красными обшлагами и лацканами мундир, что значит поле и кровь, быть перепоясану мечом и страшиться пуль или стоять во фронте пред неприятелем».

Публикация полковника В.М.КРЫЛОВА, кандидата исторической наук; С.В.УСПЕНСКОЙ, кандидата исторической наук; (Санкт-Петербург)

Мастер и столяр артиллерийского полка с 1728 по 1932 год (На втором плане изображен пушечный литейный завод на берегу реки Невы в Санкт-Петербурге)

Фурлейт, погонщик, унтер-офицер и фурмейстер артиллерийского полка с 1728 по 1732 год

«НЕ В СИЛЕ БОГ, НО В ПРАВДЕ»

Александр Невский
Мозаика М.В.ЛОМОНОСОВА

Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет!
Художник С.Н. ПРИСЕКИН. 1983 г.

Звезда ордена Св. Александра Невского

Орденская лента и орден Св. Александра Невского

Сражение русских воинов со шведами на Неве
Миниатюра. XVI век

Александр Невский — святой защитник Русской земли

12 сентября Русская православная церковь чтит память святого благоверного князя Александра Невского — полководца и дипломата, выдающегося государственного деятеля Древней Руси, защитника ее северо-западных рубежей.

По преданию, на заре 15 июля 1240 года перед битвой с многочисленным шведским войском на берегах р.Невы князю Новгородскому Александру Ярославовичу явились святые страстотерпцы Борис и Глеб. Голос святого Бориса молвил: «Брат Глеб, вели грести скорее, да поможем сроднику нашему Александру». Воодушевленный князь произнес перед битвой: «Если Бог за нас, то кто на нас? Не в силе Бог, но в правде». Неприятель был разбит, а князь Александр получил прозвание Невского. Не прошло и двух лет, как князь Александр Невский вынужден был вступить в борьбу с немецким Ливонским орденом. Сражение на льду Чудского озера закончилось блестящей победой русских воинов.

Через 117 лет после смерти князя Александра Невского в ночь Куликовской битвы 1380 года во время молитвы одного монаха у гроба князя появились два старца и сказали: «Встань, Александр! Поспеш на помощь сроднику своему великому князю Дмитрию». Святой Александр встал, и все стали невидимы. Весть о сем дошла до великого князя, и был открыт гроб. Тело оказалось нетленным, оно было положено в раке поверх земли, и открылись чудеса святых мощей.

В 1724 году император Петр I перенес мощи святого князя в Петербург, в Александро-Невскую лавру, а в следующем году был учрежден орден Святого Александра Невского.

Чудесное явление святых мучеников — князей Бориса и Глеба перед сражением со шведами
Миниатюра. XVI век

• К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»

РЕДКАЯ КНИГА — ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

И.С. Тургенев, прочитав однажды биографию своего покойного друга, заметил: «Весь смысл его жизни угадан, верно, тонко передан». Эти слова и по сей день можно смело считать одним из важнейших критериев оценки труда писателей и публицистов, взявшихся за перо, для того чтобы рас-

сказать нам о великих деятелях прошлого. В книгу известного русского писателя, автора популярных исторических романов и повестей Ю.В. Давыдова «Три адмирала» (М.: Известия, 1996) вошли произведения о трех прославленных флотоводцах: Д.Н. Сенявине (1763—1831 гг.), В.М. Головнине (1776—

1831 гг.) и П.С. Нахимове (1807—1855 гг.).

Их жизнь была отдана флоту и кораблям. Они служили Отечеству и в штормовом океане, и на берегах Средиземного моря, и на бастионах сражающегося Севастополя...

Трудам их во славу нашей Отчизны история уже дала свою оценку. Судить же, насколько автору удалось жизнеописание адмиралов, предстоит победителю нашего конкурса.

Осажденный Севастополь

К 150-летию Крымской войны 1853—1856 гг.

Разгром турецкой эскадры в Синопском сражении 18 ноября 1853 года* показал Англии и Франции, что она не в состоянии самостоятельно бороться с Россией. В декабре 1853 года английский и французский флоты были введены в Черное море, а в марте 1854-го последовало официальное объявление войны. Россия оказалась перед лицом враждебной коалиции в составе Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства. 1 сентября 1854 года главные силы экспедиционной армии высадились в районе Евпатории и стали продвигаться к Севастополю. 13 сентября город был объявлен на осадном положении. Началась его героическая оборона, продолжавшаяся 349 дней. От исхода этой длительной и упорной борьбы зависела судьба всей Крымской кампании. Севастопольцы не только отразили попытки союзного десанта взять город штурмом, но и сумели под непрерывными бомбежками создать системы оборонительных сооружений и контрмин. Строительством редутов, люнетов и подземных галерей руководил военный инженер генерал Э.И. Тотлебен. Отражая многочисленные атаки, защитники города сами предпринимали смелые вылазки в расположение неприятеля.

Борьбу с осадной артиллерией противника успешно вели парходофрегаты «Владимир» и «Херсонес» под командованием капитана 2 ранга Г.И. Бутакова. При отражении штурма Севастополя 5 октября 1854 года погиб вице-адмирал В.А. Корнилов — организатор и руководитель обороны города. После его смерти оборону возглавил адмирал П.С. Нахимов. 28 июня 1855 года он был смертельно ранен на Малаховом кургане. Несмотря на мужество и героизм защитников Севастополя, их положение с каждым днем ухудшалось. В ходе осады союзники провели шесть массированных бомбардировок Севастополя с суши и моря с использованием тяжелой полевой артиллерии. К маю 1855 года войска противника в Крыму насчитывали 175 тыс. человек, русские войска — 85 тыс. человек, в том числе в районе Севастополя 43 тыс. человек.

В августе, после двадцатидневной бомбардировки, англо-французским войскам удалось овладеть ключевой позицией обороны — Малаховым курганом. Защитникам пришлось оставить позиции на Южной стороне Большой бухты и в ночь на 28 августа перейти на Северную сторону, предварительно взорвав все укрепления и затопив боевые корабли. Так закончилась героическая эпопея Севастополя, ставшая примером умелой организации активной обороны, основанной на совместных действиях сухопутных войск и флота. Для нее были характерны непрерывные вылазки оборонявшихся, ночные поиски, минная война, тесное огневое взаимодействие кораблей и крепостной артиллерии. Здесь положено начало позиционным методам ведения войны.

▲ Бомбардировка Севастополя флотом союзников
Фрагмент литографии ТИММА

Осажденный Севастополь. Александровская батарея ведет огонь по кораблям англо-французского флота. 5 октября 1854 года
Художник Ф.А. РУБО. 1905 г.

Севастополь. Памятник вице-адмиралу В.А. Корнилову
Скульптор И. ШРЕДЕР. 1895 г. Восстановлен в 1983 г.

▲ Э.И. Тотлебен (1818—1884 гг.)
Неизвестный художник.
Вторая половина XIX века

▲ Светло-бронзовая медаль для участников Крымской войны, бывших в сражениях

▲ Темно-бронзовая медаль для участников Крымской войны, не бывавших в сражениях

▲ Медаль для медсестер, работавших в Крыму

▲ Серебряный крест для сестер милосердия, работавших в Крыму

▲ Крест для священников в память о войне

▲ Серебряная медаль в память 50-летия обороны Севастополя

ОДЕВ МУНДИР ЗЕЛЕНый...»

Капрал, сержант и офицер артиллерийских полков с 1728 по 1732 год

Офицер и рейтар лейб-гвардии Конного полка с 1734 по 1742 год

Профос артиллерийского полка с 1728 по 1732 год

Нижние чины ландмилиции с 1736 по 1742 год

* Даты приведены по старому стилю.

«КОГДА

▲ Первый георгиевский кавалер
Кузьма Крючков

Историко-документальная выставка

Вторая Отечественная война... Именно так в 1914 году назвали начавшуюся войну. Потом, в 1918 году, ее стали называть империалистической войной, а уже после 1941 года — Первой мировой. Тогда, в 1914 году, эту войну встретили с подъемом. Еще бы! Солдаты и офицеры шли воевать за свободу балканских народов, на помощь родной Сербии, союзникам, которые из последних сил держались на севере Франции, откатываясь к Парижу. Шли спасать мир от германских армий. Формированию такого общественного мнения, усилению патриотических настроений и моделированию образа врага способствовали массовые виды изобразительного искусства — плакат и лубок, получившие в годы Первой мировой войны широкие возможности для развития. Бережно сохраненные, они остаются не только ярким свидетельством событий тех лет, но и произведениями искусства.

К 90-летию начала Первой мировой войны

Из собраний Российского
государственного военно-
исторического архива

▲ Подвиг рядового Каца

Русская армия на отдыхе.
Письмо на родину

Чаво этто ты Ванька такое дѣлаеш?
Аль ня видишь—дурака валяю!

ОТЕЧЕСТВО В ОГНЕ...»

▲ «Ну-ка я вам помогу!»

▲ Великая европейская война. Героический подвиг и гибель знаменитого летчика штабс-капитана П.Н. Нестерова

▲ Подвиг его высочества князя Олега Константиновича

Хоть одеть ты и по форме
Получай на поплавок,
А чтоб не быть ты крепким,
Прячу тебе ремешок.
А сапожки убого
Пришею и болше ногу,
Чтобы долго помнить шельма,
Что страдать за Вильгельма.

▲ Победители и побежденные.
Отправка пленных в Россию

Публикация В.М. ШАБАНОВА,
начальника отдела публикаций
Российского государственного
военно-исторического архива
(Москва)

Фото П.Ю. СКУРАТОВА
(Москва)

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

сентябрь 2004 9 (533)

Издание Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации

- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ВОЕННОЕ ИСКУССТВО** 2 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: ART OF WAR**
Н.Н. ОСТРОУМОВ — Упреждающие удары фронтовой авиации
L.F. RYZANOV — The struggle for the superiority in the air in the defence operation of the Kursk battle
- Л.Ф. РЯЗАНОВ — Борьба за господство в воздухе в оборонительной операции Курской битвы 7
- НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ** 13 **UNKNOWN OF THE LIFE OF THE SPECIAL SERVICES**
О.В. ВЛАДИМИРОВ — Принадлежал к числу тех патриотов, о которых остаются лишь краткие биографические сведения в справочной литературе
O.V. VLADIMIROV — He belonged to a number of the patriots about whom remained only short biographic data in the help literature
- ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ** 18 **WORLD WAR I: FROM THE UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
«Нет более близкой связи, как связь людей, страдавших и борющихся в бою...»
(Публикация И.С. ДАНИЛЕНКО, И.А. АНФЕРТЬЕВА)
«There is no more closed connection than the connection of the people, who suffered and struggled in the battle»
(Publication of I.S. DANILENKO, I.A. ANFERTIEV)
- ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** 23 **WORLD WAR I: DOCUMENTS AND MATERIALS**
«Окопы эти охраняют Варшаву, к которой так равнодушен немец...»
(Публикация А.А. ЧЕРНОБАЕВА)
«These entrenchments keep Warsaw to which so indifferent german...»
(Publication of A.A. CHERNOBAEV)
- ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: АРМИЯ И КУЛЬТУРА** 29 **WORLD WAR I: ARMY AND CULTURE**
И.В. КУПЦОВА — «Совестно быть на войне человеку постороннему, не имеющему в пребывании там необходимости»
I.V. KUPTSOVA — «For a man to be at war as extraneous but have no necessity to present there»
- НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ** 35 **ON THE BOUNDARIES OF THE RUSSIAN EMPIRE**
И.Н. НОВИКОВА — Молодые финны обязаны были «служить Германской империи всеми силами и на любых участках фронта»
I.N. NOVIKOVA — Young finns had «to serve to the German empire with all their force at any section of the front»
- ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ** 42 **WORLD WAR I: THE HISTORY OF THE MILITARY MEDICINE**
А.А. БУДКО, Е.Ф. СЕЛИВАНОВ, Н.Г. ЧИГАРЕВА — Преодолевая страх и опасность, российские медики с честью выполняли свой долг
A.A. BUDKO, E.F. SELIVANOV, N.G. CHIGAREVA — The russian physicians overcame fear and danger carried out their duty with the honour
- ЗА КУЛИСАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»** 49 **BEHIND OF THE SIDE SCENE OF «THE THIRD REICH»**
С.В. ФОКИН — «Будем повелевать мы и только мы, безо всяких соглашений с Москвой»
S.V. FOKIN — «We and only we shall rule, without any agreements with Moscow»
- ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ** 56 **FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AN MILITARY TECHNICS**
В.Д. КУКУШКИН — Так создавалось ракетно-ядерное оружие
V.D. KUKUSHKIN — The rocket and nuclear armament was created so way
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ** 59 **THE MILITARY AND HISTORICAN HERITAGE**
А.А. ШИШКИН — «Здесь царит атмосфера героизма, храбрости, твердости, воли»
A.A. SHISHKIN — «Atmosphere of heroism, bravery, hardness and will reigns here»
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 65 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
Р.А. ФАРАМАЗЯН — История военной финансово-экономической службы
R.A. FARMAZIYN — The history of the military financial and economic service
- Е.Г. МАЧИКИН — «Картография активно проникает во все науки о Земле...» 66 E.G. MACHIKIN — «The cartography penetrates active in all sciences about Earth...»
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** * * **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ** 67 **THE EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES**
Кадетские годы
(Публикация Э.Д. ЯСМАН)
The cadet's years
(Publication of Z.D. YASMAN)
- ЗАБЫТОЕ ИМЯ** 70 **THE FORGOTTEN NAME**
Е.Р. ОЛЬХОВСКИЙ — П.И. Меллисино — педагог, полководец, артиллерист
E.P. OLHOVSKIY — P.I. Mellisino — a teacher, a commander, an artilleryman
- ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ** 73 **MILITARY EDUCATION AND TRAINING**
А.М. КУЗНЕЦОВ — «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»
A.M. KUZNETSOV — «There is no more love then that when somebody gives his soul to his friend»
- СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ** 77 **ASK — AND WE SHALL ANSWER**
В.Л. ГЕРАСИМОВ — Георгиевские кавалеры морской авиации России
V.L. GERASIMOV — The Georgiev's chevaliers of the sea aviation of Russia
- К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 79 **TO THE READERS OF «THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE»**
Ю.М. ХВОРОСТЬЯНОВ — Кроссворд «Отечественная война 1812 года»
U.M. HVOROST'IANOV — Crossword puzzle «The Patriotic war of the 1812 year»
- ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** — 5, 76, 80;
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РАБОТА — 6, 66; **КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА** — 12, 22, 41, 78; **В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ** — 48; **ХРОНОГРАФ** — 50
- THE EDITORIAL MAIL OF «VOYENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL»** — 5, 76, 80; **THE MILITARY HISTORIC WORK** — 6, 66; **THE BOOK-SHELF OF MILITARY HISTORIAN** — 12, 22, 41, 78; **NEXT ISSUES** — 48; **THE CHRONOGRAPH** — 50

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

9 (533)
2004 September

The Journal of Military History

Established by the Ministry of Defence of Russian Federation

Edition of General Staff
of the Russian Federation Armed Forces
Founded in August, 1939

Главный редактор
И. А. АНФЕРТЬЕВ.

Редакционная
коллегия:

С. В. АВЕРЧЕНКО
(заместитель
главного редактора),
Ю. Н. БАЛУЕВСКИЙ,
В. П. ВОЛОДИН,
И. О. ГАРКУША,
В. А. ЖИЛИН,
С. А. ИЛЬЕНКОВ,
В. И. ИСАКОВ,
А. В. КИРИЛИН,
В. П. КОЗЛОВ,
А. А. КОЛЬТЮКОВ,
В. А. КРАВЧЕНКО,
И. В. КУЗИНА
(ответственный
секретарь),
И. П. МАКАР,
А. А. НОГОВИЦЫН,
В. И. ОСТАНКОВ,
А. В. ОСТРОВСКИЙ,
Н. И. РЕЗНИК,
А. С. РУКШИН,
А. С. СКВОРЦОВ,
Н. Е. СОЛОВЦОВ,
В. И. ТЕРЕЩЕНКО,
С. И. ЧУВАШИН.

Редакционный
совет:

К. М. АНДЕРСОН,
И. И. БАСИК,
А. А. БУДКО,
Е. Ю. ГУСЬКОВА,
И. С. ДАНИЛЕНКО,
А. А. ЗДАНОВИЧ,
С. Н. КОВАЛЕВ,
Е. Н. КОРЧАГИН,
Г. Ф. КРИВОШЕЕВ,
В. М. КРЫЛОВ,
В. Н. КУЗЕЛЕНКОВ,
Г. А. КУМАНЕВ,
Е. И. МАЛАШЕНКО,
А. К. НИКОНОВ,
Р. Б. РЫБАКОВ,
М. Р. РЫЖЕНКОВ,
А. Н. САХАРОВ,
А. Р. СОКОЛОВ,
А. О. ЧУБАРЬЯН,
А. А. ЧУРИЛИН.

УПРЕЖДАЮЩИЕ ФРОНТОВОЙ

УПРЕЖДАЮЩИЕ удары фронтовой авиации в операциях Великой Отечественной войны наносились, как правило, по важным объектам в тех случаях, когда требовалось сорвать замысел гитлеровского командования, нарушить его планы по подготовке и проведению операций, заставить противника отказаться от начавшегося наступления. Несмотря на важность упреждающих ударов как способа боевых действий фронтовой авиации, их опыт организации и проведения еще недостаточно изучен.

Автор статьи обращает внимание читателей на то, когда применялись упреждающие удары по группировкам войск противника и с какой целью. При этом он особо подчеркивает значение упреждающих ударов в борьбе за господство в воздухе во фронтовых операциях. На конкретных примерах действий фронтовой авиации в операциях Великой Отечественной войны показывает огромную роль упреждающих ударов в срыве атак войск противника. Яркими примерами тому служат спасение нашей 38-й армии, участвовавшей в Львовско-Сандомирской наступательной операции 1-го Украинского фронта (1944), и разгром 4-й танковой армии немцев, действовавшей на Прохоровском направлении во время Курской битвы (1943).

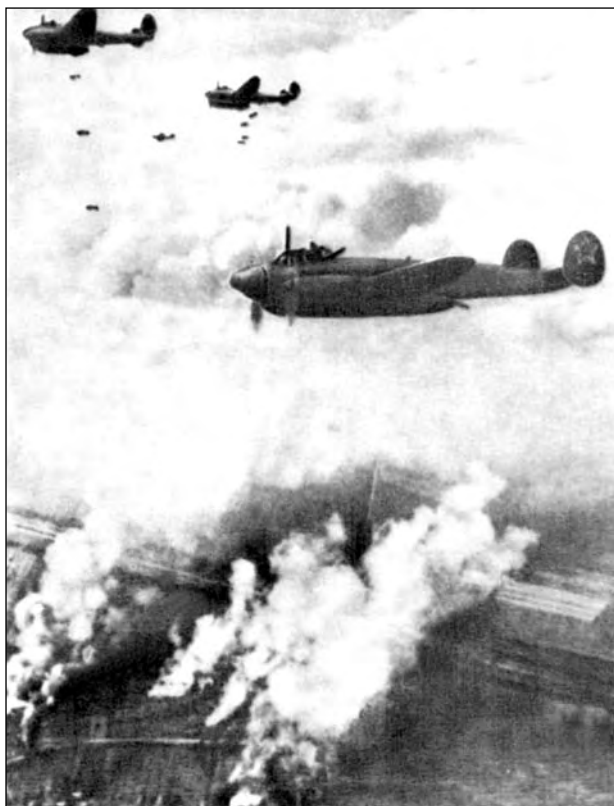
Важное значение автор придает подготовке и практическому осуществлению упреждающих ударов, на эффективность которых в большой степени влиял такой фактор, как нахождение в боевых порядках авиационных частей и соединений их командиров, что обеспечивало непрерывность управления, повышало ответственность командиров за выполнение боевой задачи в целом. Особое внимание обращалось на точность выхода на цель по времени в составе крупных авиационных соединений, что говорит о высочайшей профессиональной подготовке нашего командного и летного состава. Не обходит автор стороной и недостатки при организации и осуществлении упреждающих ударов фронтовой авиации по войскам противника.

КНАЧАЛУ Великой Отечественной войны Красная армия располагала дальней бомбардировочной, фронтовой и армейской авиацией. В ходе войны организация и боевой состав авиации неоднократно изменялись. Так, в мае—ноябре 1942 года на базе фронтовой и армейской авиации были созданы воздушные армии. К концу 1944 года их было 15, куда входили 32 авиакорпуса и 148 авиадивизий — 63 истребительных, 50 штурмовых, 33 бомбардировочных и две смешанные. В задачу фронтовой авиации входили поддержка сухопутных войск, завоевание господства в воздухе, подавление и уничтожение живой силы и военной техники противника, его тыловой инфраструктуры. При этом широко применялись так называемые упреждающие удары.

В ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. советская фронтовая авиация не раз применяла такие тактические приемы, как упреждающие удары по живой

силе и технике противника, подготовленным для наступления на каком-либо участке фронта. Упреждающие удары имели большое значение как в оборонительных, так и в наступательных операциях, проводившихся силами фронтов, и нацелены были в основном на уничтожение войск противника и его авиации на аэродромах. При этом в первую очередь уничтожались бомбардировщики врага. Так, в Курской битве на рассвете 5 июля 1943 года почти одновременно с артиллерийской контрподготовкой 2-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации С.А. Красовский) Воронежского и 17-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации В.А. Судец) Юго-Западного фронтов нанесли массированный упреждающий удар по 7 аэродромам противника, на которых базировалась главным образом его бомбардировочная авиация, — Микояновке, Сокольниковкам, Померкам, Основе, Рогани, Барвенково, Краматорской. В налете участво-

УДАРЫ АВИАЦИИ

Упреждающие удары советской авиации

вали 132 штурмовика и 285 истребителей. Они уничтожили до 60 вражеских самолетов¹. Следует отметить, что результат мог быть более значительным, если бы советское командование учло возможность изменений в базировании вражеской авиации и провело утреннюю доразведку аэродромов противника. К сожалению, этого не было сделано, и удар в ряде случаев наносился по пустующим аэродромам: самолеты уже успели взлететь для участия в авиационной подготовке наступления своих войск. Тем не менее 16-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации С.И. Руденко) Центрального фронта, 2-я воздушная армия Воронежского фронта, 17-я воздушная армия Юго-Западного фронта продолжали наносить массированные упреждающие удары, которые в целом серьезно затрудняли гитлеровцам осуществление наступательных операций на Курском выступе. 7 июля 1943 года 16-я воздушная армия нанесла массированный удар по изготовившимся к атаке войскам противника в районе Понырей, а 11 июля 2-я воздушная — в районе Яковлево, Мочки². В обоих случаях вражеские атаки удалось сорвать.

12 июля 1943 года, за час до начала наступления 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий на прохоровском направлении, силами 1-го бомбардировочного, 1-го штурмового авиакорпу-

сов и 291-й штурмовой авиадивизии был нанесен упреждающий удар по войскам 4-й танковой армии противника, что во многом способствовало ее последующему разгрому³.

В ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции войска 38-й армии 1-го Украинского фронта утром 14 июля 1944 года подверглись мощной контратаке противника с участием 170 танков. Наступление 38-й армии захлебнулось, положение сложилось очень тяжелое. По данным разведки, в район боевых действий враг подтянул еще одну крупную группировку танков, готовившуюся к нанесению контрудара из района Колтув, Плугов, Сассов. Ввод ее в действие следовало во что бы то ни стало предотвратить. Командующий войсками фронта И.С. Конев принял решение нанести по танковой группировке противника мощный упреждающий удар основными силами 2-й воздушной армии.

15 июля 1944 года самолеты 4-го бомбардировочного, а за ними с интервалом в 5 мин и 2-го гвардейского авиакорпуса поднялись в воздух. Первыми по танкам врага нанесли удар три пятерки самолетов Пе-2, которые вел командир 2-го гвардейского авиакорпуса И.С. Полбин. Всего в этот день авиация 2-й воздушной армии совершила 3288 самолетовылетов, сбросив на каждый квадратный километр площади по 102 т бомб.

Действия бомбардировщиков и штурмовиков прикрывал с воздуха 7-й истребительный авиакорпус. Благодаря упреждающему удару 2-й воздушной армии немецкая танковая группировка была в основном уничтожена, частично рассеяна, что позволило войскам фронта продолжить наступление на львовском направлении. Производя разбор операции, И.С. Конев отметил, что авиация 15 июля спасла находившуюся в критическом положении 38-ю армию⁴.

Обращает на себя внимание исключительная точность выхода на цели по расчетному времени крупных авиационных соединений, действовавших в едином оперативном построении. Это достигалось благодаря высокой подготовленности летного состава и хорошей организации системы безопасности полетов, для чего были созданы контрольно-пропускные пункты, расположенные в 4—5 км от линии фронта, так называемые входные ворота, обозначенные дымами; применялись также специальные ориентирные знаки и радиостанции наведения. Кроме того, экипажи получали систематическую информацию о воздушной обстановке, для каждого авиасоединения устанавливались свои маршруты и высоты полетов, а также контрольные ориентиры, прохождением которых и уточнялось время выхода на цели.

В БОРЬБЕ за господство в воздухе серьезное значение имели воздушные операции по уничтожению авиации противника на аэродромах. При этом особое внимание уделялось тому, чтобы первый удар осуществлялся с наивысшей эффективностью. Готовились к нему весьма тщательно. В обязательном порядке непрерывно вели разведку предназначенных для удара аэродромов, сохраняя режим обычной повседневной разведки. Это позволяло иметь весьма точную информацию о расположении на них самолетов, зенитных средств, складов горючего и боеприпасов, радио- и радиолокационных станций, что помогало определять наивыгоднейшие направления заходов на цели. При этом вырабатывались меры по обеспечению внезапности предстоящих действий, выбирались маршруты и высоты, обеспечивавшие внезапность и скрытность выхода на аэродромы, подлежащие удару. Чтобы ввести врага в заблуждение, имитировались полеты на ложные аэродромы, проводились и другие мероприятия.

При подготовке к Курской битве была проведена воздушная операция, в которой с 6 по 8 мая 1943 года участвовали шесть воздушных армий — 1-я (генерал-лейтенант авиации С.А. Худяков, затем генерал-лейтенант авиации М.М. Громов), 2-я, 8-я (генерал-лейтенант авиации Т.Т. Хрюкин), 15-я (генерал-майор авиации И.Г. Пятыхин, затем генерал-лейтенант авиации Н.Ф. Науменко), 16-я и 17-я. Они нанесли четыре удара по десяткам аэродромов врага. Самым результативным был первый — на рассвете 6 мая 1943 года. В налете участвовали 434 самолета⁵. Противник потерял 194 самолета на аэродромах и 21 в воздушных боях. Хотя его зенитные средства, застигнутые врасплох, и не смогли оказать организованного противодействия, тем не менее и от их огня, и в ходе воздушных боев наши потери составили 21 самолет. Три других удара были менее результативны, а последний — четвертый — вообще, можно сказать, ничего не дал. Из-за того что наша разведка не смогла вскрыть проведенные немецким командованием передислокацию авиации, изменения в расположении зенитных средств и усиление истребительного прикрытия,

на аэродромах в ходе 4-го массированного удара удалось уничтожить лишь 6 самолетов, при этом наши потери составили 8 машин⁶.

В ходе операций фронтов борьба за господство в воздухе велась главным образом в воздушных боях. Однако когда воздушная разведка доносила о сосредоточении вражеских бомбардировщиков на тех или иных аэродромах, что явно говорило о подготовке немецким командованием очередного налета, по ним наносился упреждающий удар. Так, 25 августа 1941 года воздушная разведка обнаружила на аэродроме Спасская Полисть скопление вражеских бомбардировщиков и истребителей, выполнявших подготовку к взлету. При этом в воздухе над аэродромом патрулировали до 20 вражеских истребителей. Хотя это было время господства гитлеровской авиации в воздухе, командование Ленинградского фронта приняло решение нанести по немецкому аэродрому упреждающий удар. Его произвела сводная группа из 41 истребителя ВВС Ленинградского фронта, действовавшая в четырех эшелонах, каждый с интервалом 2—5 мин. В первом эшелоне шли МиГ-3. Они нанесли бомбовый удар по восточной части аэродрома, после чего сковали в воздушном бою часть патрулировавших истребителей. Последующие эшелоны атаковали взлетающие и находившиеся на земле самолеты противника. Всего из 100 самолетов были уничтожены на земле не менее 40, при взлете — 14 и в воздушном бою сбиты 6 фашистских самолетов. Своих потерь не было⁷.

В марте 1945 года при ликвидации 1-м Белорусским фронтом померанской группировки гитлеровских войск был спланирован упреждающий удар по трем аэродромам противника, на которых базировались до 200 бомбардировщиков и истребителей. Наиболее успешным оказался налет на аэродром Финовфурт, где находились 54 вражеских самолета. За час до наступления темноты 20 штурмовиков Ил-2 9-го штурмового и 30 истребителей 13-го истребительного авиакорпусов нанесли удар по Финовфурту, в ходе которого на земле были уничтожены 30 находившихся на аэродроме самолетов. Успех был достигнут во многом благодаря тому, что командир группы штурмовиков, решив перейти из-за облачности на маршруте на малую высоту, обошел зону огня зенитной артиллерии и точно вывел группу на цель. В то же время действия таких же по составу групп штурмовиков 2-й гвардейской штурмовой авиадивизии по аэродромам Альтдамм и Штеттин оказались менее успешными. В такой же ситуации эти группы вместо перехода на малые высоты продолжили полет над облаками. На аэродром Альтдамм вышли только 9 самолетов Ил-2, остальные производили бомбометание из-за облаков. Результативность, естественно, оказалась небольшой: были уничтожены лишь 13 самолетов противника. Группа штурмовиков, которая должна была ударить по аэродрому Штеттин, из-за облачности вообще цели не нашла, и бомбы были сброшены на случайный объект, появившийся в разрыве облаков. Однако, несмотря на неполное достижение целей упреждающих ударов, противник понес определенные потери своей авиации, расположенной в передовой зоне, что вынудило его перебазировать оставшиеся самолеты на тыловые аэродромы⁸.

Надо отметить, что при организации массированных ударов наших бомбардировщиков или штурмовиков по вражеским объектам в целях защиты от истребителей противника проводились также упреждающие удары и по аэродромам, где базировалась немецкая истребительная авиация.

В апреле 1945 года в ходе Кёнигсбергской операции 3-го Белорусского фронта возникла необходимость нанесения массированного удара по Кёнигсбергу силами 18-й воздушной армии (главный маршал авиации А.Е. Голованов). При этом выполнить его нужно было именно днем 7 апреля. Надо заметить, что ранее 18-я воздушная армия, вооруженная самолетами Ил-4, осуществляла удары только ночью, чтобы свести к минимуму потери от истребителей противника.

Командующий ВВС Красной армии главный маршал авиации А.А. Новиков, координировавший действия авиации в операции фронта, принимая решение о нанесении дневного массированного удара силами 18-й воздушной армии, в то же время поставил задачи перед 1-й воздушной армией фронта о нанесении упреждающих ударов по зенитным позициям и аэродромам Нойтиф и Гросс Диршкайм, на которых базировалась истребительная авиация противника. В этих налетах, осуществлявшихся буквально за считанные минуты до удара по Кёнигсбергу, участвовали многие десятки бомбардировщиков и штурмовиков⁹. Благодаря принятым мерам 18-я воздушная армия потерь не понесла.

Изучение опыта организации и осуществления упреждающих ударов фронтовой авиации в операциях Великой Отечественной войны показывает, что успех их во многом зависел от следующих факторов: согласованности по времени и месту действий авиации с наземными войсками; организации ежедневной многоцветной разведки целей и доразведки их непосредственно перед ударом; сохранения скрытности подготовки предстоящих действий; обеспечения внезапности начала ударов с ограничением радиосвязи в воздухе и использованием малых высот полета; подготовки двух вариантов действий в простых и сложных метеословиях; организации разведки погоды на маршрутах и в районе непосредственно перед упреждающим ударом; своевременной информации летного состава; нахождения командиров авиасоединений и частей во главе своих боевых порядков в воздухе, что обеспечивало непрерывность управления и повышало настрой летного состава на успешное выполнение боевых задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1968. С. 182, 183.

² Тимохович И.В. В небе войны. М.: Воениздат, 1986. С. 223.

³ Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1981. С. 19.

⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 303. Оп. 142194. Д. 257. Л. 44.

⁵ Там же. Ф. 35. Оп. 226133. Д. 1. Л. 67.

⁶ В этом упреждающем ударе участвовал 181 самолет; Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 176.

⁷ Информационный сборник № 3. Штаб ВВС Красной Армии. НКО Союза СССР. М.: Воениздат, 1942. С. 13, 14.

⁸ Информационный листок № 60. Апрель 1945. Штаб ВВС Красной Армии. Центральная типография НКО им. К.Е. Ворошилова. С. 7, 9.

⁹ Информационный сборник № 26 Управления ГК ВВС Вооруженных Сил Союза СССР. Воениздат ВС СССР, 1946. С. 28.

*Генерал-лейтенант авиации в отставке
Н.Н. ОСТРОУМОВ,
кандидат военных наук, доцент
(Москва)*

КУБАНЬ ПОМНИТ МАРШАЛА Г.К. ЖУКОВА

Освободив 12 февраля 1943 года Краснодар, войска Северо-Кавказского фронта вышли к «Голубой линии» — сильно укрепленному рубежу, прикрывавшему подступы к Таманскому полуострову. Учитывая сложность предстоящей задачи, Ставка направила на Северо-Кавказский фронт, которым тогда командовал генерал-лейтенант И.Е. Петров, своего представителя — заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. По свидетельству командующего в то время 56-й армией А.А. Гречко (Годы войны. М.: Воениздат, 1976. С. 489, 491), Георгий Константинович, разместившись в землянке неподалеку от командного пункта 56-й армии, быстро ознакомился с обстановкой и внес коррективы в намеченные мероприятия. Присутствуя в войсках во время ожесточенных боев за станицу Крымскую, он достойно оценил подвиги бойцов и командиров. Этот момент нашел отражение в диораме «Маршал Г.К. Жуков на командном пункте под станицей Крымской в 1943 г.», установленной в музее Г.К. Жукова в краснодарском Доме офицеров.

Вообще же мероприятия по увековечению памяти маршала на Кубанской земле начались значительно раньше, в ходе подготовки к 100-летию со дня его рождения.

В сентябре 1993 года при поддержке администрации края был создан краевой комитет памяти маршала Г.К. Жукова, преобразованный впоследствии в общественную организацию, которую возглавил ветеран войны, доктор юридических наук, профессор М.Н. Тарасенко.

Комитет развернул активную организаторскую работу. Был объявлен сбор средств на создание памятника полководцу. Откликнулись более 110 тыс. человек и многие организации. Получила дальнейшее развитие военно-патриотическая работа. Администрация края учредила почетный знак «Маршал Жуков — защитник России», была издана книга «Г.К. Жуков на Кубани». Накануне юбилея состоялось торжественное заседание общественности Краснодара, а в день 100-летия Г.К. Жукова — 1 декабря 1996 года в центре города полководцу был открыт мемориал. Мемориальные доски и памятники маршалу появились также в ряде городов и станиц Кубани. Ежегодно проводится конкурс по военно-патриотической работе на приз имени маршала Г.К. Жукова. В прошлом году в нем приняли участие 137 организаций, победители получили почетные грамоты, призы, денежные премии.

Кубань помнит полководца, он всегда будет ярким примером для подрастающего поколения.

*Полковник в отставке И.С. ХАРЧЕНКО,
кандидат исторических наук,
участник Великой Отечественной войны
(г. Краснодар)*

ЗАСЕДАНИЕ КООРДИНАЦИОННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

В ИНСТИТУТЕ военной истории Министерства обороны РФ состоялась заседание нештатного Координационного научного совета по военно-исторической работе в Вооруженных силах РФ. Вел заседание председатель совета — заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-полковник А.С. Скворцов, участвовали представители Генерального штаба, центральных органов военного управления Министерства обороны, видов Вооруженных сил, родов войск, сотрудники Института военной истории.

С докладом «Итоги военно-исторической работы за период с июля 2003 по июнь 2004 года и задачи на 2005 год» выступил заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник А.С. Скворцов. Он подчеркнул, что центральным вопросом военно-исторической работы продолжает оставаться качественное и высоконаучное проведение исторических исследований и реализация их результатов по проблематике военной истории в оперативной и боевой подготовке войск и воспитании военнослужащих.

В 2003 году, отметил докладчик, были завершены научные работы: «История становления и развития организационно-мобилизационных органов Генерального штаба в России (конец XVIII — середина XX вв.)»; «Информационная сфера и национальная безопасность: история и современность»; «Опыт применения сил специальных операций стран НАТО в операциях в Персидском заливе и Югославии»; «Специальные действия войск (сил) в системе операций ВС РФ», «Вклад Военно-воздушных сил в коренной перелом Великой Отечественной войны»; «Развитие противовоздушной (воздушно-космической) обороны РФ в послевоенный период»; «Итоги боевой деятельности Советского ВМФ в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а также научно-справочный труд «Военная энциклопедия» и др.

Положительным результатом организации и проведения военно-исторических исследований стало завершение работ, проводившихся в целях ретроспективного анализа проблем специальных действий войск (сил) в системе операций Вооруженных сил РФ и борьбы с воздушным противником в различных условиях военно-стратегической обстановки. Наметились более тесные увязки военно-исторических исследований с задачами оперативной и боевой подготовки.

В текущем году, подчеркнул докладчик, завершается разработка таких трудов, как «Создание и развитие военно-окружной системы в Красной армии, Вооруженных Силах СССР, РФ (1918—2001 гг.)», «Военное искусство в войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века», «Территориальная оборона по опыту зарубежных государств», «Деятельность высших органов военного управления по реформированию Красной армии в 20-х годах XX века. Сборник документов» и др. Продолжается работа по таким важным темам, как «Войны XX века: причины, характер, итоги», «Теория и практика информационных войн» и др.

В целом своевременно и качественно выполнены задачи 2003 и выполняются задачи текущего года по разработке военно-исторических трудов в соответствии с программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы». Докладчик указал также и на недостатки в организации и проведении военно-исторических исследований. Так, в 2003 году был продлен срок разработки единых учебников для военных академий, университетов и институтов ВС РФ, в частности таких трудов, как «Военный энциклопедический словарь», «Этносепаратизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации», «Советско-польские вооруженные конфликты 1918—1919 и советско-польская война 1920 г.», «Деятельность высших органов военного управления по реформированию Красной армии в 20-х гг. Документы и материалы». Причинами невыполнения работ в установленные сроки, как правило, являлось низкое качество итоговых отчетов, обусловленное слабостью документальной базы, недостаточно глубоким ана-

лизом исследуемых проблем, отсутствием обстоятельных выводов и рекомендаций для военной теории и практики. Низкое качество отдельных работ обусловлено отсутствием должного влияния со стороны их заказчиков.

Отдельные органы военного управления недостаточно активны в организации военно-исторических исследований. Это свидетельствует о том, что их научная и практическая деятельность проходит без должного учета опыта военной истории. Тематика плановых научных работ видов Вооруженных сил и родов войск зачастую направляется на исследование истории отдельных органов военного управления и организаций, в то время как вопросы истории войн, военного искусства, истории строительства видов Вооруженных сил и родов войск остаются неисследованными. Например, такими вопросами по истории Великой Отечественной войны остаются: объективный анализ всего комплекса политических, экономических, дипломатических и военных мероприятий, проведенных советским руководством с началом войны и в ее ходе как на фронте, так и в тылу; причины просчетов и поражений советских войск в 1941—1942 гг.; военное искусство Красной армии в целом ряде операций; вопросы плена, содержания военнопленных, коллаборационизма, потерь и др.

В заключение докладчик обстоятельно проанализировал состояние подготовки военных историков и выработкой единой методики военно-исторической работы в ВС РФ.

На заседании с докладом «Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны на современном этапе» выступил президент Академии военных наук доктор исторических наук генерал армии М.А. Гареев. В обсуждении докладов приняли участие начальник Института военной истории полковник А.А. Кольтюков, начальник Военно-мемориального центра ВС РФ генерал-майор А.В. Кирилин, главный редактор «Военно-исторического журнала» капитан 1 ранга И.А. Анфертьев, начальник Архивной службы ВС РФ полковник С.А. Ильенков, а также полковник В.И. Терещенко (Военно-научный комитет Сухопутных войск), полковник С.А. Закурдаев (ВНК ВВС), капитан 1 ранга Е.Г. Мачкин (Военно-морской флот), полковник А.В. Кириллов (ВНК Тыла ВС РФ), полковник А.В. Резник (РВСН), полковник В.А. Афанасьев (Центр военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ), полковник Д.В. Украинцев (Главное управление кадров МО РФ), полковник В.А. Карпов (Главное управление воспитательной работы МО РФ).

По результатам обсуждения доклада заместителя начальника Генерального штаба генерал-полковника А.С. Скворцова принято постановление, в котором отмечается, что наиболее плодотворно в 2003 году и первом полугодии 2004 года трудились сотрудники Института военной истории, Военной академии Генерального штаба, Общевоинской академии, Военного университета МО РФ, Центрального архива МО РФ, военно-научных комитетов Сухопутных войск, Ракетных войск стратегического назначения, начальника строительства и расквартирования войск. Вместе с тем, отмечается в постановлении, основными недостатками в организации и проведении военно-исторической работы являются невысокий уровень использования архивных документов, последних разработок отечественной и зарубежной историографии в проводимых военно-исторических исследованиях; слабое противодействие искажениям и фальсификациям отечественной военной истории, направленным на принижение роли России и ее Вооруженных сил в событиях мировой истории, особенно во Второй мировой войне; неполное исследование вопросов истории военного искусства и истории строительства видов Вооруженных сил и родов войск, истории войн, военного искусства и строительства вооруженных сил иностранных государств.

Основными причинами недостатков в организации военно-исторической работы в Вооруженных силах признаны: неуккомплектованность научных организаций и органов управления научной работой подготовленными кадрами в области военной истории и отсутствие системы их подготовки в ВС РФ; отсутствие полноценной базы данных по научным исследованиям в области военной истории, особенно по научным исследованиям в области истории военного искусства и строительства видов Вооруженных сил и родов войск, в области зарубежной военной истории;

(Окончание см. на с. 66)

БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ В ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ КУРСКОЙ БИТВЫ

ТЕОРИЯ военного искусства рассматривает господство в воздухе как одно из важнейших условий, обеспечивающих успех операции и войны в целом. Завоевание господства в воздухе остается одной из важнейших задач и современных отечественных Военно-воздушных сил.

На конкретном примере военных действий автор статьи исследует вопрос о применении авиации для завоевания господства в воздухе в ходе вооруженной борьбы, показывает роль ВВС в решении этой важной проблемы, выявляет те положения теории военного искусства, которые не потеряли своего значения и в современных условиях.

Много внимания уделяется бесценному опыту Великой Отечественной войны в решении проблемы завоевания господства в воздухе. Автор подчеркивает, что самый высокий результат этой борьбы достигается в том случае, когда авиация противника одновременно уничтожается на земле и в воздухе. При этом он на конкретных примерах показывает, что проведение воздушных операций по уничтожению самолетов противника на аэродромах является более эффективной формой борьбы, чем уничтожение самолетов в воздухе. В статье анализируются недостатки, просчеты при подготовке и в ходе практической реализации планов использования авиации в оборонительной операции Курской битвы.

Автор статьи должное внимание уделяет работе Ставки Верховного Главнокомандования по усилению авиационной группировки воздушных армий в оборонительной операции. Мощным средством усиления являлись авиационные корпуса и дивизии резерва ВГК. Для усиления авиационной группировки на Курской дуге из тыла к фронту были переброшены четыре авиационных корпуса. Авиационные корпуса резерва ВГК использовались для усиления только на направлениях главных ударов. Не допускалось их распыления по большому числу объектов.

Этот опыт для подготовки Военно-воздушных сил особенно ценен сегодня, что подтверждается практикой военных действий в послевоенный период. Умелое маневрирование авиационными силами и своевременное их усиление является одним из решающих условий завоевания господства в воздухе.

Экипаж воздушного разведчика Пе-2 после выполнения задания. Слева направо: гвардии младшие лейтенанты Л.А. Волков, Ф.А. Устинов и гвардии сержант М.М. Богальников

Июль 1943 г.

ОПЫТ Великой Отечественной войны и современных войн свидетельствует о том, что без завоевания господства в воздухе невозможно осуществить разгром противника и в конечном счете выиграть войну. Сам термин «господство в воздухе» был введен в теорию оперативного искусства советских ВВС накануне Великой Отечественной войны. Под господством в воздухе, в отличие от понятия «превосходство в воздухе», понималось такое положение, когда на длительный период в одном или нескольких районах создавались благоприятные условия для решения всех тактических и оперативных задач нашими войсками без серьезных помех со стороны авиации противника¹. Таким образом, превосходство в воздухе следует понимать как перевес в силах, что дает возможность завоевать господство в воздухе. Оценить превосходство можно с использованием количественных и качест-

Гвардии майор А.Д. Рязанов ставит боевую задачу экипажу Пе-2

Июль 1943 г.

венных показателей: боевого состава авиации противоборствующих сторон; авиационных средств поражения; эффективности системы управления и взаимодействия; уровня боевой и морально-психологической подготовки летного состава; состояния и развития аэродромной сети; эффективности системы ПВО сторон; действия сухопутных войск.

КНАЧАЛУ немецкого наступления на Курском выступе советское командование создало мощную авиационную группировку. На орловско-курском направлении в составе 16-й воздушной армии (ВА) (генерал-лейтенант авиации С.И. Руденко) насчитывалось 1052 боевых самолета, на стороне противника — 893. Количественное соотношение сил составляло: по ударной авиации — 1 : 1, по истребительной — 2,3 : 1, по штурмовой — 6 : 1 в нашу пользу, по разведывательной — 1 : 5,3.

На белгородско-харьковском направлении 2-я (генерал-лейтенант авиации С.А. Красовский) и 17-я (генерал-лейтенант авиации В.А. Судец) ВА имели 1419 самолетов, противник — 957. При этом соотношение сил по ударной авиации составляло 1,64 : 1, в том числе по штурмовой — 8,58 : 1, по истребительной — 1,36 : 1 в нашу пользу, по разведывательной — 1 : 3,2². Наше подавляющее превосходство в штурмовой авиации в дальнейшем обеспечивало эффективную борьбу за господство в воздухе и поддержку войск в ходе как оборонительной, так и контрнаступательной операций.

На обоих направлениях плани-

ровалось применение авиации дальнего действия (АДД). Тыловые объекты прикрывались авиацией ПВО. Здесь было сосредоточено 33,5 проц. боевых самолетов действующей армии, с учетом чего соотношение сил составляло не менее 1,5 : 1. По современным взглядам, такой перевес с силах позволяет завоевать временное (тактическое) господство в воздухе в определенном районе. Кроме того, в тылу по решению Ставки ВГК сосредоточивались крупные авиационные резервы, что имело стратегическое значение. Таким образом, уже сам состав советской авиационной группировки указывал на замысел советского командования на решительное контрнаступление. Об этом говорят и меры по обеспечению не только количественного, но и качественного превосходства над противником. Соединения и части перед началом Курской битвы на 66,5 проц. были укомплектованы новыми истребителями Ла-5ФН, Як-9, двухместными штурмовиками Ил-2, пикирующими бомбардировщиками Пе-2. Новые самолеты имели более мощное вооружение, отличные технические характеристики.

Реализация выгодного соотношения сил зависела от решения командования на выбор форм и способов борьбы за господство в воздухе. С этой целью еще в подготовительный период оборонительной операции Ставка ВГК провела две воздушные операции по уничтожению авиации противника на аэродромах. В них участвовали силы семи объединений ВВС фронтов, при

этом управление ими было жестко централизовано во всей полосе действия, а это 1200 км по фронту и 200 км в глубину.

Первая операция проводилась с 6 по 8 мая силами 1, 2, 8, 16 и 17-й воздушных армий, вторая с 8 по 10 июня силами 1, 2, 15 ВА и авиации дальнего действия. Ударам подверглись десятки вражеских аэродромов. Хотя не все удары были равноценными, на земле удалось уничтожить 750 самолетов, что составляло около 25 проц. всей авиации, которой располагало немецкое командование на советско-германском фронте к началу наступательной операции на Курской дуге (около 3000 самолетов)³. Эти удары подтвердили эффективность подобной формы борьбы за господство в воздухе, когда на один уничтоженный самолет затрачивается примерно два—три самолета вылета (при условии внезапности удара и хорошей разведки). Чтобы достичь подобных результатов при других способах боевых действий, требуется больше усилий, да и потери могут быть более высокими. Так, в ходе Курской битвы в полосе 2 ВА с 5 по 14 июля было выполнено около 6000 самолетовылетов и проведено 500 воздушных боев, в которых потери противника составили 763 самолета, свои — 300 самолетов. Истребители 16 ВА в период с 5 по 8 июля провели 293 воздушных боя, уничтожили 400 самолетов противника, потеряв 247 машин.

Способами выполнения задач по достижению господства в воздухе в оборонительном периоде Курской битвы были также воздушные сражения и бои при отражении воздушных ударов противника. Учитывая, что инициатива в таких случаях — особенно в начальный период действий — принадлежит атакующей стороне, сторона обороняющаяся должна приложить весьма большие усилия для отражения удара и нанесения противнику такого ущерба, чтобы он был вынужден отказаться от своей цели. Так, при отражении массированного удара люф-

тваффе по Курску 2 июня в воздух пришлось поднять 386 истребителей, которые в воздушных боях уничтожили 145 вражеских самолетов.

За период подготовки к Курской битве в ходе борьбы за господство в воздухе нашей авиацией были выполнены более 18 тыс. самолетовылетов, во время которых в воздушных боях только 2 и 16 ВА и 101 иад ПВО уничтожили 479 самолетов противника⁴. Всего же в этот период люфтваффе потеряли более 1200 самолетов вместе с экипажами. Надо отметить, что последнее обстоятельство существенно сказывалось на возможностях немецко-фашистских ВВС, в том числе и на ходе борьбы за господство в воздухе в Курской битве: подготовленного летного состава не хватало. Немецкому командованию пришлось постоянно мобилизовывать все ресурсы, чтобы восполнять численность своей авиационной группировки. В 1943 году промышленности Германии выпустила 25 300 самолетов.

Однако возможности вражеской авиации были еще весьма высоки, и Ставка ВГК, предвидя ожесточенную борьбу за господство в воздухе, принимала меры по усилению группировки воздушных армий фронтов за счет авиационных дивизий и корпусов РВГК, удельный вес которых в ходе войны непрерывно возрастал. На 1 июля 1943 года на Западном, Брянском, Центральном, Воронежском, Юж-

ном и Северо-Кавказском фронтах имелись 18 авиационных корпусов РВГК. Для усиления авиационной группировки в районе Курского выступа из тыла к фронту были перебазированы четыре авиационных корпуса. Маневр резервами осуществлялся штабом командующего ВВС Красной армии на основе указаний и решений Ставки ВГК. Жесткая централизация управления резервами позволяла использовать их в нужный момент на решающих направлениях, не допуская распыления сил по большому числу объектов. Кроме того, в ходе оборонительной операции по решению Ставки ВГК для усиления фронтов могли привлекаться силы 1, 5 и 15-й воздушных армий. Все эти меры способствовали заблаговременному созданию и поддержанию в ходе боевых действий количественного и качественного авиационного превосходства над противником⁵.

БОРЬБА за господство в воздухе, начавшаяся при подготовке к оборонительному периоду Курской битвы, приобрела ожесточенный характер с началом наступления фашистских войск. Несмотря на заранее разработанные нашим командованием планы по использованию авиации, их практическая реализация имела некоторые издержки, связанные в основном с трудностью определения направления главного удара противника. Особенность этого периода Курской битвы

для советских ВВС выражалась в том, что борьба за господство в воздухе велась преимущественно в интересах сухопутных войск и согласовывалась с ними по месту, времени и задачам. Такая эффективная форма борьбы за господство в воздухе, как уничтожение самолетов противника на его аэродромах, практически не применялась, только боевые действия 2-й и 17-й воздушных армий начались с ударов по аэродромам, которыми предусматривалось ослабить авиационную группировку врага и дезорганизовать его действия в поддержке наступления. К сожалению, советским командованием были допущены ошибки, и к моменту нанесения ударов противник уже поднял свою авиацию в воздух. Советским ВВС пришлось принять участие во встречном ударе и одновременно в отражении массированного вражеского налета. Недостатки в организации разведки сказались на результатах атак: потери люфтваффе на аэродромах составили всего 60 самолетов⁶. Видимо, в той обстановке превентивный удар должен был быть нанесен накануне вражеского наступления: это позволило бы резко изменить соотношение сил в нашу пользу и с утра приступить к поддержке своих войск⁷.

При преднамеренном и заблаговременном переходе советских войск к обороне на Курском выступе, когда ставилась цель в ходе оборонительного сражения обескровить ударные группировки врага и этим создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление, объем задач, решавшихся авиацией фронтов в интересах поддержки сухопутных войск, значительно уменьшался, что, казалось бы, позволяло сосредоточить больше усилий на борьбе за господство в воздухе. Но с началом немецко-фашистского наступления действия 16-й воздушной армии активными назвать нельзя: ее основные силы не приняли участия в контрподготовке, и лишь истребители отражали налет противника. Имея перевес в

Схема боевых действий войск и авиации в оборонительном сражении на орловско-курском направлении 5–10 июля 1943 г.

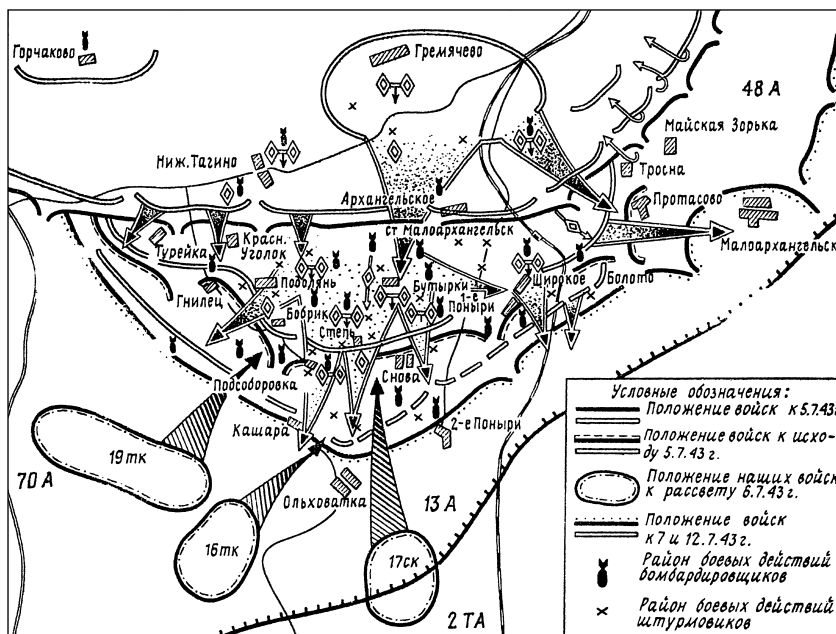
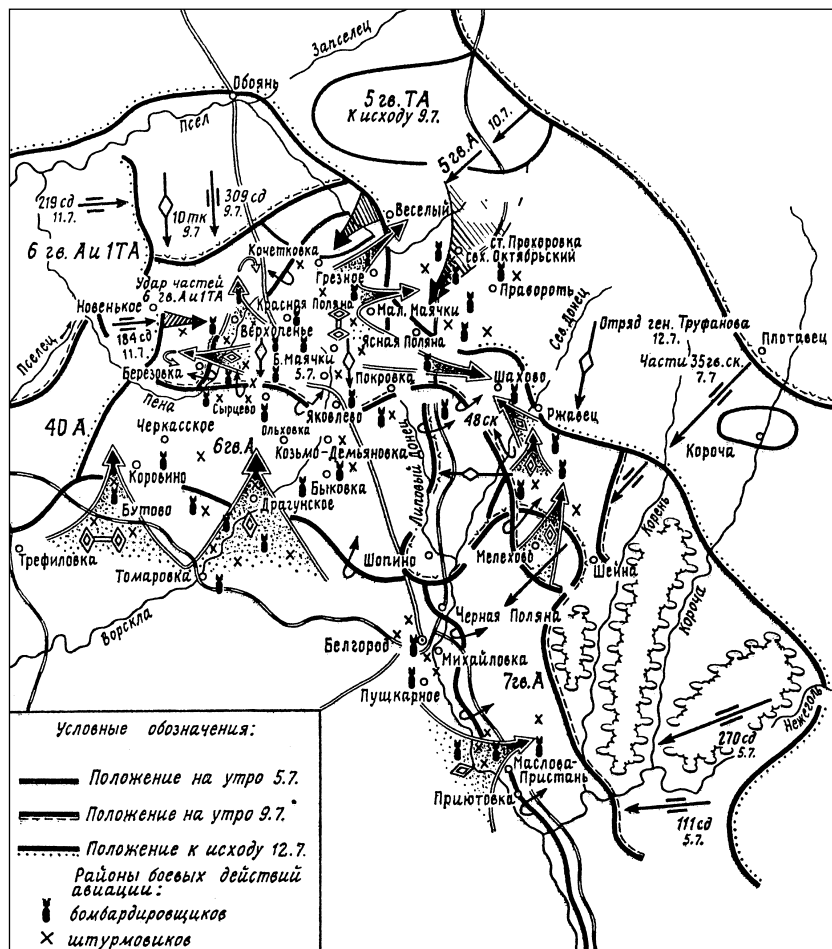

Схема боевых действий войск и авиации в оборонительном сражении на белгородско-курском направлении
6–17 июля 1943 г.

истребителях на направлении главного удара более чем в два раза, 16 ВА к полудню 5 июля произвела только 520 самолетовылетов. Противник же стремился активными действиями сильных групп истребителей, выславшихся на поле боя, связать наши истребители на подходах к нему и тем самым обеспечить эффективность своей ударной авиации. С советской стороны были приняты экстренные меры по активизации борьбы за господство в воздухе. Перед 6 иак и 2 гв. иад были поставлены задачи по завоеванию господства в воздухе на орловско-курском направлении. 5 июля они провели 76 воздушных боев, в которых уничтожили 106 самолетов врага, а на следующей день в 92 воздушных боях — 113. Всего за первые четыре дня немецкого наступления истребители 16 ВА выполнили 2327 самолетовылетов, провели 293 воздушных боя и сбили 404 самолета противника.

На белгородско-курском направлении в первые часы сражения из-за отвлечения значительного числа истребителей на обеспечение ударов по аэродромам противника нашей авиации, несмотря на количественное превосходство, не удалось достичь успеха. Обстановка изменилась лишь после ввода в действие основных сил истребительной авиации 2-й воздушной армии. На направлении главного удара в полосе 6-й гвардейской армии 5 иак был усилен истребительной авиационной дивизией 4 иак. Истребители произвели 1172 самолетовылета, провели 99 воздушных боев и сбили 173 вражеские машины. На направлении вспомогательного удара в полосе 7-й гвардейской армии было проведено 18 воздушных боев и сбито 19 самолетов. В результате этих мер авиация 2 ВА добилась временного равновесия сил в воздухе. Всего же в ходе борьбы за господство в воздухе в первые дни оборонительного сражения с 5 по 14 июля было выполнено 4657 самолетовылетов (65 проц. всех вылетов), проведено 498 воздуш-

ных боев и уничтожено 763 самолета противника⁸. Однако, несмотря на интенсивные действия нашей авиации на обоих главных направлениях вражеского наступления, в первые дни нам не удалось завоевать господства в воздухе. Причин этому несколько.

Планы боевого использования авиации, составленные еще к середине июня, до начала наступления противника не уточнялись. Борьба за господство в воздухе велась в основном во время прикрытия своих войск методом непрерывного патрулирования и сопровождения, т.е. пассивным путем. Истребители при этом распределялись по большому количеству объектов прикрытия, что приводило к распылению сил. Противник же сосредоточивал усилия на небольших участках фронта, благодаря чему достигал преимущества, как говорится, в нужное время в нужном месте. Из-за недостаточности истребителей сопровождения не с должной интенсивностью велись боевые действия штурмовой и бомбар-

дировочной авиации. При упреждающих действиях противника наша авиация оказывалась в роли оборонявшейся стороны. Так, на обояньском направлении в полосе Воронежского фронта истребители 2-й воздушной армии были вынуждены вести воздушные бои с немецко-фашистскими ВВС на подходах к полю боя, т.е. с теми силами, которые действовали в качестве заслонов, в то время как вражеские бомбардировщики без помех наносили бомбовые удары. Аналогичные недостатки при отражении налетов противника в полосе Центрального фронта были присущи и истребительным подразделениям 16-й воздушной армии.

Недостатки в организации управления, наведения по радио и оповещения также негативно отразились в оборонительный период Курской битвы на завоевании советской авиацией господства в воздухе. Управление истребителями в напряженные моменты воздушных боев осуществлялось с командных пунктов дивизий, расположенных в

50—60 км от линии фронта. Не все командиры истребительных соединений выделяли офицеров для управления самолетами над полем боя, к тому же некоторые радиостанции оказались неисправными⁹. Несвоевременное оповещение о воздушном противнике вынуждало командующих воздушными армиями постоянно держать в зонах дежурства наряды истребителей, что вело к неоправданному перерасходу сил, а часто и к несоблюдению непрерывности в дежурстве, чем и пользовался противник. Более того, советские летчики часто ввязывались в бой с немецкими истребителями сопровождения, вместо того чтобы действовать по бомбардировщикам, а при сопровождении своих сил нередко по той же причине оставляли их без прикрытия, что приводило к неоправданно большим потерям.

ПРОАНАЛИЗИРОВАВ недостатки в организации боевых действий, командующие воздушными армиями изменили формы и способы борьбы за господство в воздухе. Так, уже с 7 июля наши истребители стали осуществлять патрулирование в одной зоне несколькими группами по 4—6 самолетов в каждой, эшелонируясь по высоте; одновременно улучшились управление с земли и взаимодействие между группами. Для усиления патрульных групп истребителей использовали вызов дежурных сил с аэродромов. В боевые порядки ударной авиации решили включать группы патрульного сопровождения, что привело к снижению потерь от истребителей противника в 4 раза. Для своевременного обнаружения вражеских самолетов и их перехвата до линии фронта применялись самолеты-разведчики в зонах на вероятных направлениях полета противника (подобный способ действий истребителей может найти применение и в современных условиях, когда дальности обнаружения крылатых ракет и малозаметных самолетов весьма ограничены).

В результате мер, принятых советским командованием, борьба в воздухе стала более эффективной, и наша авиация добилась тактического господства на орловско-курском направлении к 8 июля, на белгородско-курском — к 11 июля. С 8

июля интенсивность действий нашей авиации на орловско-курском направлении была в 1,35 раза выше, чем у люфтваффе, а на белгородско-курском с 11 июля выше в 1,66 раза¹⁰. Начиная с 18 июля на обоих направлениях советская авиация, завоевав оперативное господство в воздухе, получила значительное превосходство, что благоприятно сказалось на действиях наземных войск¹¹.

В целом же боевые действия советских ВВС в подготовительный и оборонительный периоды Курской битвы состояли из действий авиации и ПВО, что присуще наступательной операции. Такая ситуация возникла, когда авиация фронтов действовала сухопутным войскам при нанесении ими контрударов, что особенно проявилось под Прохоровкой, когда противник предпринял решительную попытку прорвать оборону Воронежского фронта. Тогда истребительная авиация произвела около 2000 самолетовылетов на прикрытие войск и провела более 100 воздушных боев, уничтожив до 200 самолетов противника¹².

Успех борьбы за господство в воздухе в Курской битве определялся и условиями базирования: был предусмотрен аэродромный маневр на случай отхода советских войск, а также при переходе в контрнаступление. В полосах действий 2-й и 16-й воздушных армий были построены 154 аэродрома, что обеспечивало рассредоточенное базирование, т.е. учли негативный опыт предвоенного периода, когда на одном аэродроме базировалось более 100 самолетов. Кроме того, имелись и 50 ложных аэродромов с 240 макетами самолетов. В результате этих мер воздушная разведка противника так и не смогла точно установить базирование и численность нашей авиации. Уловка сыграла свою роль: немцы бомбили ложные аэродромы более 60 раз. К тому же с целью маскировки полеты с передовых аэродромов запрещались до начала операции.

В оборонительной операции Курской битвы 16-я воздушная армия затратила 3857 самолетовылетов на выполнение задачи по завоеванию господства в воздухе, а 2-я воздушная — 7445 самолетовылетов. За время опе-

рации авиация фронтов провела более 1000 воздушных боев и сбила 1400 самолетов противника¹³. В среднем в одном воздушном бою наши истребители уничтожали 1,4 самолета, при этом сами теряя 0,68 самолета. Таким образом, потери противника были в два раза выше наших, хотя в воздушных боях наши истребители, как правило, не имели численного превосходства. Ярким примером мастерства советских летчиков служит героический подвиг старшего лейтенанта А.К. Горовца, который вступил в бой с 20 вражескими бомбардировщиками, сбил 9, но, к сожалению, и сам погиб. Звания Героя Советского Союза удостоен посмертно.

В оборонительной операции авиация Центрального и Воронежского фронтов в борьбе за господство в воздухе произвела 11 302 самолетовылета, что составляет около 44 проц. от всех произведенных вылетов, в которых уничтожила в воздушных боях и на земле 1580 самолетов противника¹⁴. Завоевание советской авиацией господства в воздухе не позволило наступающим немецко-фашистским войскам выполнить поставленные задачи ни в полосе Центрального, ни в полосе Воронежского фронтов. Ослабление первоначальной группировки немецкой авиации на 77 проц. привело к ее разгрому и оперативному господству в воздухе нашей авиации на направлениях главных ударов, в результате чего создались благоприятные условия для перехода советских войск в решительное наступление на Курской дуге.

Подводя итоги борьбы советских ВВС по завоеванию господства в воздухе, можно сделать следующие выводы. Ход боевых действий в Курской битве доказал необходимость планирования боевого применения авиации по периодам и вариантам обороны, что позволяет сосредоточивать основные усилия в борьбе за господство в воздухе на направлениях главных ударов противника.

Весьма важно создавать и поддерживать количественное и качественное превосходство над противником за счет резервов и маневра с других направлений; опыт применения авиационных соединений РВГК может быть использован для опти-

мизации организационной структуры в современных условиях. Целесообразно предусмотреть также создание авиационных резервов постоянной готовности сокращенного состава или кадра, что позволит решать задачи без ослабления армий ВВС и ПВО.

Для надежного и быстрого завоевания господства в воздухе недостаточно одного превосходства сил, необходимо использовать рациональные способы боевых действий и управления ими.

Опыт отражения массированных ударов противника разнородными силами при их централизованном управлении и четкой организации обнаружения сохраняет свою актуальность и в современных условиях, когда завоевание господства в воздухе достигается не только силами истребительной авиации, но и проведением воздушных операций с привлечением ракетных войск и артиллерии, сил и средств ПВО, РЭБ и разведки. Авиация же остается наиболее маневренным средством, способным подавлять авиацию и ПВО противника не только в воздухе, но и на земле и лишая его маневра с целью сосредоточения усилий на нужных направлениях.

Удары по вражеским аэродромам показали, что воздушные операции позволяют массировать усилия нескольких объединений ВВС и добиваться в короткие сроки превосходства в силах.

Военные действия последнего времени убеждают нас в том, что многие положения оперативного искусства по завоеванию господства в воздухе в ходе сражений Второй мировой войны, в частности в Курской битве, не только сохраняются, но и могут иметь серьезное значение в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Агеев Б.А., Пентюков С.Е. Военно-воздушные силы в разгроме орловской группировки немцев. М.: Воениздат, 1949. С. 162.

² Warden D. Air campaign: Planning for combat. NDU, Washington, 1998. P. 15-18.

³ Тимохович И.В. Оперативное искусство Советских ВВС в Великой

Отечественной войне. М.: Воениздат, 1976. С. 47.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Действенность этого опыта подтверждается практикой военных действий и после Второй мировой войны. Так, в войне против КНДР в 1950—1953 гг. США свою первоначальную авиационную группировку к концу войны увеличили в 3,7 раза, что составило 35 проц. всех ВВС США. Во Вьетнаме американцы усилили свою группировку к концу войны в 3,6 раза. При подготовке операции «Щит пустыни» была создана авиационная группировка в 1000 самолетов за счет переброски эскадрилий тактической авиации и самолетов авианосных ударных групп. При действиях на Балканах в 1999 г. наращивание группировки МНС производилось за счет перебазирования самолетов из США и Европы. Аналогичные мероприятия проводились и в войне против Ирака в 2003 г.

⁶ Сборник материалов по изучению опыта войны № 11. Март—апрель 1944 г. Военное издательство НКО, 1944. С. 168.

⁷ В современной войне при большой глубине базирования авиации и значительных дальностях обнаружения вероятность развития событий по такому варианту весьма высока.

⁸ Сборник материалов по изучению опыта войны... С. 170, 171.

⁹ Подобные недостатки могут проявиться в современных условиях и даже привести к обстрелу средствами ПВО своих самолетов. Так было в войне против Ирака в 2003 г., когда ЗРК «Пэтриот» уничтожил истребитель «Торнадо» английских ВВС.

¹⁰ Военная мысль. 1995. № 3. С. 46—49.

¹¹ Для сравнения: в войне в Персидском заливе 1991 г. авиацией МНС в течение трех суток было завоевано господство в воздухе и созданы условия для успешного проведения воздушной кампании. Армия Ирака была полностью деморализована, что привело к сокращению фазы наземных действий.

¹² Подобное наблюдалось в войне в Ираке в 2003 г., когда американцам только благодаря действиям авиации удалось отбить контрудары под Эн-Насирией и Кербелой.

¹³ Тимохович И.В. Указ. соч. С. 48.

¹⁴ Агеев Б.А., Тимохович И.В. Битва под Курском. Действия военно-воздушных сил (июль—август 1943 г.) Монино: Изд-во КВВА, 1955. С. 63.

**Полковник в отставке
Л.Ф. РЯЗАНОВ,
кандидат военных наук, доцент
(Москва)**

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Десятьев А.П., Семин В.П. Россия в войнах и вооруженных конфликтах. М.: Граница, 2004. 231 с., ил.

*Передана авторами
(Москва)*

Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица. М.: ВАГШ, 2004. 214 с.

*Передана начальником Военной академии Генерального штаба ВС РФ генерал-полковником В.С. Чечеватовым
(Москва)*

Месснер Е.Э. Всемирная мятежнойна. Жуковский.; М.: Кучково поле, 2004. 512 с.

*Передана доктором философских наук, профессором генерал-майором в отставке И.С. Даниленко
(Москва)*

Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945. М.: Наука, 2004. 564 с.

*Передана автором
(Москва)*

Котков В.М. Военное духовенство России. СПб.: Нестор, 2004. Кн. 1. 320 с.

Котков В.М. Военное духовенство России. СПб.: Нестор, 2004. Кн. 2. 318 с.

*Переданы автором
(Санкт-Петербург)*

Купцова И.В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). СПб.: Нестор, 2004. 238 с.

*Передана автором
(Санкт-Петербург)*

Бутков С.Е. Исповедь моряков-декабристов. М.: Издательский дом «Звонница — МГ», 2003. 640 с., ил.

*Передана автором
(Москва)*

Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914—1920): Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004. 240 с.

*Передана автором
(Москва)*

Забвению не подлежит. Статьи. Воспоминания. Документы. СПб.: Союз дизайн, 2004. Вып. IV. 138 с., ил.

*Передана директором Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда полковником запаса А.А. Шишкиным
(Санкт-Петербург)*

Дети Отечества / Авт.-сост. В.Я. Мовзалевский. Ставрополь: ООО «Юрсит», 2001. 416 с.

*Передана автором
(г. Ставрополь)*

ПРИНАДЛЕЖАЛ К ЧИСЛУ ТЕХ ПАТРИОТОВ, О КОТОРЫХ ОСТАЮТСЯ ЛИШЬ КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ В СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Александр Григорьевич Орлов принадлежал к числу людей, верой и правдой служивших Отечеству до конца своих дней, о которых остаются лишь краткие биографические сообщения в справочной литературе, а порой и они далеко не всем доступны. Впрочем, должности военного атташе, затем заместителя начальника и исполняющего обязанности начальника Разведывательного управления РККА, которые занимал комдив А.Г. Орлов, длительное время не позволяли распространять публичные сведения о нем. И только в последние годы появилась возможность раскрыть некоторые факты его биографии.*

А.Г. Орлов после награждения орденом Красного Знамени
1928 г.

А.Г. Орлов с отцом
Подмосковье. Начало 1930-х гг.

РОДИЛСЯ А.Г. Орлов 18 июля** 1898 года в г. Перми в старинной дворянской семье. Несмотря на то что половину своей жизни он посвятил военной службе, в детстве о ней даже и не помышлял.

В 1908 году Саша Орлов поступил в Перми в Алексеевское реальное училище, обнаружив стремление к знаниям не только в точных науках, но и в гуманитарных. Особенно легко ему давались иностранные языки.

Окончив реальное училище в 1915 году, он помимо полученного там образования имел также неплохое домашнее — играл на фортепиано и флейте, сочинял музыку. В фамильном архиве Орловых сохранились принадлежавшие Александру Григорьевичу некоторые нотные записи, правда, более поздние — 1936 года (вальсы, колыбельная).

Осенью 1915 года Александр уе-

хал в Москву, где поступил на юридический факультет Императорского университета. Учеба в нем не вызвала у юноши особенных трудностей. Уже к осени 1916-го он сдал экзамены за два курса, после чего был призван в армию. Здесь поступил на сокращенный курс для студентов Михайловского артиллерийского училища, многие из которых открыто выражали недовольство существовавшим строем. В первые же дни февральских событий 1917 года юнкера прибыли в Таврический дворец, выдвинули своих представителей в Петроградский Совет, а в августе 1917-го ответили отказом на требование выделить в распоряжение Верховного главнокомандующего артиллерийскую батарею. Тогда же здесь состоялся выпуск, после которого А.Г. Орлов, получив чин прапорщика, оказался в действующей армии на Румынском фронте в должности младшего офицера 2-й батареи 1-го горного артиллерийского дивизиона. После Октябрьской революции 1917 года солдаты получили право выбирать командиров. Тогда-то по решению общего собрания батареи

Орлова назначили комбатом, а вскоре 1-й горный артиллерийский дивизион, куда входило его подразделение, передислоцировали сначала в г. Могилев-Подольский, затем в г. Тирасполь и расформировали.

В феврале 1918-го А.Г. Орлов отправился домой, но лишь к апрелю добрался до своего города. В июне завел семью. Жена его, Лидия Васильевна Орлова, в девичестве Гончарова, училась в Пермском университете и работала учительницей. 25 июня 1918 года Александра зачислили в резерв кандидатом на командную должность, а затем поручили сформировать 4-ю батарею Пермской артиллерийской бригады, вместе с которой он вскоре отбывает в г. Слободской Вятской губернии. В октябре он был назначен командиром 1-й батареи 10-й артиллерийской бригады.

Весной 1920-го А.Г. Орлов был назначен инструктором, а затем начальником школы младшего командного состава при запасной артиллерийской бригаде. По команде он направил рапорт с просьбой отправить его на фронт. В июне получил задание сформировать

* Автор признателен дочери А.Г. Орлова — И.А. Орловой, хранительнице семейного архива, за помощь в подготовке настоящего очерка.

** Даты, упоминаемые до 14 февраля 1918 г., даются по ст. стилю.

ровать огневую ударную бригаду особого назначения, так называемую бригаду огня, став затем ее начальником. Вместе с ней и отбыл на создаваемый Южный фронт (второго формирования), где был назначен начальником артиллерии группы по обороне каховского плацдарма и одновременно командиром легкого артиллерийского дивизиона отдельной огневой ударной бригады. Там принял участие в боевых операциях, проводившихся осенью 1920 года.

В одном из боев он был тяжело ранен, из-за чего лишился левой ноги. Уволенный из армии по инвалидности, оставил госпиталь 24 апреля 1921 года, однако уже через 3 дня был зачислен на военную службу исполняющим должность штатного преподавателя артиллерии и топографии 95-х Уфимских командных курсов.

В августе 1922 года он был переведен в Московский военный округ преподавателем артиллерии 1-й Объединенной школы имени ВЦИК, в мае 1924-го стал исполнять обязанности главрука артиллерии школы (утвержден 1 января 1925 г.).

В январе 1924 года по так называемому ленинскому призыву А.Г. Орлов подал заявление в партию. Сначала был кандидатом, а в марте 1927-го стал членом ВКП(б).

После перевода в Москву в сентябре 1922 года он поступил на правовое отделение факультета общественных наук 1-го Московского государственного университета, которое окончил 15 июня 1925-го, получив назначение помощником начальника юридическо-статистического отдела Главного управления РККА. Согласно одному из документов тех лет А.Г. Орлов показал себя «теоретически хорошо подготовленным в области советского права и военного законодательства в частности», что «в связи с исполнительностью, дисциплинированностью, усидчивостью и вдумчивым отношением к делу делает его весьма полезным работником законодательного отдела, вполне соответствующим предъявляемым ему требованиям». В характеристике подчеркивались самодисциплинированность Орлова, его приученность к внимательному слезению «за всеми изменениями в действующем законодательстве и юридической литературе»¹. В августе 1927-го Александр Григорьевич был назначен юрисконсультом (юристом) при Наркомате по военным и морским делам (НКВМ) и РВС, а в июле следующего года — начальником

А.Г. Орлов — военный эксперт делегации СССР на международной конференции по разоружению Швейцария. Женева. 1932 г.

Начальник Управления военных приборов Главного управления РККА А.Г. Орлов (в центре) среди участников парада на Красной площади 1933 г. (предположительно)

комился с достижениями военной науки, в частности с современными приборами управления артиллерийским огнем. В то время этот вопрос был одним из самых актуальных для нашей артиллерии.

Вместе с тем еще до его возвращения в Москву Высшая аттестационная комиссия на заседании 7 сентября 1931 года рекомендовала: «Орлов А.Г. — помощник Управляющего делами соответствует занимаемой должности. Целесообразнее использовать на работе в Артиллерийском управлении»³.

15 ноября 1931 года А.Г. Орлов

Законодательного отдела Управления делами НКВМ.

В марте следующего года Орлов стал начальником сектора и помощником секретаря РВС. В аттестации начальника Управления делами В. Литувовского (март 1930 г.) указывалось, что А.Г. Орлов может быть выдвинут на более высокую должность по артиллерийской специальности².

Вскоре Александр Григорьевич в очередной раз получил повышение по службе, однако не на артиллерийском, а на юридическом поприще (был назначен помощником начальника Управления делами НКВМ), кроме того, 1 июня 1931 года ему присвоили звание военного переводчика с французского языка 1-го разряда.

Побывал Орлов и в командировке в Германии, где в числе других командиров Красной армии зна-

был назначен начальником Управления военных приборов РККА и с огромным энтузиазмом принялся за новое дело. С 27 января по 20 марта 1932 года он участвовал в международной конференции по разоружению, проходившей в Женеве, как начальник штаба военной части советской делегации и военный эксперт по сухопутным вооружениям. Следующая командировка на эту конференцию состоялась с 10 по 23 мая того же года.

За короткий срок пребывания в должности начальника Управления военных приборов А.Г. Орлов провел большую работу по оснащению армии новым оборудованием, всесторонне ознакомился с оборонной промышленностью и ее возможностями, настойчиво боролся за улучшение качества военной продукции. В 1933 году

Помощник военного атташе СССР во Франции А.Г. Орлов (крайний слева) во внутреннем двореке советского посольства
Париж. 1934 г.

он написал книгу «Современные приборы управления огнем». Вот одна из оценок его плодотворной деятельности, данная в сентябре 1932 года: «Прекрасно знает артиллерийское дело. Превосходно изучил тактику артиллерии, и с этой точки зрения является вполне подготовленным артиллерийским начальником. В своей работе образцово четок, выявляя тем самым глубокие навыки превосходного штабного работника и командира. Человек с большим кругозором и с большими способностями»⁴.

Писавший эти строки, думая, не мог знать, что оценивал будущего военного разведчика.

14 декабря 1933 года руковод-

ство Наркомата обороны, учитывая уже имевшийся у А.Г. Орлова опыт пребывания за рубежом, отличное знание им французского и немецкого языков, приняло решение назначить его помощником военного атташе при полпредстве СССР во Франции, а 10 января 1934-го он убыл к новому месту службы в Париж, в подчинение С.И. Венцова-Кранца.

Положение наших военных представителей за рубежом в это время было довольно сложным. Именно в конце 1933 года произошел провал во французской резидентуре — один из самых крупных в советской военной разведке. Потому-то вся работа наших представителей во Франции находилась под постоянным контролем местной контрразведки, что значительно затрудняло Орлову выполнение поставленных перед ним задач — выяснять скрытые пружины внешней политики этой страны и собирать данные о развитии ее вооруженных сил. О том, что он не растерялся в столь непростой обстановке, свидетельствуют строки из его письма в Москву: «Работа разворачивается медленно. События текут быстро. Поэтому даю общую оценку ситуации политической и немного хроники. Жду вопросов. Систематизацию материалов начинаю налаживать... Вообще работа только начинается»⁵.

В соответствии с последующими указаниями из центра Орлову предстояло в первую очередь разузнать как можно подробнее о конкретных шагах японской военицины по привлечению на свою сторону во время возможного противостояния с СССР французского руководства. Вторым важным направлением являлось проникновение в замыслы Фран-

ции, Германии и Польши по созданию «единого фронта» против Советского Союза. «Как реагируют хозяева Вашей страны на польско-немецкий флирт? — запрашивали из Москвы. — Как они реагируют на попытки итальянцев сколотить Дунайский блок (Австрия, Венгрия, Болгария и Италия)?»⁶.

Работа военного атташе и его помощника связана с напряженными и частыми поездками по различным городам страны пребывания для участия в маневрах, присутствия на открытии выставок вооружения и военной техники, посещения воинских частей, официальных встреч с иностранными «коллегами» и т.д. Оказавшись за рубежом и столкнувшись с необходимостью активного и обязательного приобщения ко всему этому, Александр Григорьевич подвергся испытанию неожиданно возникшей проблемой, о которой никто в Наркомате обороны как-то не подумал. Серьезной помехой для Орлова явилась инвалидность, а также недостаточная обеспеченность посольства транспортом. Единственный автомобиль довольно часто простаивал в ремонте. Сгодился бы мотоцикл, однако на его покупку требовалось не менее 6000 франков, что для посольской кассы казалось весьма обременительным. Правда, Орлов решил часть необходимой суммы вычесть из собственного заработка, да положительного согласия руководства НКО на такую акцию не получил.

Занимаясь изучением тонкостей и скрытых механизмов во внешней политике французского правительства и его союзников, что являлось главной задачей Александра Григорьевича, он справлялся не только с этим, но старался по возможности добывать и отправлять в центр информацию о новейших зарубежных образцах вооружения и боевой техники в интересах совершенствования отечественных средств поражения и защиты. Так, в декабре 1934 года Орлов сообщил в Москву химическую формулу нового отравляющего вещества (для проверки его лабораторным путем), которое проходило испытания в Германии и от воздействия которого,

Военный атташе Советского Союза в Германии А.Г. Орлов (крайний справа) вместе с женой Л.В. Орловой (в центре, в белом платье) на одном из официальных приемов

Берлин. 1936 г.

**А.Г. Орлов с сыном Виктором
во время загородной прогулки
недалеко от Берлина
1937 г.**

**Комдив А.Г. Орлов (одна из
последних фотографий)**

Химки. Зима 1939 г.

как предполагалось, не мог защитить ни один из существующих на то время противогазов⁷.

Поскольку А.Г. Орлов в качестве помощника военного атташе во Франции показал себя способным, грамотным и ценным военно-дипломатическим работником, руководство Наркомата обороны решило направить его в страну, являвшуюся наиболее вероятным противником СССР в войне, причем на самостоятельную работу. 27 декабря 1934 года он был назначен военным атташе при полпредстве СССР в Германии, куда по ряду причин (сдача дел по прежней должности, поездка в Москву с докладом о проделанной работе, отпуск) прибыл лишь полгода спустя после назначения.

По прибытии в Берлин, Орлов получил задачу своевременно информировать центр обо всех мобилизационных мероприятиях рейхсвера, о перевооружении немецкой армии, технических и тактических характеристиках германского вооружения. Особое беспокойство у советского руководства вызывало стремление Германии создать военный блок государств, направленный против СССР, и Александру Григорьевичу надлежало выявлять все предпринимаемые к этому попытки. В конце сентября 1935 года ему удалось получить информацию о заключении между Германией и Венгрией соглашения о приобретении последней 100 легких и тяжелых танков, 200 самолетов, 150 артиллерийских орудий разных калибров, 1000 пулеметов. Так как Чехословакия, которой было не выгодно перевооружение Венгрии, не разрешила бы пропустить через свою территорию такую партию военной техники, то единственной страной, через которую

можно было бы все это переправить, являлась Австрия⁸. Очевидность подобного определяла последнюю в союзники Германии, а сама крупномасштабная сделка свидетельствовала о том, что во внешней политике Германии уже имеет успехи в приобретении единомышленников, что ее промышленность достигла того уровня, который позволяет осуществлять экспорт оружия.

В ноябре 1935 года Москва направила Орлову предупреждение: «По нашим сведениям, за вашими помощниками Герасимовым и Клименко установлена слежка гестапо. Учтите это в вашей работе»⁹. Это не явилось неожиданностью для Александра Григорьевича, поскольку ему было известно о постоянной слежке немцев за работниками посольства, а тем более за сотрудниками аппарата военного атташе. В ответном письме А.Г. Орлов привел пример ничем не прикрытых акций германской контрразведки. «Нахальство следящих доходит до того, — извещал он, — что две ночи у квартиры т. Герасимова сидел человек на лесах у окна (в доме ремонт). Вообще все это происходит довольно явно. В отношении меня эта история идет непрерывно. Последней была попытка установления мне радиоаппарата. Удалось пресечь»¹⁰.

И все же, несмотря на столь сложные условия, новый советский военный атташе в Германии сумел в течение полугода наладить постоянное поступление из этой взрывоопасной страны необходимой для военного и политического руководства СССР информации, которая очень высоко ценилась. Так, за образцовое выполнение заданий командования Александру Григорьевичу 26 ноября 1935 года было присвоено звание комбрига.

Однако не все в его работе обстояло гладко. Помимо трудностей, создаваемых неприятельской контрразведкой, возникали проблемы с подбором сотрудников. Например, имевшиеся в распоряжении Орлова двое помощников (Герасимов и Клименко) рекомендовали себя прекрасными военными работниками, но очень слабо владели немецким

языком, что сильно ограничивало их возможности. Долгое время оставалась вакантной должность секретаря военного атташе: Москва никак не могла подобрать человека со знанием немецкого языка, а от получения еще одного ученика Орлов отказывался сам. Таким образом, Орлов, являясь единственным хорошо знающим местный язык работником руководимого им аппарата, вынужден был взвалить всю тяжесть многочисленных обязанностей на себя.

Прозорливость, природная наблюдательность и сметка, склонность к глубокому анализу ситуации, умение входить в доверие к разным людям и склонять их на свою сторону помогали Орлову избегать провалов. За умелую добросовестную работу он в декабре 1935 года был премирован центром денежной премией (300 американских долларов)¹¹. В январе Москва направила ему письмо с оценкой результатов его деятельности и такими примечательными данными: «За прошлый год... от вас получено 11 материалов... из них 9 ценных и 2 средней ценности»¹². Кроме того, Орлову рекомендовалось повысить в следующем году активность по сбору сведений о немецком военноморском флоте и создании мотомеханизированных частей.

Внимания заслуживает одно событие, произошедшее в декабре 1935 года, заметно облегчившее организацию работы военного атташе: ему для частных самостоятельных поездок было разрешено приобрести мотоцикл. Так как и выделенных официально средств, и отложенных Орловым из своей зарплаты денег на столь необходимую покупку не хватало, то Александр Григорьевич решил использовать накопленную при содействии Наркомата обороны сумму, предназначенную для приобретения нового протеза. Пожертвовав последним, Орлов отдал в починку старый протез, зато

заимел наконец-то давно необходимое транспортное средство.

Между тем обстановка в рейхсе все больше и больше накалялась. Еще сильнее осложнилась она после того как Германия, Италия и Япония заключили тройственный, антикоминтерновский пакт, направленный в первую очередь против Советского Союза. Теперь А.Г. Орлову предстояло организовать непрерывное наблюдение за любыми малейшими изменениями во внешней политике Германии, которые могли нанести вред республиканскому правительству Испании в его борьбе с мятежниками. «Хочу обратить Ваше внимание на одну из важнейших задач, которая перед нами стоит и которая должна быть разрешена в ближайшее время, — значилось в одном из письменных указаний. — Это изучение торгового флота Германии. История русско-японской войны показывает, что тщательное изучение деятельности торгового флота может помочь нам своевременно обнаружить активные намерения противника и своевременно обнаружить начало его мобилизации... О всех подозрительных фактах, обнаруженных вами при изучении торгового флота, прошу сообщать немедленно»¹³.

В конце декабря 1936 года А.Г. Орлов отправил в Москву срочное сообщение о скрытном и поспешном переоборудовании на кораблестроительной фирме «Блюм унд Фосс» нескольких старых немецких миноносцев, которые, по всей очевидности, предназначались для Испании¹⁴. Ведь именно в это время у испанских мятежников появилось немецкое вооружение, поступавшее им негласно. Советское же руководство оказывало военно-техническую помощь законному республиканскому правительству Испании в соответствии с официально заключенным договором и его, естественно, интересовали контрабандные поставки противоборствующей стороны. Кроме того, ему важно было знать о сравнительных характеристиках нашего и германского вооружения. Последнее же, как удалось узнать Александру Григорьевичу в ходе общения с немецкими офицерами, военными представителями других государств, не всегда, в частности танковые и авиационные пулеметы, оказывалось надежным.

20 марта 1937 года Германия вынуждена была открыто заявить о своей поддержке мятежного испанского генерала Франко, подписав договор об оказании последней военной помощи.

Находясь за рубежом, Орлов внимательно следил за внешнеполитическими событиями, происходившими не только в Германии и Испании, но и в ряде других стран. Узнав, что венгерские правящие круги начинают склоняться на сторону Гитлера, он предложил руководству Наркомата обороны аккредитовать его по совместительству как военного атташе и в Венгрии. «Если сама эта страна может быть для нас интересна и не представляет, — уведомлял Орлов, — то... теперь... почти военная союзница Германии она нас интересует больше, чем раньше»¹⁵.

Предложение Александра Григорьевича было утверждено в середине января 1937 года, венгерская сторона выдала разрешение на его аккредитацию в мае, а отдел внешних сношений Наркомата обороны СССР предложил ему выехать в Будапешт для окончательного оформления на должность военного атташе в Венгрии в июне. Но официально это сделать он так и не успел.

В последний месяц работы в Берлине А.Г. Орлов подготовил для наркома обороны и Разведывательного управления РККА доклад, характеризующий общее военное положение Германии. По его мнению, позиция немецкого генерального штаба являлась для Гитлера сдерживающим фактором, так как вермахт пока не был готов к крупномасштабным боевым действиям. «Полная готовность армии предполагается к осени 1938 г., а всего плана подготовки страны к войне к 1940 г., — сообщал он... — В дальнейшем следует ожидать с началом войны — активной обороны на западе и основного удара на восток, главным образом в юго-восточном направлении и по прибалтам»¹⁶.

После отправки этого доклада, Александр Григорьевич выехал в Советский Союз для проведения отпуска, однако задержался там на более длительный срок: связано это было с чрезвычайными обстоятельствами, вызванными сменой руководства во внешней разведке. В июле 1937 года подвергся аресту заместитель начальника Разведывательного управления РККА старший майор государственной безопасности М.К. Александровский, а месяц спустя был отстранен от своих обязанностей начальник военной разведки армейский комиссар 2 ранга Я.К. Берзин. Таким образом, одно из главнейших управлений Наркомата обороны осталось без руководства, которое предполагалось заменить старшим майором государственной безопасности С.Г. Гендиным и ком-

бригом А.Г. Орловым. Последний в соответствии с приказом наркома обороны от 8 сентября 1937 года был назначен на должность заместителя начальника управления. 16 сентября он приступил к исполнению новых обязанностей, с головой погрузившись в сложную работу. За относительно небольшое время ему удалось заметно оживить информационную и аналитическую деятельность Разведуправления, обеспечив своевременную и качественную обработку материалов по оперативной обстановке. Высоко оценивая его опыт и знания, активность и полезность, ему, как одному из наиболее достойных и отличившихся командиров, в феврале 1938 года в ознаменование 20-й годовщины РККА было досрочно присвоено воинское звание комдив, тогда же он был награжден вторым орденом Красного Знамени. В октябре 1938-го А.Г. Орлов сменил отстраненного от работы исполнявшего обязанности начальника Разведуправления С.Г. Гендина, а спустя полгода на основании неожиданного устного приказа К.Е. Ворошилова и сам сдал дела. Некоторое время он числился в распоряжении наркома обороны, затем возглавлял кафедру иностранных языков Артиллерийской академии РККА до той поры, пока 3 июня 1939 года не был арестован с обвинениями в связях с немецкой разведкой. Подтвердивший эту необоснованную ложную вину суд, состоявшийся 24 января 1940 года, вынес ему смертный приговор, который был исполнен на следующий же день после судебного заседания.

21 мая 1955 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговор по надуманному делу А.Г. Орлова отменила за отсутствием состава преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив министерства обороны РФ-2 (ЦАМО РФ-2). Оп. 13313. Д. 1. Л. 6.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Оп. 2626. Д. 4. Л. 62.

⁶ Там же. Л. 63.

⁷ Там же. Л. 222.

⁸ Там же. Оп. 4272. Д. 18. Л. 21, 22.

⁹ Там же. Л. 48.

¹⁰ Там же. Л. 49.

¹¹ Там же. Л. 67.

¹² Там же. Л. 74.

¹³ Там же. Оп. 4268. Д. 1. Л. 63.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 158.

¹⁶ Там же. Л. 166.

*Подполковник
О.В. ВЛАДИМИРОВ
(Москва)*

«НЕТ БОЛЕЕ БЛИЗКОЙ СВЯЗИ, КАК СВЯЗЬ ЛЮДЕЙ, СТРАДАВШИХ И БОРОВШИХСЯ В БОЮ...»

Фронтовые дневники генерала А.Е. Снесарева

12.01.[19]17 г[ода]. До 11 ч в вагоне, а с 11 — в Каменец-Подольске.

[В вагоне] еду с полковником инженером Алимовым.

Это хороший, прекрасно настроенный человек, который добровольно пошел на войну и теперь недоволен тем, что много получает денег (например, на две лошади, которых у него нет), что получил уже, оставаясь в тылу, четыре награды и, наконец, что вынужден быть далеко от огня. Он сильно против Сухомлинова¹, не верит англичанам и боится, что они нас в конце концов надуют, ненавидит [гешефтников]. По поводу [последних] привел интересный случай. Ехал он с одним присяжн[ым] поверенным, и тот, узнав о его смоленском имении, рекомендовал такое продать по мотивам: 1) получит миллион, 2) все равно крестьяне его ограбят. [На что Алимов ответил:] «Видите, в ваших расчетах и выкладках много правды, но вы забыли одно: мое имение — это мое родовое гнездо, в котором я буду умирать, а с продажей его мне умирать негде». [Гешефтник] не понял и в душе посмеялся, вероятно, над наивностью патриота.

Мы говорим с Алимовым непрерывно, я стараюсь успокоить его тревоги по поводу внутренних недочетов. Он [по его словам] в Москву «ни за что больше не поедет», так как она слишком кисла и революционна. У Алимова есть приемная дочь, которую он был вынужден взять из Смоленской гимназии, поскольку гимназисты окончательно развратили гимназисток и последних спасает от беремен-

ности какой-то врач, делая выкидыши. Репетиторша его дочери — старшая гимназистка — навязывалась ему, 65-летнему старику, и он вынужден был читать ей резкую отповедь... Я ему рассказываю образцы подвигов офицеров, денщиков и героизм матерей, он плачет и закрывает в купе дверь. Затем конфузливо объясняет: «Нервы на войне разошлись совсем». Мы трогательно расстаемся с ним в 11 ч, по прибытии в Каменец.

Узнаю, что дивизия до меня не дошла², хотя Брусиллов³ очень обо мне хорошего мнения и хотел дать дивизию... При общении со знакомыми много говорим и много ругаемся. Они все «затылили» окончательно, полны тревог, кислоты и клюют на всякую сплетню и гадость. Моя позиция в спорах такова: когда [спор идет] относительно внутренних дел, говорю: мол, я — военный и [всего, что здесь, в тылу, творится] не знаю, и начинаю их настраивать на благой тон; когда [же] они пускают гадость или сплетню относительно армии, я становлюсь на дыбы и бью их нещадно как специалист, как наблюдатель, обладающий бесконечным числом иных фактов.

13.01. До 11 ч. Каменец, а потом автомобиль (через Мельницу, Похордауцы, мимо Коцмана, Садагуру) и Черновцы. Утром иду к Раттелю⁴ и хочу просить о предоставлении мне [должности начальника] штаба 12-го корпуса.

Тартарув. 14.01. Узнаю, что пошло из Ставки для отдания выс[очайшим] приказом моего назначения на должность. Скоро [решается], когда попадаешь в точку.

Коломыя. 17—21.01.[19]17 г[ода]. Так как приказа о моем назначении и о [новом] назначении [моего предшественника] Конст[антина] Федоровича [Щедрина] еще нет, то я должности не принимаю; постепенно присматриваюсь к делу и кое-что предпрещаю. Боюсь говорить определенно, но, по-видимому, кое-что придется направить по своему. Главное: 1) больше обставить себя в смысле [топографических] карт и ориентировок (нет данных о нашем общем фронте на

западе, о союзных корпусах); 2) люди, кажется, достаточно забыты: что едят, что пьют, как одеты, какой распорядок; 3) больше аккуратности и подтянутости в самом штабе; 4) слишком всюду грязно... Это все оседает под первым и быстрым осмотром, может быть, я не все осмотрел и не разобрался.

Сделал визиты нач[альни]кам дивизий и начальникам их штабов.

Ко мне часто заходит ген[ерал]-лейт[енант] Нечволодов, у которого имеется ко мне просьба — направить его представление к Георгию 3-й ст[епени]. Представление написано хорошо, особенно 2-я часть, но не видно самопожертвования и органического влияния на ход событий. Чуткая и духовно строгая Дума может отказать.

Нечволодов говорит много интересного, но насколько правильно? Интересно прочитать [написанную им] «Историю». Я расположен против нее по двум причинам: 1) автор слишком экспансивен, жив и впечатлителен; историческая объективность будет для него очень трудна; 2) откуда он возьмет нужную эрудицию, начитанность?.. Боже! Сколько для солидного труда надо прочитать! А он занимался другими вещами, одна профессия офицера Генер[ального] штаба чего стоит. Не применимы ли будут вещи слова Крылова: «Беда, коль пироги...»?

Коломыя. 22.01.[19]17 г[ода]. Читаю «Сборник руководящих боевых приказов и приказаний командующего 7-й армией» с 19 ноября 1915 по 30 ноября 1916 г[ода].

Каковы мои отдельные впечатления, лучше всего видно из моих же пометок. Стр. 2: «Прежде всего, обороняемся мы или атакуем?». Стр. 3: «Ничего не понимаю». Стр. 5: «Это уже пережитая тактика. Теперь не в этом дело и не в этом интерес»; «Общие места». Стр. 7: «Думаю, что трудно внести что-либо ясное и определенное из столь общих, устарелых и неясных положений». Стр. 9: «И нескладно, и не выпукло, и часто несущественно»; «Пустяки». Стр. 10: «Пустяки; можно все разбросать»; «Верно»;

Продолжение. Начало см.: Воен-истор. журнал. 2003. № 8, 9, 10, 11; 2004. № 3, 4, 6, 7, 8.

«Идиллия». Стр. 11: «Нехорошо: не дает прочных и ясных отправных данных. Много мелочи, много того, что не бывает и что не надо предполагать. Откуда собран материал для этих «истин»?». Стр. 15: «Вообще слабо, а частности хороши. Много технических советов, которые лучше предоставить исполнителям». Стр. 19: «Много интересного, но немало и ошибок. А главное — как поздно тянутся за событиями обобщения и выводы, которые в идеале должны предусматривать события».

И т.д. в том же духе. Начиная с 16 января положения более современны, менее шокируют, но отсталость все же чувствуется, особенно оторванность от строя и бездушие. Учета по душе человеческой (одиноким или массовой) совсем нет.

Вообще, у нас в моде писание разных инструкций в армиях, на фронте, в Ставке, т.е. в тех инстанциях, которые менее всего осведомлены в огневых операциях и судят о них по слуху, а не по пережитому. Это похоже на то, если бы происходящее на театральной сцене обсуждали и делали выводы не господа, сидящие в креслах и ложах, а лакеи, держащие в коридорах их шубы и набирающиеся впечатлений сквозь случайно открывшуюся дверь, от выходящих, по подслушанным разговорам и т.п. Что они могут сказать дельного и впадет? Сколько они могут сотворить глупостей и случайностей? Наши инструкции из рук вон как слабы: они всегда запоздалы, болтаются в мелочах, фиксируются на увлечениях, совсем лишены нравственного расчета. Например, [определили] две версты от окопов для артиллерии, вырытие наступательных окопов и т.п. Об этом повторять, как кукушки: дошло до их «гнезда», и они выпирают наверх фактор, равный по силе, может быть, десяти другим. Иногда они шутят опасными вещами, вроде отступления несколько назад в период артиллерийской подготовки. Если бы Щербачев⁵ мог вообразить, сколько он сгубил душ православных своим советом, он ушел бы в пустыню и прожил бы отшельником остаток своих дней... Еще больше убеждаюсь в необходимости обособления отдела «Огневая тактика».

Вечером приехал командующий (генерал Невадовский) и заявил, что 12-й корпус должен будет к 30.01 сменить 41-й на позиции в районе Станиславова и что завтра я должен выехать в штаб 41-го корпуса, чтобы оговорить порядок и детали смен. Он же со-

общил как большой секрет, что к маю месяцу в Германии будут закончены какие-то большие переформирования и что Англия с Францией хотят предупредить этот срок, перейдя в феврале месяце в общее наступление на своем фронте (так или иначе, но война по этим предположениям в 17-м году будет закончена). Мы же короткими, но энергичными ударами должны задержать или помешать переброске резервов на запад. Предполагается в 9-й и 8-й армиях пассивное состояние, у нас — частые попытки (севернее, 7-й Сибирский корпус) и более сильный удар в 11-й армии (6-й корпус на львовском направлении).

Что [из этого] выйдет — [неизвестно], во всяком случае кое-что, как фонарь, есть.

Коломыя. 23.01.[19]17 г[ода]. В 8 ч выезжаю с Карпинским (нач[альник] связи) в штаб 41-го (Палахиче), где подробно оговариваем смены корпусов. Вырабатывается сложная манера, вызываемая очень суровым временем (нельзя войскам стать открыто) и заботностью войсками прилегающих деревень.

Командир 41-го корпуса (генерал Белькович) производит прекрасное впечатление простотой (несколько грубой), непосредственностью, отсутствием формализма и разумностью в суждениях, но как будто некоторым ущербом в волевой части и способностью больше и дольше, чем следовало, сомневаться.

Из Палахиче еду в Станиславов, где получаю схему из 3-й Заамурской дивизии и где нахожу некоторых знакомых. Говорим о старых днях, которые оживают, как будто не было прослойки времени. Из Станиславова (чистого и милого городка) еду в фольварк Городыще, где присматриваю будущее помещение для штаба: уютно и красиво, но тесно. Приезжаю и все докладываю командующему, который и разрешает заготовить приказ в духе выработанного.

Коломыя. 24.01.[19]17 г[ода]. Сегодня отдан приказ о моем вступлении в должность начальника штаба корпуса, и я приступаю к работе по своему обычаю — тихо, незаметливо и постепенно.

Коломыя. 25.01.[19]17 г[ода]. С утра вступаю в работу, и колесо вертится своим обычным энергичным ходом.

Я думаю над тем, сколько опытов, инструкций и нововведений дала война и как во многих вопросах мы шагнули вперед. Вместе с тем мы ни одного шагу не сделали в принципах и приемах подбора и

формирования начальнического персонала. Готовимся к 3-му [военному] году, много введено, вводится, а сказано хоть что-либо новое в смысле подбора [кадров], кроме преходящих фраз? Выдвинуты ли отмеченные даром и духом люди? Уловлены ли шансы и способы выделения? Вообще, духовная сторона дела не затронута, мы с ней играемся, но более. И в этом сказываются недочеты отсутствия «Огневого тактики» и невыпуклость некоторых ее основных положений.

Коломыя. 26.01.[19]17 г[ода]. Автомобиль, заказанный к 9 ч, «может» прибыть только к 11 ч, а затем не прибывает совсем. В результате я в дурацком положении. Приказал произвести расследование. Этак не должно быть.

Работа идет своим ходом и выливается в такой тип: утром я прочитываю телеграммы, затем докладываю командующему корпусом, а затем выслушиваю доклады [других]. До обеда эта работа и кончается; после обеда или случайные доклады, или моя персональная организация дела. После обеда умудряюсь соснуть час-полтора, так как три ночи подряд спал не более пяти часов...

Перед темнотою гуляю. Морозно и совершенно тихо. На западе тухнет багровая заря, предвещаетница завтрашнего мороза. На моем пути вижу мальчика лет 8—9, который упорно играет с каким-то обручком от колеса, хотя ему холодно и он закрывает обеими руками уши. Дети должны играть, бегать и скакать, хотя бы это делалось на страшном фоне войны; природа физической жизни говорит в них сильнее, чем природа восприятий, и восприятий обобщенных. Это хорошо, поскольку война идет мимо них, мимо их нервов и, к счастью, бессильна над растущим поколением. Я стою и долго смотрю на ребенка, который продолжает ногами толкать обрубок, не замечая меня: он занят своим делом, а я — своими мыслями, которые целым роем клубятся в моих мозгах... Дети, дети! Они везде одинаковы — вне времени и национальностей, они только вступают в мир, и никто не скажет, что они дадут: деятеля или злодея, великое или малое, какие взгляды, какую «национальность», на каком языке заговорят окончательно?

[Позже знакомлюсь с вражеской] радиотелеграммой, упоминающей, что немцы согнали три аэроплана, а у них все [аппараты] целы. Конечно, из приведенных немцами цифр надежна только одна, другая же вполне гадательна. [За

В.А. Сухомлинов

Д.Г. Щербачев

В.М. Драгомиров

ней стоят] желание видеть погубленным чужой аэроплан. Настроенное на этот лад воображение, искание заслуг пилотам (дабы, кстати, увеличить число сбитых аппаратов). Эти данные вольно или невольно, но всегда раздувают цифру потерь.

Коломыя. 28.01.[19]17 г[ода]. Вчера лег в 9 ч 30 мин, выдрыхался вволю и уже в 8 ч [был] за работой. Вчера написал письмо жешушке и боюсь, не задел ли ее, а между тем [это сделать] необходимо: пробуждающееся в ней кислородное недовольство порядками сего мира (наследие папы) может вырасти в нечто постоянное, в худшем случае в фарисейство, и лишит ее элементарных основ жизнедеятельности.

Сегодня сделал доклад командующему корпусом и, приняв [его указания], выехал в Коршув во 2-й лин[ейный] полк. Тот для моей встречи был представлен в конном строю; я поздоровался, выразил радость видеть всех живыми и здоровыми и поблагодарил за молодецкий вид.

[По пути беседую с] кучером Певнева (Александра Леонтьевича), и мы болтаем с ним неумолчно... [По его мнению,] казаки хотят более боевой обстановки, рвутся в окопы, он и сам много подавал докладных, но не пушают. Бежать [же на передовую] не осмеливается.

Коломыя. 29.01.[19]17 г[ода]. Читаю «Русский инвалид» начиная с 1 января и в № 6 натякаюсь на статью «Конные заметки» (труд Б.А. Панаева). В предисловии говорится, что после [смерти] ротмистра Ахтырского гусар[ского] полка Бориса Аркадьевича Панае-

ва осталась [его] рукопись, датированная 27 июня 1911 г[ода], [которая] по настоянию друзей с разрешения семьи и печатается.

Вначале мой покойный друг проводит очень рискованную параллель между главнокомандующим и начальником разезда, а потом [излагает] следующие вещи слова:

«Решает задачу (разумеется, военную, боевую) сила духа, способ приложения которой у каждого свой, чисто личный. Остальное — знание, опыт, подготовка, состав и прочее — много способствует в положительном решении, а в отрицательном служит только изворотливости в оправданиях слабости духа. Победа даруется тем, кто искренне готов купить ее ценою своей жизни. Стремление вождя на победу либо смерть всегда чувствуется подвластными, заражает их и неудержимо тянет вперед, даже тогда, когда никакие приказания, никакие карательные меры уже не подействовали бы».

[Примечательно другое] размышление: «Боязнь ответственности — одно из крупнейших преступлений старшего начальника».

Эти мысли я прочитал с волнением. Сколько раз я думал в этом духе, говорил или писал [о том], и вот теперь от моего друга из потустороннего мира я слышу авторитетную поддержку. Я еще живой, может быть, и не имею права решительно говорить о таких великих и «необсудимых» вещах, потому что в решительные минуты могу ослабеть духом и не воплотить того, во что верую; но он, положивший душу за други своя, сказать это мог и сумел сказать голосом властным и решительным.

И я думаю сейчас: говорят ли у нас таким языком — честным, прямым и решительным, дерзают ли говорить, глядя спокойно в глаза подчиненным, готовы ли постоять за сказанное? Боюсь, что нет. А отсюда: воспитывают ли части искренне и глубоко, затрагивают ли святая святых нашего дела, говорят ли, что все начинается и кончается силою духа и готовностью самопожертвования? А это так ясно, об этом так просто и убежденно говорит Борис Панаев.

Приняв под свое покровительство «Всероссийское общество памяти воинов русской армии», государь император указал: «Увековечение доблести павших воинов является священной обязанностью великого народа, умеющего чтить своих героев». Лучше сказать нельзя. У нас нечасто это сознается; если бы эта мысль имела широкое распространение, умиралось бы в бою много легче.

В № 7 «Русского инвалида» (8 января) во второй и последней половине статьи Бор[иса] Панаева встречаются следующие интересные мысли, [записанные им в Маньчжурии 27 июня 1911 года]:

«Надо в мирное время проводить, а на войне неумолимо требовать: роты и эскадроны сторожевого охранения в случае наступления сильнейшего, даже во много раз, врага обязаны оставаться на своих участках и погибать — им выпал такой жребий».

«А конная атака на победу либо смерть, как и атака в штыки, не их дело» (говорит о слабых начальниках).

«Особенно в коннице таким начальникам нет места, ибо каждая

конная атака, даже крупных частей, ставит жизнь самого начальника на карту».

«После войны пехота увлеклась перебежками одиночных людей, накапливанием, особенно заботливым применением местности в смысле закрытия от пуль. Это очень опасное увлечение одной из мелочей военного дела. Опасное потому, что уж очень много места отводится инстинкту самосохранения».

«Надо воспитывать пехотные части к штыковому удару, тогда стойкость под огнем явится сама собой. Неуверенные же в своем штыке стрелки не найдут в себе нужного подъема сил для приближения к врагу на его длину. Отрицающие возможность штыковой атаки — вредные воспитатели пехоты».

В области технических соображений я еще бы поспорил со своим другом, но в сфере духа ему дано было, как великому духом человеку, мыслить безошибочно.

[В беседах с генералами и офицерами часто слышу] суждение, которым порой торгуют и на котором делают карьеру, что у нас [дескать] грубость и наглость отождествляют с большим характером. Вместе с тем они же согласны со мной, что грубияны чаще всего труссы, а дерзость служит им ресурсом, заменяющим отсутствующее нравственное влияние.

Потом ко мне зашел батюшка запас[ного] полка, который томится здесь и хочет в боевой полк. Ему 32-й год, он перед войной потерял жену и пошел на фронт добровольцем; участвовал в боях, пробовал находиться в цепях [атакующих], да запретили: был черно одет. «Старайся наставлять паству, — говорит он, — да верят ли? Другое дело, если сам можешь в первом деле показать примером, что верен сам-то своим словам». Хочет в бой, что я и обещал ему устроить. Идея-то самоотвержения скользит всюду, кто не лицемерит пред самим собою.

В своей статье «Конные заметки» Б. Панаев мельком говорит, что ошибочно думать о разезде как о достоянии младшего офицера; разезд может вести эскадр[онный] командир, может вести даже командир полка или бригадный. Он говорит мельком и не чувствует, как на него насядут техники и материалисты... Как — с разездом командир полка? Такая сила для такого малого дела?

Борис [Панаев] сказал то, что выстрадал в своей ясной душе, провел идею самоотвержения, а так как он много занимался разездами, то эта идея и вылилась у него на разезды. Это случайная

иллюстрация той общей мысли, которую он выше характеризовал словами: «Победа даруется тем, кто искренне готов купить ее ценою своей жизни».

Коломыя. 30.01.[19]17 г[ода]. Сегодня ушел вперед весь штаб, завтра отправятся командующий корпусом, я и оперативная часть.

Характерно: как только 16-й корпус стал на позицию, В. Драгомиров⁶ обошел его весь, [а затем] на многих листах пространно и красноречиво доказал, что: 1) направление самое важное; 2) корпус сидит слишком широко; 3) может быть прорыв, за который он не ручается. [Между тем] пошли слухи даже между жителями, что австрийцы что-то замышляют, [что они] взяли уже Мопляву и т.п. [Командование] армии поддалось [доводам корпусного командира], растянуло более скромный корпус, а Драгомиров успокоился. Та же школа, из которой вышел Стрелок⁷. [И тот, и другой] люди, [лишь] себя обеспечивающие, а общее дело для них — фикция; они воюют для себя, для личных успехов, для избежания личного риска; соседи они скверные и ненадежные, исполнители лишь дела, сулящего успех, где [его] нет, там будут кричать, нервничать, поручать, врать и отталкиваться [от неудач], сваливая [их] на чужие плечи.

Тысменица. 31.01.[19]17 г[ода]. На автомобилях переезжаем на новое место. Очень холодно. Здесь еще ничего не готово; при мне вносят диван, койку, ковры. Сначала моя огромная комната прямо меня пугает, но когда внесли вещи и побелили печку, я вижу, что она принимает приличный вид. Огромность ее теперь — большой плюс, особенно в солнечные дни, когда в четыре ее окна, смотрящие на юг, льются снопы света.

После обеда я еду в Станиславов, где посещаю обе дивизии, ориентирую их, ориентируюсь сам. Артиллерийская стрельба близко; кажется, что некоторые снаряды разрываются в городе, но я дошел до такого состояния, что меня все это нисколько не трогает: сердце совершенно каменное и боевым нажимам совершенно недоступно. Наши шоферы как будто несколько волновались. Город Станиславов очень мил, сохранившийся, по улицам много народу; его, по-видимому, щадят или же надеются отобрать обратно; [гешефтников], во всяком случае, очень много, что, конечно, показательно.

Домой возвращаемся в темноте, и меня ждет кипа бумаг, а позднее ряд докладов.

Тысменица. 1.02.[19]17 г[ода].

Сегодня среди докладов были два интересных: один — начальника радиотелеграфной станции, второй — начальника броневой отдели. Последний мне доложил свой план обороны и наступления. Все это было для меня значительно и ново, и я слушал с большим интересом.

В 9 ч я смотрел Крымский эскадрон, сделал выводку лошадям и опросил людей о претензиях. Все — татарчуки, народ прочный и простой; они смотрят внимательно и бодро, «все получили, претензий не имеют». Ком[андир] эскадрона рассказывает случай: к ним пришли совратители; результат был неожиданный — их связали, накололи всласть, а потом представили начальству. «Люди верные и прочные и царя любят», — говорит эскадр[онный] командир.

После обеда солнце светит ко мне полным махом; я открываю три окна и принимаю озон. Такова сила солнца: оно освещает и, как ладан бесов, гонит из души все мрачные мысли.

Тысменица. 2.02.[19]17 г[ода]. Работы много, и приходится заниматься с 8 до 22 ч. Бумаги плывут непрерывным потоком, а если [что-то] пропустить, то они накапливаются свыше предела.

Вчера вместе с корреспондентом «Вестника Армии» Швеце-Шевченко (Иван Данилович, псевдоним — Днепровский) в 7 ч я выехал на позицию 117-й дивизии. Доехали на автомобиле до Мыкетицы (к востоку от Станиславова) и повернули на Храплин до Чернеюва. [Дальше] автомобиль не мог пробиться по снегу; пришлось его отпустить и идти пешком. Навстречу выехал экипаж. Пересаживаемся в санки и айда в Лысец. Холодно, крутит снег. Ведем беседу со Швецом [о том], нужно ли быть фаталистом и верить в лучшее.

Я говорю ему о своих беседах с новыми прапорщиками и увлекаюсь величием их ратного подвига. «Пехота, — утверждаю, — несравнима [с другими] по величию своей работы, по многотерпению и степени риска. Худо, если это забудут и на первое место поставят других: артиллеристов, летчиков и т.п. 2 недели — средний век прапорщика. Сущая правда». «Да, вероятность страшная, — согласен он, — сидеть непрерывно под шестью огнями. Артиллерия, пулемет, бомбомет, миномет, газ, минная галерея. Сколько нужно счастья и удачи, чтобы выскочить. Слово «окоп» я произношу с благоговением». [Размышляю о том, что] тыловой господин вне себя, когда два часа не доспит или когда назначат минист-

ром Петрова, а не Иванова; у ротного же командира предел благополучия только тогда, когда он не спит всю ночь и никогда не раздевается. И все же он ровен, весел, свеж; он поднят своим великим делом и боевой нервозностью. Швеец говорит, что привык угадывать (что-то в губах, в выражении общего облика), кто когда умрет. Смотрит на роту и заранее делает вычитание. Ему всегда жутко думать об этом. Берег по такому предчувствию одного унтер-офицера и не уберег.

Лысец совершенно разрушен, и я не узнаю в нем красивого места, каким он был в начале августа прошлого года. Я ориентируюсь в штабе, нахожу, что сведения о противнике почти отсутствуют, и сажусь с сап[ерным] офицером на лошадей; едем по шоссе, а потом к Стебнику идем пешком. Тихо, тепло, слегка тает. Швеец признается, что он потому уехал на войну, что разорвал с женщиной, и его мирозерцание на переломе. Я отвечаю, что из-за юбки не перемену и кальсонов, не то что мирозерцание. В ожидании в Стебнике батальонного командира беседую с командиром 1-й роты Хрумекиным — нижегородцем, который удивляет своим говором, деловитостью суждений и меткостью определений. В Стебнике уцелели жители; мимо нас едут бабы — здоровые и веселые: они давно покончили с некоторыми из сомнений и пустили в оборот свой капитал; это дает им пищу и удовлетворение. Из Стебника иду в окопы и здесь начинаю свой обход, выворачивая весь свой обширный арсенал окопных знаний. Меня встречает полк[овник] Носович, мой ученик (вертун и спортсмен). Он идет без шапки (у него, де, такой обычай) и говорит без умолку, он все знает и все может, он здоров, жив и тренирован. Я у него обедаю, а от него на его лошадях еду в Мыкетимце, а оттуда на автомобиле к себе.

Окопы — моя сфера, и я чувствую себя удовлетворенным.

Тысменица. 5.02.[19]17 г[ода]. Сегодня в 7 ч с корпусн[ым] командиром и Швецом снова отправился в окопы. Посетил 75-й Севастопольский полк и 2-й батал[ьон] 74-го Ставропольск[ого полка].

На мою [поздравительную] телеграмму давнему сослуживцу-окопнику сегодня получил ответ: «12-й армейск[ий] корпус. Генералу Снесареву. Тронут до слез Вашим вниманием. Примите мой поклон земной, наш далекий, но бесконечно близкий родной герой. Лихачев».

Да, нет более близкой связи, как

связь людей, страдавших и борющихся в бою бок о бок.

Из доклада воен[ного] цензора при 12-м арм[ейском] корпусе за период с 4 января по 3 февраля значится: 1) два письма наиболее характерны своим тоном и мыслью, что война будет доведена до победного конца; 2) попадают жалобы на плохую пищу (даже хлеб); 3) сообщаются по-старому вещи преступного и антидисциплинарного характера (переход частей, переформирование и т.п.); 4) среди воинских чинов, по-видимому, продолжает процветать крайне азартная игра в карты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — генерал от кавалерии (1906), генерал-адъютант (1912). В 1909—1915 гг. — военный министр. В 1916 г. подвергся обвинению в злоупотреблениях и измене, за что был уволен со службы и арестован; в 1917 г. признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне и приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением в крепость.

² Речь идет о намерении высшего командования назначить А.Е. Снесарева на должность командира дивизии, но соответствующее решение не было принято.

³ Генерал от кавалерии А.А. Брусилов в то время командовал войсками Юго-Западного фронта.

⁴ Ратгель Николай Иосифович (1875—1938) — генерал-майор (1916). В описываемый период являлся помощником генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта.

⁵ Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857—1932) — генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1915). Командующий 7-й армией (с 19 октября 1915 по 11 апреля 1917), утвердивший рассматриваемые А.Е. Снесаревым документы.

⁶ Драгомиров Владимир Михайлович (1867—1929) — генерал-лейтенант (1913), командир 16-го армейского корпуса.

⁷ Во фронтовых дневниках А.Е. Снесарева «начдив Стрелок» чаще всего фигурирует как олицетворение бездарного, оторванного от людей и реальной обстановки командира, а иногда под этим именем, по всей вероятности, имеется в виду начальник 12-й пехотной дивизии, в которой в 1915—1916 гг. автор являлся начальником штаба.

*Публикация генерал-майора
в отставке
И.С. ДАНИЛЕНКО,
доктора философских наук,
профессора;
капитана 1 ранга
И.А. АНФЕРТЬЕВА
(Москва)*

(Продолжение следует)

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Шаваев А.Г., Лекарев С.В. Разведка и контрразведка. Фрагменты мирового опыта истории и теории. М.: Издат. группа «БДЦ-пресс», 2003. 542 с.

Дельбрюк Г. История военного искусства. Античный мир. Германцы / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003. 473 с.

Яковлев Н.Н. 3 сентября 1945. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003. 415 с.

Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: АСТ, 2002. 654 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова август 1917 — апрель 1918; Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии май—октябрь 1918. М.: Айрис-пресс, 2003. 733 с., ил.

Свищев В. Начало Великой Отечественной войны. Т. 1. Подготовка Германии и СССР к войне. М.: Издатель SVN, 2003. 444 с.

Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс книга, 2003. 349 с., ил.

Солдаты XX века. Многотом. изд. Вып. III / Сост. С.А. Аргосцева и др. М.: Междунар. объедин. биогр. центр, Рос. ком. ветеранов войны и воен. службы, 2003. Т. 1. 447 с., ил.

Солдаты XX века. Многотом. изд. Вып. III / Сост. С.А. Аргосцева и др. М.: Междунар. объедин. биогр. центр, Рос. ком. ветеранов войны и воен. службы, 2003. Т. 2. 479 с., портр.

Егоров Ю.А. Самолеты ОКБ С.В. Ильюшина. М.: Русавиа, 2003. 333 с., ил.

История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. Вып. 2 / Сост. В.П. Визгин; РАН; Ин-т истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова. СПб.: РХГИ, 2002. 655 с., ил.

Коршунов Ю.Л. Генерал-адмиралы российского императорского флота. СПб.: Нева, 2003. 318 с., ил.

Циторуха М.И. Российские мореходы. История русского флота (нач. тысячелетия н.э. — нач. XVIII в.). М.: Познавательная книга плюс, 2003. 255 с., ил.

Чичагов П.В. Записки. М.: Ред. альманаха «Российский архив», 2002. 798 с.

Материал подготовлен при информационной поддержке ежемесячного информационного бюллетеня «Новая военная литература».

«ОКОПЫ ЭТИ ОХРАНЯТ ВАРШАВУ, К КОТОРОЙ ТАК НЕРАВНОДУШЕН НЕМЕЦ...»

**Дневник
начальника
саперной
команды 24-го
Сибирского
стрелкового
полка
прапорщика
А.И. Тодорского.
Июнь—сентябрь
1915 года**

28 июля весь день прошел в интенсивной работе по укреплению позиций. В этот же день начальнику команды была прислана к[оманди]ром нестроевой роты верховая лошадь, которой до этого времени не было.

29 июля в 2 ч утра капитан Доброславский с 14-й и 15-й ротами отбыл к главным силам и на позиции перед дер. Боиме и влево встали 13-я и 16-я роты и 3-й батальон. Начальником арьергарда был назначен капитан Скроцкий, к[оманди]р 16-й роты.

В 6 ч утра кавалерия, имев стычку с разъездом противника, прошла через наши позиции к главным силам, а перед носом настигавших их германцев стрелками саперной к[оманды] северо-восточнее дер. Грошки были зажжены два моста, что на несколько времени остановило движение противника и дало возможность нам приготовиться.

Около 8 утра противник повел наступление вдоль шоссе на участок 13-й и 16-й рот. После первых же выстрелов кавалерийской стычки начальник команды с десятью стрелками отправился из деревни на позиции, зная, что присутствие лишнего офицера

никогда не лишне, тем более что роты занимали довольно значительные по фронту участки.

Варшавское шоссе разделяло 13-ю и 16-ю роты, но было уже перекопано, так что связь не прерывалась. Стрелкам приказано было ничем не выдавать своего присутствия наступающим. Германская цепь, человек 80—100, медленно подвигалась к окопам, но, не дойдя шагов ста до нашего проволочного заграждения, была встречена убийственным ружейным и пулеметным огнем, так что в живых осталась незначительная часть этой партии, укрывшаяся в картошке.

Несколько храбрых стрелков 16-й роты и 3 стрелка саперной команды: Коровин, Миронов и Тренин, не сдержав своего боевого духа в рамках осторожности, стремительно выпрыгнули из окопа и через наше заграждение (его можно было перелезть) двинулись на залегших немцев, желая взять пленного, но были встречены ружейным огнем, тяжело ранившим трех стрелков 16-й роты и убившим стр[елка] к[оманды] Миронова.

После неудачной попытки наступать противник открыл ураганный артиллерийский огонь по нашему расположению, причем под этим огнем стрелки саперной команды подносили из деревни патроны своим боевым товарищам в роты.

В 2 ч дня начальник команды

получил личное приказание начальника арьергарда занять командой все промежуточные окопы между 16-й и 12-й ротами ввиду ясно обнаруженного намерения противника вести наступление на этот участок.

Команда в составе 63 стрелков заняла окопы, идущие от дороги между дер. Боиме и Жджары к юго-востоку, протяжением по фронту в [пол] версты. Стрелки были вооружены японскими винтовками, причем каждый имел только по 65 патронов, и резерва этим патронам в полку не было.

По занятии указанных окопов сразу же было замечено, что противник накапливает силы влево от дер. Жджар на опушке леса, что между фольварками Рычица и Кемпа.

В 3 ч дня неприятель повел наступление густой колонной, но, будучи своевременно обстрелян нашим метким огнем, перешел в рассыпной строй и наступление повел тремя цепями. Цепи эти нами были обстреливаемы, но ввиду малого запаса японских патронов стрельба велась осматривательно, били на выбор лучшие стрелки команды. Приходилось опасаться, что у нас не хватит патронов на отбитие продолжающейся атаки, но в это время наша

**Саперная команда 24-го
Сибирского стрелкового полка
1915 г.**

24-й Сибирский стрелковый полк на отдыхе в походе у местечка Окунев 1915 г.

пами по 20 чел[овек] по дороге из леса стали проходить немцы (буквально «проходить», спокойно, во весь рост). Лежавшая перед нашим фронтом цепь, усиленная числом людей, тоже стала подаваться к деревне. Тут наш огонь был наиболее действенен и нанес неприятелю значительны[й] [урон]. Били на выбор, спокойно прицеливаясь, и можно с уверенностью сказать, что из 10 выпущенных пуль 5 пуль так или иначе проходили немецкое тело. На месте прохода немцев шла дорожка из трупов и раненых. Последние группы направлявшихся в Жджары немцев уже бежали и нагибались. Видно, судьба их хладнокровных товарищей, лежавших на дороге, им не улыбалась.

К 6 ч вечера в дер. Жджар накопилось до [полтора] батальонов немцев. Несмотря на то что окопы наши были в 200 [шагах] от деревни и была сильная артиллерийская стрельба, немецкая речь — крики, команды — все время доносилась до наших окопов. Хотя немцы, заняв деревню, и могли

артиллерия, поставленная в известность начальником к[оман]ды через стрелка Мамонтова, по этим наступающим цепям открыла убийственно меткий шрапнельный огонь, и цепи отхлынули. На месте осталась только одна цепь стрелков, которая пыталась несколько раз возобновить наступление, но каждый раз была отбиваема.

В этом нам оказало помощь то обстоятельство, что из 16-й роты мы унесли несколько русских

винтовок, отобрав их у убитых, патронов при которых было достаточно. Тогда же на помощь нам прибыли из 16-й роты 10 стрелков с подпрапорщиком Бахтуриным. Благодаря этому мы смогли открыть безостановочный огонь, хотя и несколькими стрелками, крайне губительный для противника.

Неприятельская цепь залегла в 300 [шагах] от наших окопов и уже не наступала, а лишь безостановочно обстреливала наш участок ружейным огнем и пулеметами, которые были искусно скрыты в росших тут картофеле и овсе.

В это время в дер. Жджар груп-

Штаб 2-го Кавказского корпуса. В центре сидит А.И. Тодорский Баку, 1922 г.

**А.И. Тодорский и
К.С. Станиславский**
22 декабря 1935 г.

**Руководство ВВС
на приеме
наркома обороны
СССР. Слева от
К.Е. Ворошилова
стоит А.И.
Тодорский**
1936 г.

выгодно атаковать нас, наступательный их дух угас.

В этом, несомненно, помогла нам наша меткая стрельба, стрельба с экономным расходом патронов. Несколько раз из деревни пытались идти на наши окопы группы в 20—30 чел[овек], но каждый раз после первого же дружного залпа 10—15 стрелков они убегали и прятались за здания.

Поставленный на опушке дер. Боиме у дороги на Жджары наш пулемет внезапно «заработал» около 7 ч вечера по наполненной немцами деревне. Там сразу же поднялась паника, и видно было, как «резво» оставлял деревню противник.

В 9 часу веч[ера] нам было приказано оставить позиции и перейти на новые. Переждав, пока роты прошли по шоссе через речку с двумя рукавами, команда подошла здесь мосты и отрезала этим путь преследования противнику.

Бой под Боиме по силе огня и потерям со стороны противника был первым большим арьергардным боем полка, и в нем еще раз было доказано немцу, что 24-й полк есть для него боевая единица, с которой он считался, считается и должен особенно считаться.

За блистательное и доблестное выполнение своего долга, за настоящий, выдержанный и в минуты опасности характер, за умелое искусство брать порученных им людей в свои руки, за думы только об общем деле, а не об опасности и о своей жизни, нижепоименованные стрелки саперной команды после боя под дер. Боиме были повышены в звании, а именно:

в старшие унтер-офицеры:

мл[адший] унт[ер]-оф[ицер] Воспитальник Федор за то, что, занимая левый фланг порученной саперной команде участка, с 25 стрелками отбил атаку 3 взводов неприятеля и, исполняя в этот день обязанности фельдфебеля команды, в обстоятельствах исключительной трудности помогал начальнику команды управлять людьми;

в младшие унтер-офицеры: ефр[ейтор] Павлов Павел и стрелки Шагин Иван, Коровин Федор и Цибезов Роман и

в ефрейторы: стрелки Тимофеев Тихон, Тренин Николай и Мешлинский Владислав за то, что в тех же исключительных по трудности обстоятельствах сохраняли полное самообладание, успокаивали других, более слабых товарищей, ободряли их и давали возможность начальнику команды думать только о немце, следить за ним и с ним считаться, а не ходить от стрелка к стрелку и быть в роли брата милосердия (приказ по полку от 11 авг[уста] 1915 г. № 263, § 19).

Младш[ий] унтер-оф[ицер] Гурин Михаил, исполнявший обязанности фельдфебеля команды с 15 июля, за то, что самовольно оставил передовые позиции, уведя раненого стрелка в перевязочный пункт, где и оставался до нашего отступления, тем же приказом, § 20 был откомандирован в 14-ю роту, и должность фельдфебеля занял старш[ий] унт[ер-] оф[ицер] Воспитальник.

Приказом 5-му Сибирскому армейскому корпусу 1915 г. № 531 нижепоименованные стрелки за то, что 29 июля, вызвавшись охотниками, под натиском и дей-

ствительным ружейным огнем германской кавалерии сожгли мосты у дер. Грошки по Седлецкому шоссе после отхода наших арьергардов; в бою при дер. Боиме под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника, подвергая свою жизнь почти неминуемой гибели, подносили поочередно патроны на место боя в 13-ю и 16-ю роты, вызвавшись на это дело тоже охотниками; заняв же после этого на левом фланге 16-й роты место защитников окопов, в обстоятельствах исключительной трудности сохраняли полное самообладание, своей стойкостью ободряли других, более слабых товарищей и много способствовали своей команде мужественно отбивать наступление немца, награждены Георгиевскими крестами:

3-й степени № 59814 — мл[адший] унт[ер]-оф[ицер] Коровин Федор, 4-й степени № 129083 — Павлов Павел, № 129084 — Шагин Иван, № 129085 — Цибезов Роман, № 129086 — ефрейтор Тренин

Николай, № 129087 — ефр[ейтор] Чугунов Федор, № 129088 — ефр[ейтор] Герасименко Василий, № 129094 — ефр[ейтор] Тимофеев Тихон, № 129089 — стр[елок] Никулин Василий, № 129090 — Мордин Степан, № 129091 — Егоров Иван, № 129092 — Лагодюк Василий, № 129093 — Москвин Алексей, № 129095 — Перескоков Петр, № 129096 — Глазов Михаил, № 129097 — Синяков Григорий, № 129098 — Алексеев Иван, № 129099 — Добрынин Павел, № 129100 — Таланов Иван

и Георгиевским крестом 4-й степени № 129082 — старш[ий] унт[ер-] оф[ицер] Воспитальник Федор за отбитие с 25 стрелками атаки противника силою не менее роты.

В 10 ч вечера 24 июля арьергард у дер. Сенна свернул с Седлецкого шоссе влево и отошел на северо-восток от него через местечко Мокободы на новые позиции Дмихи—Рогали—Карабье и Станы.

30 июля команда поступила в распоряжение капитана Канторова и отступала с ним к р. Буг, а 31 июля примкнула к остававшемуся в арьергарде 2-му батальону подполковника Згуры и шла за ним, по возможности баррикадируя дорогу. Дойдя до ф[ольварка] Франкополье, где батальон занял позицию, команда с командой пеших разведчиков прапорщика Мунтянова перешла р. Буг, вступила в Гродненскую губ[ернию] и расположилась на северо-восточном берегу Буга в дер. Крышловке, причем выделила из своего состава 16 саперов во 2-й батальон для руководства работами для создания предместного укрепления.

1 августа команда перешла в гор. Дрогичин, где и оставалась до 3 августа, работая по укреплению позиций, растрассированных на западной окраине города, а 3 августа с 4-м батальоном отступила к дер. Липинка, Вулька, Бирш и далее через дер. Журобицы с 15-й и 16-й резервными ротами к штабу дивизии в дер. Горнов. Оттуда ночью на 4 августа резервные роты ушли на поддержку на позиции, а команда в штабе полка на опушку леса, что северо-восточнее Журобице. В штабе полка получено было приказание команде отправиться для приготовления дороги к проезду артиллерии по направлению

к мест[ечку] Ботьки. До ночи работали на дороге и ночевали в ф[ольварке] Колейчицы.

5 августа, примкнув к отступавшему полку, команда пришла в дер. Дубно, где и расположилась. Полк встал на позиции у местечка Ботьки. Восточнее дер. Дубно шла наша вторая линия окопов, где с утра 6 августа команда и стала работать бойницы и козырьки, а также с ротами 4-го батальона блиндажи от артиллерии. Вечером немцы выбили наших из Ботек, и ходившие несколько раз в контратаку наши 1-й и 2-й б[атальоны] сильно пострадали.

7 августа днем отступали в Красное Село, где саперная команда личным приказанием к[оманди]ра полка была придана для охраны ко 2-й батарее 1-го дивизиона 1-й тяжелой артиллерийской бригады (командир батареи капитан Малевич) и с ней через дер. Гребели, Шпитали, Тончикалы и местечко Орля пришла в дер. Кривятичи, на западной опушке которой батарея встала на позицию.

10 августа утром команда была вызвана в штаб полка, находящийся в м[естечке] Орля, где получила приказание укреплять окопы восточнее местечка. В эти окопы с западной окраины мест[ечка] отступили наши батальоны. Ночью команда помещалась в березовой роще между Орлями и Кривятичами.

11 и 12 августа команда укрепляла позиции под сильным обстрелом немецкой артиллерии. В 3 ч дня 12-го перешла из березовой рощи в Кривятичи. Вечером под напором немцев (последние были уже у деревни) отошли к железнодорожной будке, где остался арьергард, а затем к дер. Каролина, где совместно с 265-м Вышневолоцким полком приготавливали новые позиции. Ночью с батальоном капитана Канторова отошли в дер. Курашево, на западной окраине которой под сильным обстрелом днем 13 августа укрепляли позиции. Здесь от командира полка была получена полевая записка следующего содержания:

«Прапорщику Тодорскому. Позиция. От к[оманди]ра 24 Сиб[ирского] стр[елкового] п[олка]. 1915 г. 13 августа. 6 ч 5 м[ин] веч[ера] № 184-й. Из д[ер.] Вольки.

Приказываю Вам каждый раз при отходе полка оставаться с арьергардом для уничтожения

мостов, порчи дорог всеми средствами, которыми располагает Ваша команда. К Вашей команде при отходах предполагается придавать казаков в Ваше распоряжение. Об этом особых распоряжений на каждый раз не будет. Полковник Радзиминский».

Ночью отступили в Беловежскую пуцу (в северный край ее под названием Лядская пуца), пробыли там около 7 ч и отошли через р. Нарву и местечко Яловку на северо-восточный берег р. Свислочь, где и заняли позиции от дороги, что из дер. Бурсовщина до поворота р. Свислочь у г[осподского] дв[ора] Луквичи включительно. Команда расположилась в дер. Бурсовщина. 14 августа из Лядской пуцы по приказанию командира п[олка] были высланы 10 саперов для исправления дороги от ф[ольварка] Подваськи до домика лесника Порослась и 5 человек для улучшения берега на р. Наревка у этого же домика лесника.

15, 16 и 17 августа укрепляли позицию на р. Свислочь, а 17-го вечером команда была вызвана в штаб корпуса, в мызу Левшово, и оттуда с корпусным инженером через дер. Горбачи и Жиличи пришла к железнодорожной будке, что на линии Волковыск—Белосток, где и ночевала.

18 августа утром разбили окопы между деревней Чапличи и восточным берегом р. Свислочь, но оттуда в 8 ч вечера вместе с подошедшими ротами полка отошли к г[осподскому] дв[ору] Яриловку, из которого ушли в 3 ч дня 19 августа в дивизионный резерв в фольварк Холявичи и поместились на месте штаба 41-й дивизии.

Вечером 21 августа половина команды с унт[ер-] оф[ицером] Павловым ходила работать на позиции в м[естечко] Мстибово, куда днем ушли наши роты 1-го батальона, а в 3 ч утра 22 августа команда по приказанию к[оманди]ра полка отправилась в распоряжение корпусного инженера в дер. Мочулино, что на линии Волковыск—Гродно, и через гор[од] Волковыск пришла туда в 9 ч утра.

В 6 ч вечера полк отошел на линию Шандры—Ораны. Воспользовавшись присутствием в дер. Мочулино обоза II разр[яда], удалось получить: 1 пару сапог, 47 шаровар, 36 гимнастерок, 15 фу-

ражек, 32 котелка, 40 погон, 20 кокард и 66 пар тельного белья.

22 и 23 августа команда укрепила позиции, идущие параллельно железной дороге Волковыск—Гродно, восточнее ее, имея левее себя 267-й Духовщинский полк. Полк наш с боем отходил от линии Шандры—Ораны, потеряв в составе своем более 300 человек. В 8 ч вечера к железной дороге приехал штаб полка, и полку приказано было встать в резерв, снявшись с арьергардных позиций у дер. Скураты.

24 августа отошли в резерв в дер. Мостки.

25 августа утром роты 2-го батальона отошли на поддержку 22-го Сибирского стрелкового полка, где около 400 стрелков заболели желудком, а днем и остальным ротам приказано было встать на позиции к левому и правому флангам дивизии. Команда по распоряжению капитана Носенко отправилась в штаб полка в господский двор Плища, причем в пути своем подверглась сильному обстрелу артиллерии.

26 августа в 3 ч утра с полком (в арьергарде остался 21-й его величества полк) через Кукуце, Моисеевичи, Войдзевичи, Рагозницу, Самуйловичи и дер. Пацевичи отошли к р. Зельвянка у господского двора Пацевичи и на восточном берегу ее заняли предместное укрепление. Окопы этой позиции, начатой средствами и распоряжением тыловой организации, шли, начиная от большой дороги Копачи—Пески через фольварк Туры до моста через р. Зельвянка, что к юго-западу от фольварка Конобай и далее по западному берегу этой речки до господского двора Пацевичи, далее, огибая с запада этот господский двор и уходя опять за речку. Окопы от правого фланга и до Пацевич оторыты были до профили «стоп» почти все, а далее на юго-восток от господского двора оторыты очень мало и местами сделана была только глубокая трассировка. Ходы сообщения начаты местами только на правом фланге.

Позиция нашего полка шла по западному берегу Зельвянки, огибая господский двор Пацевичи. Обстрелы на правом фланге позиций сносны, далее к фольварку Туры хуже значительно (мешают возвышенности

А.И. Тодорский и летчик-космонавт П.Р. Попович
Гурзуф, 1963 г.

спереди), от фольварка Туры и до моста окопы расположены в лесу, который хотя и вырублен перед окопами на 100—200—300 [метров], но лес не убран, и обстрел очень скверный. За речкой окопы со слабым обстрелом, а у господского двора Пацевичи обстрел сносный.

В целях улучшения позиции была намечена линия по тонкой опушке леса, что у фольварка Туры и к западу от фольварка Борки. Начальник боевого участка Носенко, расположив роты, приказал команде заняться улучшением окопов. День и ночь 26 августа прошли в интенсивной работе команды на позиции, причем уже ночью участок полка стал обстреливаться ружейным огнем подошедшего немецкого авангарда.

На рассвете [дня] 27 августа противник, видимо, намеревавшийся повести атаку, стал усиленно обстреливать наш боевой участок и единственную связь нашу с тылом — мельничную плотину-мост, проходящую через речку.

Река Зельва, или Зельвянка, весьма значительный приток Немана (тянется 135 верст и берет начало на болотистой возвышенности в центре Гродненской губ[ернии] в Волковыском уезде) у господского двора Пацевичи образует два широких рукава, очень глубоких и быстрых (Военно-топографическая карта 2 в. в дюйме XVIII—17). Капитан Носенко, видя, что противник одним метким выстрелом по плотине может отрезать нас от тыла, приказал команде немедленно и во что бы то ни стало выше мельницы устроить надежную и спокойную переправу для вверенных ему рот.

Приложив все свое старанье, опыт и хладнокровие, саперная команда быстро принялась сооружать переправу. Артиллерийский огонь противника достигал уже высшего напряжения, но большинство снарядов попадали в реку и на мягкий болотистый промежуток между ее рукавами и, не получив нужного противодействия, не разорвались.

Энергичная стрельба все же не могла прекратить работу, и мост шириной 5 аршин и длиной около 15 сажень был сделан. На случай отхода роты могли идти по мосту вздвоенными рядами, ряд за рядом. Капитан Носенко по докладу начальника команды об окончании работы лично ходил смотреть мост и поблагодарил команду за работу.

Дабы без сомнений обеспечить быструю переправу рот на правый берег Зельвянки, командой были построены четыре плота, которые могли сдерживать на воде отделение стрелков. Команда разыскала на реке три лодки, которые тоже потом дежурили у берега.

Ночь с 27 на 28 августа прошла спокойно. В 12 ч дня 28 августа противник повел наступление на наш участок, причем роты наши дали ему возможность подойти ближе к окопам и затем дружным залповым огнем заставили его отхлынуть с большими потерями. Раздосадованный тяжелой неудачей, противник буквально стал засыпать участок и реку снарядами. Несколько снарядов попортили мост-плотину, но совсем не разрушили.

Капитан Носенко, учитывая ясно все обстоятельства нашего положения, приказал команде

устроить вторую переправу ниже мельницы для правого фланга позиций.

Артиллерийский огонь достиг страшной силы. Немцы обстреливали беспрерывно участок. Несмотря на это, и второй мост был сделан командой, но уже шириною в [полтора] арш[ина], за невозможностью поднести много материала.

В 7 ч вечера противник вторично атаковал наши позиции, но при деятельной помощи влитого в роты резерва из рот 22-го Сибирск[ого] стр[елкового] полка, поражаемый нашим губительным огнем, принужден был снова бежать. Ночь заставила противника кончить активные действия, но артиллерийская стрельба не прекращалась.

Ко всем переправам, мостам, плотам и лодкам были назначены самые лучшие стрелки команды, в обязанность которых входило: в случае нашего отхода переправлять лично людей рот и при проходе последнего стрелка уничтожить все переправы, в случае порчи переправы немедленно дать знать команде, которая находилась в непосредственной близости от реки.

Один раз пришлось вызвать отдохавшую команду, а на помощь и команду пеших разведчиков. К нашим переправам по реке быстро двигалось более 1000 крепких железнодорожных шпал, пущенных по течению неведомыми руками. Пришлось употребить много усилий, чтобы сдержать эту лаву и не дать ей сломить переправы.

На рассвете [дня] 29 августа нас сменил 34-й Сибирский стрелковый полк, причем в его распоряжение командой были переданы все переправы. Смена происходила по мостам, выстроенным командой.

Полк отошел в дер. Крушина (версты 3 от Пацевич). Часов в 11 дня в эту деревню уже прибыла часть стрелков 34-го полка, который не смог оборонить принятый от нас участок и при отступлении своем с предмостного укрепления оставил в полной исправности противнику все сделанные командой переправы.

В 12 ч дня команда отошла в фольварк Осовляны, но вечером была вызвана для работ по укреплению позиции на западном берегу р. Зельвянка, где и работала главным образом в роте штабс-капитана Магденко.

По приказанию к[оманди]ра полка в 5 утра 30 августа команда снова отошла в фольварк Осовляны и днем сделала три больших землянки и шатер для штаба полка в лесу у дер. Крушина.

В 7 ч вечера команде приказано было отойти для работ на позиции у дер. Дашковцы, и ночью команда перешла р. Неман, вступив в Виленскую губернию.

31 августа 15 человек саперов были отправлены в штаб полка делать землянки, а остальные люди команды работали на новой позиции, шедшей в двух верстах северо-западнее дер. Дашковцы.

1, 2 и 3 сентября интенсивно работали на позиции, где начальником боевого участка был капитан Канторов. Перед всеми ротами команда совместно с саперами одной Сибирской саперной роты сделала проволочное ограждение, вырыла от позиции центральный ход сообщения, начала отрывать от 3-й роты второй ход и окопы второй линии. Местом расположения команды служили землянки под линией железной дороги Полоцк—Гродно.

4 сентября в 2 ч дня капитана Канторова на участке сменил капитан Скроцкий. В 7 ч вечера полки 2-й Туркестанской дивизии и 21-й Сибирский ее величества полк, не выдержав артиллерийского огня противника, отошли с позиций, и наш полк (рота штабс-капитана Индейкина) загнул свой правый фланг, как сосед отступивших.

5 сентября роты полка и саперная к[оман]да на рассвете под общей командой капитана Скроцкого через дер. Дьяковцы, Кришилки, Карпенчики, Ворошишки, госп[одский] дв[ор] Униховщина, г[осподский] дв[ор] Деражно, дер. Романовичи, Претим, Липичанка, Яселевичи и Ментовичи и через р. Лебеда отошли в ф[ольварк] Станиславов, где и ночевали. Команда шла за ротами, всеми мерами стараясь испортить оставляемую дорогу, причем в г[осподском] дв[оре] Липично у мельницы с пометкой на карнизе «1853-й год» разобрала новый крепкий мост.

Во время этого отступления без вести пропал стрелок к[оман]ды Закаталов.

6 сентября утром выступили для отхода у местечка Белица, вторично перешли Неман и но-

чью пришли на линию жел[езной] дор[оги] Барановичи — Лида, где и ночевали.

7 сентября утром выступили, перешли в Минскую губернию и вечером пришли в город Новогрудок. Роты полка заняли позиции на западной окраине города, а команда разместилась тут же в первых городских домах.

8 и 9 сентября команда работала по укреплению новогрудских позиций.

10 сентября под натиском немцев (сильный артиллерийский огонь и нажим на 6-ю роту и стрельба по городу) в [10 ч 30 мин] утра отошли на линию госп[одский] дв[ор] Доброполье — дер. Сулятичи в 6—7 верстах от Новогрудка. Во время отхода пропал без вести мл[адший] унт[ер-] оф[ицер] Бонцек. Вечером на позициях завязался бой. Ружейной пулей в живот тяжело ранен стр[елок] к[оман]ды Михаил Глазов. Под натиском почти окруживших нас немцев отошли через фольварк Марисин в дер. Комаровичи, где и ночевали.

11 сентября утром пошли в дер. Подгурье, но с дороги вернулись, для того чтобы идти в наступление под командой подполковника Доброславского. Расположились в лесу за окопами 23-го Сибирск[ого] стр[елкового] п[ол]ка, шедшими у дер. Старые и Новые Кольчицы. Ночью роты несколько раз ходили в атаку. Полк потерял более 300 человек. Дивизия (главным образом 22-й Сиб[ирский] стр[елковый] полк) взяла много пленных немцев.

12 сентября в 4 ч дня пришли в имение графа Хрептовича-Бутенева «Щерсы». Отдыхали. Ночью получили приказание идти на позицию Туркестанской бригады у дер. Ляхово. Только что сделали там окопы, приказано было отойти через «Щерсы» и дер. Колядино (Понеман) на восточный берег Немана, куда и пришли 13 сентября утром, сразу же начав строить новые позиции.

В этот день закончилось наше знаменитое отступление.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2284. Оп. 1. Д. 669. Л. 260—276 об.

*Публикация
А.А. ЧЕРНОБАЕВА,
доктора исторических наук,
профессора
(Москва)*

«СОВЕСТНО БЫТЬ НА ВОЙНЕ ЧЕЛОВЕКУ ПОСТОРОННЕМУ, НЕ ИМЕЮЩЕМУ В ПРЕБЫВАНИИ ТАМ НЕОБХОДИМОСТИ»

Художественная интеллигенция на театре военных действий

На Кавказском фронте.
Стычка с курдами

Рис. проф. Н. САМОКИША

Первая мировая война — одно из ключевых событий мировой истории. Это в полной мере осознавали ее современники. Так, А.А. Ахматова считала, что «XX век начался осенью 1914 г. вместе с войной. Календарные даты значения не имеют»¹. Выполняя свой гражданский долг, многие россияне ушли на фронт, были среди них и известные представители художественной интеллигенции. По способу пребывания художественной интеллигенции на театре военных действий можно выделить три группы: «добровольцы», «призывники» и «командированные». Восприятие войны и социальное поведение представителей каждой из этих групп имели свою специфику.

С ПЕРВЫХ дней многие деятели литературы и искусства выразили желание отправиться на фронт. Показательно их взволнованное и бодрое настроение. А.И. Куприн вспоминал: «Я совсем не ожидал, что меня так взволнует и оживит простое,

казалось бы, но непривычное дело — надеть мундир. Однако я пережил такое же волнение, как когда-то давно, перед производством в офицеры. Я вновь переживаю давным-давно прошедшее и чувствую себя молодым и бодрым»². Барон Н.Н. Врангель говорил о том же: «Странное дело, но, гуляя вот уже два дня в высоких "черного товара" сапогах и солдатской шинели, подвязав к поясу шашку (тупую) и кобуру от револьвера — так полагается по форме, — я начинаю чувствовать, что и моя душа будет скоро "в высоких сапогах"!»³. Видимо, многие «добровольцами» кроме чувства долга перед Родиной двигало простое любопытство, граничащее иногда с авантюризмом. Л.Н. Андреев в письме к брату на фронт писал: «Ужасно это любопытно — посидеть вот так в окопах. Скажу по правде, что если бы не мама, я попробовал бы, полевившись, повоевать, говорю серьезно и с сознанием. Если боюсь чего, так единственно своей чувствительности, слишком остро все воспринимаю»⁴.

Настроения этой группы художественной интеллигенции из числа «добровольцев» отражены в «Записках кавалериста» Н.С. Гумилева, написанных в 1915 году. Он был зачислен в эскадрон лейб-гвардии Уланского полка 24 августа 1914 года, стал вольноопределяющимся, разведчиком конно-

го взвода. Отдельные главы «Записок» периодически отсылались им в петроградскую газету «Биржевые ведомости». Первая публикация увидела свет 3 февраля 1915 года, последняя — в январе 1916-го.

Для Николая Гумилева был характерен взгляд на военную действительность через призму художественного восприятия: в «Записках» налицо романтизация войны. Темные ее стороны отступали на второй план, на первый же выходили приключения самого автора. Любой знак войны вызывал у него ассоциации: враг — матерый волк, засада — охота, разведка — игра в палочку-воровочку, германцы — карлики и колокольни. «Дивное зрелище — наступление нашей пехоты... Не верилось, что это отдельные люди, скорее это был цельный организм, существо бесконечно сильнее и страшнее динозавров и плезиозавров»⁵. Нередко автор сравнивал войну с игрой: «Там то же затаенное дыхание, то же веселое сознание опасности, то же инстинктивное умение подкрадываться и прятаться. И почти забываешь, что здесь, вместо смеющихся глаз хорошей девушки, товарища по игре, можешь встретить лишь острый и холодный, направленный на тебя штык»⁶. Встречались и ассоциации с охотой: «Мое внимание привлекла куча соломы, в которой я инстинктом охотника угадывал

что-то для меня интересное. Это враг, столкновение неизбежно. Во мне лишь одна мысль, живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня. Только на охоте за крупными зверьми, леопардами, буйволами я испытал то же чувство, когда тревога за себя вдруг сменяется боязнью упустить великолепную добычу»⁷. Даже материальные трудности и неудобства военного быта воспринимались как декорации игры: «О, низкие, душные халупы, где под кроватью кудахтают куры, а под столом поселился баран; о, чай! Который можно пить только с сахаром вприкуску, но зато никак не меньше шести стаканов; о, свежая солома! Расстеленная для сна по всему полу, — никогда ни о каком комфорте не мечтаешь с такой жадностью, как о вас!»⁸ Такое игровое, поверхностное восприятие войны, несколько оторванное от действительности, как правило, не могло долго продолжаться. Как только пропадала новизна ощущений, притуплялась и острота их восприятия. Кроме того, игровое поведение ценно именно своей непродолжительностью. Уже в 1915 году Н.С. Гумилев попросил перевести его на другой фронт — Салоникский, на который ему так и не удалось добраться. Важно отметить, что игровое поведение не мешало ему достойно выполнять свой воинский долг. За мужество Николай Гумилев был награжден Георгиевским крестом⁹.

Итак, особенностью восприятия войны «добровольцами» были: романтизация и эстетизация войны, героизация своего личного участия, доминирование игрового поведения.

Вторую группу оказавшихся на

фронте представителей художественной интеллигенции условно можно обозначить как «призывники». Были мобилизованы: А.Б. Гольденвейзер, С.А. Есенин, И.С. Ефимов, Н.Н. Купреянов, М.Ф. Ларионов, П.В. Митурич, Н.Я. Мясковский, А.Н. Скрябин, В.В. Хлебников, Г.Б. Якулов и др. Они оказались на фронте не добровольно, а выполняя свой гражданский долг. С этим, видимо, связана внутренняя борьба между чувством долга, осознанием необходимости идти на фронт и ясным пониманием, что служба неминуемо приведет к вынужденному отказу от привычного уклада жизни, окружения. Так, поговорив с неким вольноопределяющимся и узнав все условия службы, А.А. Блок в одном из писем к матери писал: «Из подобных его рассказов я увидел, что я туда не пойду... Что предпринять, я не знаю; знаю одно, что переменить штатское состояние на военное едва ли в моих силах»¹⁰. От варианта полного уклонения от службы поэт отказался и после долгих проволочек с помощью друзей был зачислен в Организацию земских и городских союзов в звании табельщика 13-й строительной дружины.

Бытовые условия пребывания на фронте, финансовое положение зависели от занимавшейся должности, звания, места дислокации. Так, артисты императорских театров, призванные из запаса на военную службу, получали жалованье в размере пенсии¹¹. Профессор консерватории Н.Я. Мясковский продолжал получать жалованье и за службу 100 рублей, 30 из которых тратил на дом и стол¹². А.А. Блок имел жалованье 50 рублей в месяц¹³. Доходы и даже общественное положение не-

которых знаменитых артистов не изменились. Так, призванный поручиком в ополчение Л.В. Собинов постоянно получал разрешения на совершение гастрольных поездок по стране и выступал в благотворительных концертах даже в штатском платье¹⁴.

В отличие от романтизации войны, характерной для «добровольцев», в группе «призывников» мы видим более сдержанное к ней отношение. Ими двигало в первую очередь чувство долга. Служба и пребывание на фронте воспринимались как обязанность. В их впечатлениях большое место занимали негативные оценки. Н.Я. Мясковский жаловался на «житье в грязной чухонской избе без всяких удобств»¹⁵. В.Б. Шкловский — на одежду: «Фронт одевали серо. Не хватало сукна, и шинели делались из бумажной материи, подбитой ватой, штаны были ватные, стеганные, все 2 и 3 сорта»¹⁶. А.А. Блок — на шумные компании: «Все окружающие ссорятся, а по вечерам слишком часто происходят ужины «старших чинов штаба» и бессмысленное сидение их в гостини»¹⁷. Более всего волновала поэтов, писателей и музыкантов невозможность продолжать заниматься творчеством. Н.Я. Мясковский в письмах с фронта отмечал: «А в общем, я все-таки скучаю, все больше и больше хочу заниматься настоящим делом. Все отвлечения, как я твердо и непоколебимо убедился, только вредны: искусство требует полного себе посвящения и не допускает перерыва в работе — мозги ржавеют и аппарат начинает хуже функционировать, грубеет слух, так что если я вернусь, многое придется начинать хоть и не с начала, то во всяком случае от печки»¹⁸. А.А. Блок в письме к матери сетовал: «Мне скверно потому, главным образом, что страшно надоело все, хотелось бы, наконец, жить, а не существовать, и заняться делом»¹⁹. Многие представители художественной интеллигенции отмечали свою отчужденность от происходившего. В.В. Хлебников в письме к Н.И. Кульбину жаловался: «Опять ад перевоплощения поэта в лишенное разума животное, с которым говорят языком конюхов, а в виде ласки так затягивают пояс на живот, упираясь в него коленом, что спирает дыханье... где я становлюсь точкой встречи лучей ненависти, потому что я (другой), не толпа и не стадо»²⁰. Н.Я. Мясков-

Атака кавалеристов на немецких гусар

Рис. П. МИТУРИЧА

ский еще в августе 1914 года замечал: «Я испытываю лишь чувство какой-то необъяснимой отчужденности ко всему происходящему, точно вся эта глупая животная, зверская возня происходит в совершенно другой плоскости»²¹.

У «призывников» хотя и реже, чем у «добровольцев», тем не менее встречались примеры игрового поведения. Для игры характерна театральность. «В одной из стычек на опушке леса, когда солдаты пошли цепью, Г.Б. Якулов, которого все солдаты безумно любили, медленно встает во весь рост, надевает свои неизменные перчатки (белые), берет стек и без оружия двигается на немецкие окопы. Он никого не звал за собой. Он уже не верил в победный конец... он просто не понимал чувства страха. Через миг он лежал с пробитым легким»²².

В целом же восприятие войны «призывниками» характеризовалось более реалистичным и даже прагматичным подходом — ее нужно принимать как данность, смириться с ней. Ответственно выполнять свои обязанности, ждать окончания войны и возвращения к привычному образу жизни.

Показательно, что представители художественной интеллигенции, призванные на фронт, даже в таких трудных условиях пытались по мере возможности заниматься своим профессиональным делом. Достаточно распространенной была ситуация, когда служившие в одном воинском подразделении артисты собирались и устраивали концерты. Об этом рассказали военные корреспонденты журнала «Рампа и жизнь»: «В одной версте от окопов стояла «летучка» 1 отряда, во время затишья там устраивали литературно-музыкальные вечера... Первым выступил артист В. Он разложил на столе дюжины две дров и начал из них выбивать всевозможные вариации... Затем появился боец — атлет. Следующим номером было пение; сестра милосердия, бывшая оперная певица, спела несколько арий из опер. Затем та же сестра с артистом В. исполняла дуэты. Хор «летучки» спел русские песни. Потом господин И. очень смешил публику своими комическими рассказами. Большой фурор произвел оркестр «летучки». В другом концерте программа состояла из разнообразных номеров: один штабс-капитан играл на скрипке под аккомпанемент рояля, артист имитировал Н.В. Плевницкую, прапорщики декламировали, затем было несколько номеров пения»²³.

Были даже случаи, когда на фронте создавались кружки. «В местечке Л. недалеко от фронта организовался кружок артистов,

призванных на войну и работающих в общественных организациях, под названием «Мозаика»²⁴. Членов кружка часто приглашали для выступлений на передовых позициях. На фронте учли полезность разумных развлечений и стали устраивать на позициях спектакли и концерты. В 1917 году произошел переворот в организации таких мероприятий. На фронте началось создание трупп. Первая фронтовая труппа появилась в феврале 1917 года²⁵. Согласно распоряжению военного министра командующий войсками Московского военного округа приказал всех военнослужащих артистов и служащих Московского Художественного театра прикомандировать к караульному батальону 56-го пехотного запасного полка и передать в распоряжение комиссара государственных театров поручика Л.В. Собинова²⁶. В Петрограде все призванные артисты причислялись к составу 171-го пехотного полка. Всего в 1917 году было создано 15 трупп, обслуживавших действующую армию»²⁷.

Еще один путь на фронт — долгосрочные командировки. Отдельные представители художественной интеллигенции принимали участие в военных действиях в качестве корреспондентов: В.Я. Брюсов, С.М. Городецкий, В.И. Немирович-Данченко, М.М. Пришвин, Б.В. Савинков, А.Н. Толстой и др. Эта миссия воспринималась как почетная, более того, для находившихся за границей русских литераторов это был чуть ли не единственный источник существования. Б.В. Савинков в письме к З.Н. Гиппиус в 1914 году просил: «Я вам уже писал с просьбой помочь мне устроиться военным корреспондентом при французской армии... Я согласен быть военным корреспондентом любой (кроме «Нового времени», конечно) газеты и за любое вознаграждение, лишь бы быть»²⁸.

С целью получения соответствующей информации писатели допускались к этой работе в результате самого тщательного отбора, после строгой предварительной проверки. Еще за два года до войны было выработано «Положение о военных корреспондентах в военное время», по которому на театре военных действий допускалось присутствие только двадцати корреспондентов — десяти русских и десяти иностранных и троих фотографов. Эти лица должны были быть утверждены в должности военных корреспондентов начальником Генерального штаба, но предварительно наряду с представлением всевозможных справок о «благонадежности» от них требовалось еще внесение денежного

залога — для русских корреспондентов в сумме 25 тыс. рублей, для иностранных — 75 тыс. рублей, для фотографов — 10 тыс. рублей. Каждый кандидат должен был иметь безукоризненную верноподданническую репутацию и полную политическую благонадежность. Положение о военных корреспондентах предусматривало целый комплекс карательных мер за непредъявление в цензуру хотя бы и не предназначенной для печати статьи или иллюстрации. Кроме предания суду, для виновных предусматривались наложение штрафа до 10 тыс. рублей и ряд административных взысканий, которые не подлежали обжалованию. Нарушившее установленный порядок военного корреспондента высылали с театра военных действий в одну из внутренних губерний и отдавали под гласный надзор полиции до прекращения действия военной цензуры.

Желающих получить звание военного корреспондента было много, поэтому отказывали даже крупным публицистам. В.Я. Брюсов в прошении генерал-инспектору военно-учебных заведений от 31 июля 1914 года писал: «Во дни великих испытаний, которые переживает теперь Россия, каждый гражданин обязан употребить все свои силы на служение родине. Не будучи призываем на действительную службу в ряды армии, вознамерился я исполнить свой долг гражданина и русско-го... Нисколько не обольщаясь преувеличенной верой в свой скромный поэтический дар, я одушевлен надеждой, что, став непосредственным свидетелем великих событий нашего времени, я в самом их величии почерпну силы, чтобы достойно запечатлеть для будущих поколений подвиги русского оружия и новую славу России»²⁹. Военных корреспондентов провозжали и встречали как героев. Так, отправка, а затем прибытие с фронта В.Я. Брюсова, корреспондента «Русских ведомостей», сопровождалась банкетом в литературно-художественном кружке.

Двойственность положения корреспондентов заключалась в том, что они, с одной стороны, участвовали в военных действиях, а с другой — продолжали заниматься своим профессиональным делом. Кроме того, они, выполняя государственный заказ на обеспечение гражданского населения строго дозированной информацией, свои субъективные оценки, как правило, оставляли при себе, между строчками заметок. У них был свой взгляд на военные события. В первую очередь это объяснялось позицией свидетеля, а не участника. Б.В. Савинков в своих

воспоминаниях («Во Франции во время войны (сентябрь 1914 — июнь 1915 гг.)) отмечал: «Я посторонний и праздный зритель»³⁰. М.М. Пришвин в дневнике в феврале 1915 года записал: «Один мой знакомый сравнил войну с родами: так же совестно быть на войне человеку постороннему, не имеющему в пребывании там необходимости. По-моему, прекрасное сравнение, я уже видел войну, я именно такое и получил там представление, как о деле жизни и смерти, поглощающем целиком человека»³¹.

Показательно употребление словосочетаний «видел войну», «получил представление». Важно отметить роль корреспондента как посредника, передающего информацию очевидцев военных действий. Особый взгляд выразился также в повышенном внимании к знакам войны: что она внесла в быт людей, как изменила уклад жизни, что оставил после себя неприятель и т.д. Как и для «добровольцев», для корреспондентов было характерно восприятие войны как игры. Б.В. Савинков оставил показательное описание одного эпизода: «Большой военный аэроплан. Я жду. Неужели не будут стрелять? Мне стыдно: во мне проснулось охотник. Так в рязанских болотах я со злобой смотрел на улетающих дупелей, на разряженное ружье, на взволнованную собаку, на свои бессильные руки»³².

Интересные наблюдения и впечатления о войне вынес Д.А. Фурманов, бывший одновременно корреспондентом и братом милосердия в 1914—1916 гг. Его в первую очередь волновала проблема причастности к войне. Отсюда глубокое неудовлетворение своей работой на Кавказском фронте: «Мы ехали сюда словно окрыленные, мы ждали простора истомившейся душе, ждали полного утления. И что мы нашли? Пустую, скучную, разлагающуюся жизнь... Мы, Бог знает, что делаем целые дни: играем на гитаре, мандолине, поем, шутим — и все это взамен лучших наших ожиданий, взамен мечты о героических подвигах»³³. В августе 1915 года Д.А. Фурманов попросил перевести его на Западный фронт для работы в «летучке». Свой перевод он аргументировал желанием быть в отряде, «поближе к страху»³⁴. Ожидания оправдались: «Это новое чувство, новое ощущение близости боя захватило меня всецело. Сердце колотится, словно ждет чего-то... Кругом все время гремит пальба... Эта обстановка подымает энергию, создает торжественную многозначительную атмосферу»³⁵. Показательно при-

знание Д.А. Фурманова: «Мы — поэты — искатели приключений, скитальцы. Где больше восторга и, пожалуй, опасности, — туда. Если говорят — для идеи — не верьте: сознания мало. Для помощи страдальцам — не верьте: на холерную эпидемию не помчится, потому что там страдание будничное, некрасивое, без эффекта. Для возрождения — не верьте: вид страданий холерных не возродит. Патриотизм — не верьте: много народу попряталось за ширмы, когда пришла нужда... Зачем скрывать. Мы — поэты и шли для восторга. Притом — в ореоле... Мы были настроены романтично, а жизнь, конечно, посмеялась над романтизмом и послала ему в лицо заслуженный плевок — заслуженный и необходимый в такое серьезное, неулыбающееся время»³⁶.

К этой же группе «командированных» могут быть отнесены операторы военной хроники. В 1914—1915 гг. хронико-документальные фильмы, в том числе и по военной тематике, снимали Скобелевский комитет, отечественные и иностранные компании, а также отдельные операторы. Многие кинопредприниматели решили послать своих операторов для съемок непосредственно на фронт. А.О. Дранков обратился с ходатайством о разрешении делать фронтовые съемки и для этого отправить на фронт режиссера и оператора. Вслед за ним с таким ходатайством обратились фирмы Пате, Гомон, А.А. Ханжонкова. Результаты подобных ходатайств оцениваются исследователями по-разному. С.С. Гинзбург считал, что никто не получил разрешения³⁷. Б.С. Лихачев, напротив, отмечал, что А.О. Дранкову «удалось со свойственной ему ловкостью заснять смотро войск, и он выпустил «Дружину победы или смерти». А.А. Ханжонков также получил разрешение на производство съемок военной хроники и выпустил один большой фильм «Великая война народов», а также более десятка небольших лент в 1914—1915 гг.: «Раненые воины в Москве», «Действия русских пулеметов», «Мобилизация лошадей», «На южном фронте войны», «Бомбардировка Новороссийска», «Отправка автомобильной роты» и другие»³⁸. Именно в это время Скобелевский комитет получил монополию на производство военной хроники, снимать которую имели право только его операторы. Прикомандированные к Скобелевскому комитету освобождался от службы в действующей армии. По приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего на различные участки фронтов были высланы

операторы, которые под наблюдением специально выделенных офицеров производили съемки. Каждая лента проходила строгую цензуру и должна была быть патриотического содержания. Несмотря на свои возможности, Скобелевский комитет снимал не очень много. Наиболее известные фильмы: «Штурм и взятие Эрзерума», «Под русским знаменем. Вторая Отечественная война. 1914—1916 гг.», «Генерал-адъютант А.А. Брусиллов».

Ходатайства частных фирм привели в конце 1916 года к отмене монополии на фронтовые документальные съемки. На фронт были допущены частные кинопредприниматели, отдельные кинооператоры. Условия посещения фронта устанавливались штабами, все отснятые материалы представлялись в военную цензуру. Оператор П.К. Новицкий делился своими впечатлениями: «Удалось заснять ряд очень интересных, ярких моментов — взятие Перемышля, бой на Гнилой Липе (Галиция), бой у Белявы. В армии операторов встречали крайне недружелюбно. Наш аппарат напоминал им какой-то таинственный прибор, к тому же видный наблюдателям противника, открывавшего немедленно по этому месту ураганный огонь. Для фронтовых съемок были сделаны специальные щиты и панцирная, бронебойная камера... Вся аппаратура была приспособлена для удобного транспортирования. Для каждому из операторов были прикомандированы помощниками оружейные мастера»³⁹.

Наконец, еще один путь на театр военных действий — краткосрочные командировки. М.В. Добужинский отправился на фронт для натуральных зарисовок по поручению общины св. Георгия. «Он много рисовал с натуры, — вспоминал С.К. Маковский. — Я видел еще в 1914 г. его альбом путевых набросков с фронта, куда он ездил в качестве художника Красного Креста вместе с бароном Н.Н. Врангелем»⁴⁰. В феврале—марте 1915 года М.В. Добужинский побывал в Галиции. В апреле того же года он вместе с Е.Е. Лансере устроил выставку военных рисунков, на которой было представлено около 70 его работ.

16 декабря 1914 года Е.Е. Лансере получил от начальника штаба Карской крепости удостоверение № 3326, согласно которому ему разрешалось «рисовать типы местных жителей, казаков и старую крепость, производить рисунки с наших войск и занимаемых ими мест»⁴¹. В марте 1915 года он был зачислен в резерв чинов Кавказской армии, что позволило худож-

Конвоирование пленных

Рис. проф. Н. САМОКИША

нику находиться при Приморском отряде⁴². Среди впечатлений, зафиксированных в «Путевых записках о поездке на Кавказский фронт 1914—1915 гг.», Евгений Лансеро отмечал страх и даже ужас: «Зато это чувство и есть реальное ощущение войны, а за этим ведь я и ехал. Теперь нужно еще повидать, если не испытать собственно картины боя»⁴³. В записках чувствовалось раздражение повседневными военными буднями: «Я злуюсь на неудачность своего путешествия, что нет никаких приключений, опасностей... Главное впечатление у меня пока — обыденность. А я стремился на войну, думая именно попасть в атмосферу напряженности... Меня беспокоит, что я, собственно, мало «переживаю». Признаться, мне ужасно хочется каких-нибудь приключений. Хочется попросту попасть «на минутку» под огонь»⁴⁴. «Сейчас я ближе к врагу, и так все спокойно вокруг, что я в глубине души начинаю «бояться», не конец ли войне, не опоздал ли я»⁴⁵.

К категории командированных можно отнести также художников-баталистов, посещавших фронт с целью поиска сюжетов для своих полотен. Так, в 1915 году был сформирован специальный военно-художественный отряд под руководством Н.С. Самокиша, в который вошли студенты батальной мастерской Г.И. Котов, П.В. Митурич, П.Д. Покаржевский и др. Согласно воспоминаниям последнего инициатива создания такого отряда шла от Академии художеств или от военного начальства⁴⁶. Целью поездки объявлялось изучение военного дела, зарисовки полей сражений, трофеев, военнопленных, солдат. Маршрут был сначала короткий: Белосток,

Ломжа, Кисельница, Остроленка, Осовец и Барановичи. Студентов одели в военную форму, отряд снабдили всем необходимым. «Мы получили вагон, у каждого было отдельное купе, получили краски, выючные чемоданы и пр. Был свой повар и денщики. Мы получили даже оружие, шашку, португезу с кобурой и револьвер, но это для того, чтобы не выделяться своим штатским видом. Был прикомандирован фотограф Штрюмер... Мы ходили и ездили повсюду беспрепятственно. В самих боях не участвовали, но бывали под обстрелом», — вспоминал П.Д. Покаржевский⁴⁷.

Особенности Первой мировой войны ограничивали сферу наблюдения художников, если они не были в рядах воинов. Никакие традиционные приемы баталистов не могли передать сущность войны позиционной, войны машин, войны, ведшейся на огромном расстоянии — в смысле протяженности фронта и удаленности противника друг от друга. Наброски делались непосредственно на передовой. Чем ближе к фронту, тем становилось интереснее и опаснее. Опасность не пугала, а, напротив, привлекала. Показателен эпизод, произошедший с П.Д. Покаржевским: «Я уселся писать этюд... Моя работа подходила к концу: оставались кое-какие детали на дальнем плане, вдруг свист около уха и выстрел оттуда. Я все же не ушел и несколько раз высунулся и все-таки дописал этюд»⁴⁸. За время командировки было сделано большое количество зарисовок, организована выставка в Барановичах непосредственно в салоне вагона. Затем отряд направили по маршруту Киев — Севастополь — Кавказ. «В Киеве мы рисовали трофеи, в Севастополе на боевых судах матросов около орудий, боевую тревогу... В Сарыкамыше — пленных турок»⁴⁹. Для

устройства выставки этюдов и рисунков участников отряда было испрошено разрешение у военных властей⁵⁰.

В сентябре 1916 года на Юго-Западный фронт был командирован художник А.А. Рылов собирать материал для батальной картины Брусиловского прорыва под Луцком, заказанной Военным музеем. Сам художник главной целью поездки считал «возможность увидеть своими глазами мировую войну... Картины военной жизни в тылу и на линии огня промелькнули мимо меня как на экране в кино, но впечатление от войны я все-таки получил»⁵¹. Картина о Луцком прорыве не была закончена по причине недостаточности материала.

На положении «командированных» находились артисты, направлявшиеся Императорским русским театральным обществом на фронт с целью организации спектаклей и концертов. Неоднократно посылал своих членов на передовые позиции с концертами союз «Артисты Москвы — русской армии»⁵². Восприятие войны этой группой художественной интеллигенции во многом было созвучно восприятию военных корреспондентов.

В особую группу следует выделить представителей художественной интеллигенции, оказавшихся в плену. Художественные кружки русских военнопленных имелись в лагерях Шамория, Шопроньск и Нейсе. Желание разнообразить лагерную жизнь, помочь материально и морально сотоварищам привело к откры-

Из путевого альбома М. ДОБУЖИНСКОГО

тию художественных кружков, театров, инструментальных ансамблей, хоров. Как правило, инициаторами выступали профессионалы-художники. В лагере Нейсе весной 1915 года функционировала группа любителей музыки, устраивавшая концерты и музыкальные вечера⁵³. В сентябре 1915 года в том же лагере был организован артистический, а в январе 1916 года — художественный кружок. Лагерное хозяйственное самоуправление шло навстречу начинанию. Целью кружка, как было записано в уставе, провозглашалось доставлять офицерам лагеря эстетическое развлечение устройством спектаклей, концертов, синемаграфических сеансов, литературных и других художественных вечеров за минимальную плату, прибыль от которых поступит в фонд кружка⁵⁴. Кружок существовал на членские взносы (2—5 марок ежемесячно) и пожертвования. В его рамках действовали артистическая группа, симфонический оркестр, оркестр мандолинистов. Все мероприятия проходили в специально построенном помещении со сценой. Симфонический оркестр к январю 1917 года насчитывал более 40 инструментов, среди исполнителей были далеко не заурядные профессиональные артисты⁵⁵. Нейсевский театр нельзя было назвать любительским, некоторые его почитатели лагерную постановку «Доходное место» А.Н. Островского сравнивали с постановкой пьесы в Александринском театре⁵⁶. Участие в художественной жизни способствовало поднятию морального духа, настроения, в какой-то мере облегчало материальные трудности. Сергей Шуко отмечал: «Время, проведенное мною в плену, конечно, не из приятных времен моей жизни. Но и в этом времени были часы, о которых у меня сохраняется лучшее воспоминание. Эти часы были проведены как в черной, так и в чистой художественной работе с моими артистами»⁵⁷.

В лагере Шамория в Австро-Венгрии функционировал театр русских военнопленных. Ядро будущего театра составил кружок драматического искусства, который должен был развивать и поддерживать культурно-просветительные цели, а также давать материальную помощь больным товарищам⁵⁸. Благодаря хлопотам руководства кружка австрийская администрация лагеря в пустовавшем артистическом манеже отвела половину помещений, а члены кружка из старых досок и матрацев оборудовали сцену и зрительный зал. Материальный

успех первой постановки — «Женитьбы» Н.В. Гоголя — позволил приобрести реквизит и бутафорию. На одном из общих лагерных собраний было решено объединить все культурные начинания в общество «Знание». Заслуга этих культурных начинаний была огромной. «Теперь всякий из пленных, возвратившихся в Россию, вспоминая о своем пребывании в плену, будет, безусловно, глубоко, искренне признателен этим людям, которые оторванному от родины, замкнутому за решеткой доставляли те чувства, которые он испытывал, сидя в театре»⁵⁹.

Таковы особенности восприятия Первой мировой войны представителями художественной интеллигенции, оказавшими на театре военных действий. Общей численности деятелей литературы и искусства, побывавших на фронте (неважно, в каком качестве), установить не удалось, но можно предположить, что их было более тысячи. Например, по сообщению газеты «Биржевые ведомости», только в декабре 1914 года на фронте находились 300 сценических деятелей⁶⁰. Несмотря на различный статус и материальное положение на фронте, все же можно выделить некоторые особенности восприятия войны и поведения на ней: общее понимание необходимости смены ценностей, попытки адаптироваться к новым условиям, эстетизация действительности, даже самой страшной, проявление игровых элементов как своеобразного защитного механизма. Представители художественной интеллигенции как граждане своей страны посильно выполняли свой долг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 248.
- ² Цит. по: Цеховицер О. Литература и 1-я Мировая война. М., 1938. С. 102.
- ³ Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневник 1914—1915 гг. СПб., 2001. С. 71.
- ⁴ Цит. по: Цеховицер О. Указ. соч. С. 104.
- ⁵ Гумилев Н.С. Записки кавалериста // Москва. 1989. № 2. С. 76.
- ⁶ Там же. С. 71.
- ⁷ Там же. С. 63.
- ⁸ Там же. С. 64—65.
- ⁹ Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 311.
- ¹⁰ Цит. по: Неймировская О., Вольпе Ц. Судьба Блока. Воспоминания, письма, дневники. М., 1999. С. 206.
- ¹¹ Рампа и жизнь. 1914. № 31. С. 4.
- ¹² Мясковский Н.Я. Статьи, письма, воспоминания. М., 1960. С. 345.
- ¹³ Письма Александра Блока. М., 1932. Т. 2. С. 301.
- ¹⁴ Российский государственный архив

литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 864. Оп. 1. Д. 931. Л. 7.

- ¹⁵ Мясковский Н.Я. Указ. соч. С. 346.
- ¹⁶ Шкловский В.Б. Жили-были. М., 1964. С. 111.
- ¹⁷ Неймировская О., Вольпе Ц. Указ. соч. С. 208.
- ¹⁸ Цит. по: Кунин И. Н.Я. Мясковский. М., 1981. С. 72.
- ¹⁹ Письма Александра Блока... С. 334.
- ²⁰ РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 134. Л. 7.
- ²¹ Мясковский Н.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 345.
- ²² Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 479—480.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. 1917. № 36. С. 8.
- ²⁵ Там же. № 6. С. 11.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 7792. Оп. 2. Д. 103. Л. 160.
- ²⁷ Театральная газета. 1917. № 26—27. С. 9.
- ²⁸ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 481. Оп. 1. Д. 81. Л. 1 — 10б.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 42. Л. 62.
- ³⁰ Савинков Б. Во Франции во время войны (сентябрь 1914 — июнь 1915 гг.). М., 1918. С. 63.
- ³¹ Пришвин М. Дневники. М., 1991. С. 70.
- ³² Савинков Б. Указ. соч. С. 62.
- ³³ Фурманов Л. Дневник (1914—1915—1916). М., 1929. С. 41.
- ³⁴ Там же. С. 70.
- ³⁵ Там же. С. 107, 113.
- ³⁶ Там же. С. 147, 162.
- ³⁷ Гинзбург С.С. Кинематограф дореволюционной России. М., 1963. С. 180.
- ³⁸ Лихачев Б.С. Материалы к истории кино в России // Из истории кино. Материалы и документы. Вып. 3. М., 1960. С. 47.
- ³⁹ Цит. по: Мигающий синема. М., 1995. С. 212.
- ⁴⁰ Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». М., 2000. С. 289.
- ⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1982. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 3.
- ⁴² Там же. Л. 4.
- ⁴³ Там же. Л. 7—8.
- ⁴⁴ Там же. Л. 19—22.
- ⁴⁵ Там же. Л. 23.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 3003. Оп. 1. Д. 24. Л. 81.
- ⁴⁷ Там же. Л. 81—83.
- ⁴⁸ Там же. Л. 83.
- ⁴⁹ Там же. Л. 85—87.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2058. Л. 28.
- ⁵¹ Рылов А.А. Воспоминания. М., 1954. С. 186.
- ⁵² Театр и искусство. 1916. № 41. С. 2.
- ⁵³ Там же. С. 3.
- ⁵⁴ Там же. С. 5.
- ⁵⁵ Там же. С. 40.
- ⁵⁶ Там же. С. 48.
- ⁵⁷ Там же. С. 106.
- ⁵⁸ Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. Отдел рукописей (ГЦТМ РО). Ф. 507. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ⁵⁹ Там же. Л. 20б.
- ⁶⁰ Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. 17 дек. № 14560.

И.В. КУПЦОВА,
кандидат исторических наук,
доцент
(Москва)

МОЛОДЫЕ ФИННЫ ОБЯЗАНЫ БЫЛИ «СЛУЖИТЬ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВСЕМИ СИЛАМИ И НА ЛЮБЫХ УЧАСТКАХ ФРОНТА»

Причины возникновения негерского движения в Финляндии в годы Первой мировой войны

В сентябре 1944 года — 60 лет назад — в результате побед Красной армии Финляндия вышла из числа союзников фашистской Германии, а 19 сентября было подписано соглашение о перемирии между Финляндией и государствами, находившимися с ней в состоянии войны. Этим была поставлена точка в череде конфликтов, то и дело перераставших в боевые действия, между СССР и его северным соседом, корни которых, как свидетельствуют факты, уходят к событиям начала XX века и Первой мировой войны. Уже тогда в Великом княжестве Финляндском возник шюцкор — военизированная националистическая организация, ставившая своей целью борьбу за выход из состава Российской Империи. В публикуемой статье показывается роль Германии в формировании шюцкора и разжигании ненависти не только к России, но и в целом к русскому народу.

8 ДЕКАБРЯ 1915 года на пограничной со Швецией железнодорожной станции Торнео российские жандармы задержали студента Гельсингфорского университета Эдуарда Бруна. Его подозревали в шпионаже в пользу Германии: случай

вполне типичный для военного времени, пропитанный подозрительностью и шпиономанией. Однако на этот раз все было по-другому. Арест обычного студента привлек внимание не только российских жандармских чинов, но и правительственных кругов империи. Даже император Николай II не остался равнодушным к этому делу. Министр юстиции А.А. Хвостов обратился к нему с просьбой «обойти закон» и создать специальную комиссию для расследования дела финского студента. «Обход закона» заключался в том, что подобные инциденты, возникавшие в пределах Великого княжества Финляндского, являлись прерогативой местной полиции, а не соответствующих российских служб. Главным аргументом в пользу исключения из правила являлись «интересы обороны и безопасности Российской Империи»¹.

Что же такого ужасного мог совершить студент? Какими тайными сведениями он располагал, чтобы им заинтересовались столь важные персоны? Надо за-

метить, что Брун оказался весьма разговорчивым подследственным. Он, в частности, достаточно подробно рассказал о том, что на немецкой территории при прямой поддержке Берлина проходили военное обучение сбежавшие из княжества молодые финны. Впоследствии они собирались вернуться на родину и в случае немецкого военно-морского десанта в Финляндию возглавить национальное восстание с целью отделения княжества от России. Сам Брун также прошел военную подготовку в Германии, затем был отправлен на родину для вербовки молодежи в создаваемый германскими военными финский легион. Сведения, полученные от Бруна, подвергла тщательной проверке специальная комиссия, направленная в Финляндию во главе с судебным следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Н.А. Машкевичем². К маю 1916 года к следствию были привлечены уже 62 человека, 32 из которых содержались под стражей. Кроме того, финляндское

жандармское управление разыскивало еще 290 человек³. Перед российскими властями шаг за шагом прояснялась картина образования среди некогда лояльных финнов движения, целью которого являлся выход Финляндии из состава Российской Империи при прямой или косвенной поддержке Берлина. Это движение получило название егерского, поскольку одним из его результатов стало формирование в годы Первой мировой войны на немецкой территории военного подразделения финских сепаратистов — Королевского прусского егерского батальона № 27.

Идейные истоки егерского движения можно обнаружить в деятельности созданной в 1904 году в Финляндии Партии активного сопротивления. Эта крайне малочисленная группировка молодых радикалов напоминала по методам борьбы российским эсерам. В годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. «активисты» пытались получить финансовую и военную поддержку от Японии. Именно «активисты» провозгласили лозунг: «Враг России — друг Финляндии». К тому же это была единственная финская партия, в программе которой имелось требование достижения полной государственной независимости страны⁴.

Начавшаяся мировая война вдохнула жизнь в старые идеи. В первые ее месяцы среди наиболее радикально настроенной части финского студенчества получило распространение представление о том, что бороться надо «не петициями и параграфами, а силой». Следовало использовать сложившуюся ситуацию, чтобы добиться политической независимости Финляндии. Однако достижение такой цели собственными усилиями для малой страны, у которой, ко всему прочему, отсутствовали вооруженные силы, казалось фантастической задачей. Необходимо было искать поддержку извне, от какой-либо сильной державы.

Первоначально взоры радикальных студентов, которые по происхождению преимущественно являлись шведами, были направлены на свою историческую родину — Швецию. Студенты были даже не против того, чтобы отделенная от России Финляндия вновь стала частью шведского государства или превратилась в шведский протекторат. В конце ноября 1914 года студенческая

делегация обратилась к шведским властям с просьбой организовать военное обучение финских добровольцев, но получила отрицательный ответ. Руководство Швеции не желало поддерживать финляндский сепаратизм. Известны слова шведского министра иностранных дел Кнута Валленберга, который просто и категорично заявил: «Если бы нам на подносе преподнесли Финляндию, я бы поспешил отказаться от подобного подарка, и громадное большинство шведов мыслит так же»⁵.

НЕУДАЧА в скандинавском направлении стимулировала поиск другого союзника. Им могла стать Германия. Этот выбор был далеко не случайным. Многие финские сепаратисты являлись искренними поклонниками Германии, которая с ее экономической мощью, сильной армией и известной всему миру наукой вызывала у них чувство восхищения. Большинство финских студентов и преподавателей, связавших свою судьбу с егерским движением, обучались в Германии или находились под сильным влиянием немецкой науки и культуры. Некоторые были просто прагматиками и действовали по принципу эстонского социалиста А. Кескюлы: «Маленькому, сражающемуся за свою свободу народу необходимо твердо взвесить, на стороне какой державы больше шансов получить помощь, что не исключало бы разрыва в будущем»⁶. Кроме того, с началом мировой войны финские эмигранты — ветераны сепаратизма — обивали пороги немецких представительств с надеждой быть полезными Германии. Именно они стали впоследствии идеологами и политическими организаторами егерского движения.

С другой стороны, немецкая дипломатия тоже не сидела сложа руки. Представители Германии ясно демонстрировали свои симпатии финским сепаратистам. Так, спустя несколько дней после начала войны, 6 августа 1914 года, германский посол в Стокгольме Франц фон Райхенау получил указание от рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега вступить в контакт с влиятельными политическими деятелями Финляндии с целью создания благоприятного для Германии настроения, пообещав финнам в случае успешного исхода войны «создание автономной буферной

М. Байер — командир 27-го егерского батальона

республики Финляндии»⁷. В начале ноября 1914 года в княжестве появились немецкие листовки с призывом «гнать прочь русских варваров при каждом удобном случае» и «свергнуть со своей шеи русское иго»⁸. Германия в этих листовках изображалась как держава-освободительница, вынужденная продвигать с помощью оружия идеалы свободы на территорию деспотичной России. Р. Люксембург по этому поводу с сарказмом заметила: «Гинденбург превратился в исполнителя завещания Маркса и Энгельса».

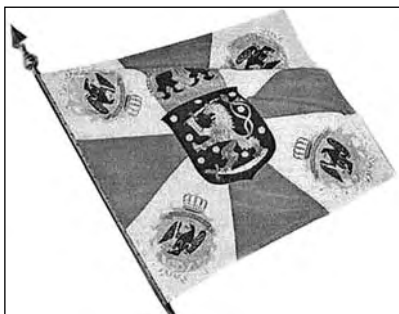
Так или иначе, но в конце ноября 1914 года члены студенческого комитета в Гельсингфорсе приняли решение о налаживании контактов с Германией. С этой целью в Стокгольм прибыли два его представителя — технолог Бертель Паулиг и студент Вальтер Хорн. В шведской столице они встретились через посредничество Карла Маннергейма, старшего брата генерал-лейтенанта русской армии Густава Маннергейма, с ветеранами сепаратистского движения, которые помогли молодежи составить текст обращения, адресованного германским правительственным кругам. Студенты обращались с просьбой принять финских добровольцев на специальные курсы для военного обучения и помочь в приобретении оружия. 11 декабря 1914 года немецкий посол в Стокгольме Г. Люциус фон Штедтен передал это послание канцлеру Бетман-Гольвегу⁹.

Следует отметить, что подобная просьба не явилась для Берлина неожиданной. Нечто подоб-

ное предлагали еще в сентябре 1914 года отдельные представители финской эмиграции в Берлине. Однако теперь все было иначе. С просьбой о помощи обращались не утратившие связь с родиной эмигранты, а молодые и образованные жители княжества, его будущее. Пропаганда и специальные операции прочно входили в арсенал тотальной войны, которую Германия вела против своих противников. Привлечение нового союзника, проживающего на стратегически важной территории, с севера прикрывающей подступы к российской столице, в Берлине, по-видимому, сочли достаточно важным, чтобы пойти на определенные издержки.

26 января 1915 года в Берлине состоялось совещание представителей военного министерства, генерального штаба и МИДа, на котором было принято решение об открытии под Гамбургом, в местечке Локштедт, 4-недельных курсов военной подготовки для двухсот финских добровольцев. Как указывалось в протоколе берлинского совещания, обучение имело целью «продемонстрировать симпатии Германии по отношению к Финляндии, приобщить финнов к высокой германской культуре и военному духу и в дальнейшем, в случае вторжения Швеции или финляндского восстания, сделать их способными к выполнению непосредственных военных задач на территории княжества»¹⁰. Результаты берлинского совещания не совсем удовлетворили финских сепаратистов, решение об открытии курсов они приняли за отправную точку секретного сотрудничества с Берлином. Прежде всего необходимо было осуществить вербовку двухсот владевших немецким языком добровольцев. Политические лидеры движения отправились сначала в высшие школы Гамбурга, Любека, Висмара и Дрездена. Они искали обучавшихся там уроженцев Финляндии, согласных поехать в Локштедт и пройти военное обучение. Ограниченная вербовка проводилась также и на территории Финляндии, преимущественно в среде студенчества и творческой интеллигенции. Немецкий военный агент в Стокгольме руководил отправкой добровольцев небольшими группами из Швеции в Берлин.

Спустя месяц, 25 февраля 1915 года, Локштедтские курсы начали работать. Предприятие было сек-

Знамя егерского батальона

ретным, поэтому в переписке между различными немецкими инстанциями оно получило название «Лола»¹¹.

В программу курсов входили строевая подготовка, подрывное дело и вообще обучение методам партизанской войны. Для обеспечения секретности финские добровольцы надели униформу пфадфиндеров — немецких бойскаутов, в которой они чувствовали себя, мягко говоря, неуютно. Одежда пятнадцатилетних немецких подростков была им явно не по душе, однако с этим приходилось мириться. Руководил обучением потомственный военный, участник подавления восстания племен гереро в немецких африканских колониальных владениях майор германской армии Максимилиан Байер, который был известен в Германии также благодаря своему литературному таланту (опубликовал в предвоенное время множество материалов о немецких колониях в Африке и даже книжки для детей).

ВОПРОС о финансовой поддержке финляндского сепаратизма является до сих пор до конца не исследованным. Известно, что в Германии был создан специальный «финский фонд» для финансирования антироссийской пропаганды, организации вербовки, военной разведки, актов саботажа и диверсий в княжестве, а также обустройства Локштедтских курсов. В начале февраля 1915 года имперское казначейство по распоряжению канцлера Бетман-Гольвега выделило этому фонду сумму в размере 1 млн. марок. Из них 25 тыс. марок были сразу переведены в немецкое дипломатическое представительство в Стокгольме, чтобы обеспечить поездку финнов в Локштедт¹². Разумеется, немецкое происхождение денежных средств тщательно скрывалось от рядовых участников движения. Его поли-

тические руководители вообще умалчивали факт спонсирования со стороны Берлина. Остается загадкой, какую сумму вложило в егерское движение военное министерство Германии. Сумма, выделявшаяся для поддержки финляндского сепаратизма, была, конечно, немалой. Однако она составляла весьма скромную часть тех средств, которые выделялись Германией на военную пропаганду и организацию специальных секретных операций против стран Антанты (вспомним восстание в Ирландии в 1916 г., попытки немецких агентов поднять восстания в британских и французских колониальных владениях и др.). В научной литературе упоминается сумма в 382 млн. марок, затраченных Германией для подобного рода целей. Из них 25,5 млн. израсходовано против России. Это тем не менее меньше, чем немцы «пожертвовали» для Румынии (47 млн. марок)¹³, пытаясь привлечь ее на свою сторону. Конечно, румынская нефть интересовала немецких стратегов куда больше, чем финские озера и скалы, однако стратегическое положение княжества также не сбрасывали со счетов, хотя военные были разочарованы деятельностью финских сепаратистов и даже предложили закрыть курсы. Так, немецкий военный атташе в Стокгольме Карл фон Авейден в одном из своих писем не без раздражения отмечал, что лидерам финского сепаратизма кажется, «будто вооруженная борьба Германии должна служить в первую очередь тому, чтобы принять финские теории и идеи к осуществлению... Если финны серьезно борются за дело своего отечества, то они должны сами перейти в наступление... а не выжидать, но страх сидит у них в утробе»¹⁴.

Апрель—май 1915 года стал для финских сепаратистов периодом нервным. Они предпринимали усиленные попытки добиться продолжения работы Локштедтских курсов и расширения числа их участников. Помощь пришла с неожиданной стороны — от российских революционеров-эмигрантов. Особенно важной для егерского движения стала косвенная поддержка его идей социалистами А. Кескюлой (псевдоним А. Штейн) и А. Гельфандом-Парвусом. По мнению последнего, «интересы немецкого правительства были идентичны инте-

ресам российских революционеров»¹⁵. Весной 1915 года Парвус представил в немецкий МИД меморандум, где восстание в Финляндии рассматривалось в тесной взаимосвязи с революцией в России, которая послужила бы сигналом. В этих условиях шведская армия была бы вынуждена перейти границу, чтобы защитить своих соплеменников в Финляндии. Подобного мнения придерживался также эстонский социалист Александр Кескюла, умело посредничавший между финскими и эстонскими националистами, российскими революционерами и германскими дипломатами¹⁶. Однако позднее отношения между финскими сепаратистами и российскими революционерами остыли: финнов отпугивал революционный радикализм. Тем не менее весной 1915 года поддержка революционной российской эмиграцией идеи финского восстания способствовала тому, что в Берлине решили продолжать содействие егерскому движению¹⁷, чтобы использовать финнов в нужный момент. Кроме того, по мнению немецких военных, «ропуск финского легиона обескуражил бы не только финнов, но и представителей других сепаратистских движений России и пробудил бы недоверие к Германии»¹⁸. 16 июня 1915 года в Берлине было принято решение продолжать формирование «финского легиона», по аналогии с польскими легионами Ю. Пилсудского.

24 августа 1915 года Э. Фалькенгайн принял в немецкой ставке одного из политических лидеров финских сепаратистов — Ф. Веттерхофа, представившего план военной операции в Финляндии, согласно которому немцы должны были высадить десант на Аландские острова, затем на западное побережье Финляндии, к которому присоединились бы участники Локштедтских курсов. Кроме того, они могли бы разрушать российские коммуникации и предоставлять немцам разведанные. Численность русских войск в княжестве Ф. Веттерхоф оценивал в 30—40 тыс. человек, против которых национально-освободительное движение после высадки немецкого десанта могло бы выставить 64 тыс. человек. Позднее, по мере продвижения германских войск, ожидалось присоединение к восставшим еще 250 тыс. финнов. После изгнания русских войск из Финлян-

дии Веттерхоф не исключал наступления на Петроград, что, по его мнению, «стало бы ударом в голову русского колосса»¹⁹.

План Веттерхофа был пропитан духом авантюризма, поэтому он так и остался на бумаге. Немецкий генеральный штаб не разделял оптимизма Веттерхофа ни в отношении финских повстанцев, ни в отношении десанта в условиях, когда русский флот контролировал восточную часть Балтики.

ОФИЦИАЛЬНЫМ днем рождения финского егерского батальона стало 2 сентября 1915 года. Этот день был символическим в истории Германии. 2 сентября 1870 года прусская армия разбила французов под Седаном. Как следовало из приказа немецкого военного министра, учебная группа «Локштедт» формировалась в виде егерского батальона, комплектуемого из финских добровольцев и подчиненного немецкому военному командованию. Финны получали униформу прусских егерей и обязаны были «служить Германской империи всеми силами и на любых участках фронта»²⁰. Вместе с тем командир батальона майор Байер сознавал, что это подразделение не может быть рядовой единицей германских вооруженных сил. Он, в частности, выделил следующие задачи финского егерского батальона: препятствовать возможной мобилизации в Финляндии, организовывать диверсионные акции в княжестве с целью оттянуть какое-то количество русских вооруженных сил с фронта в Финляндию, политически оказывать давление на Швецию, способствовать росту симпатий финнов к Германии.

С основанием

Схема переброски добровольцев из Финляндии в Локштедт

учебной группы «Локштедт» ближайшей задачей финских сепаратистов и взаимодействовавших с ними представителей немецких властей стал набор необходимого количества добровольцев в егерский батальон. Первые рекруты набирались в немецких лагерях для военнопленных, а также среди финских моряков, суда которых были захвачены Германией в начале войны. Одновременно началась тайная вербовка добровольцев непосредственно в Финляндии, откуда они через Стокгольм направлялись в Берлин. Возглавлял указанный этап капитан Карл Гельд.

Благоприятный поворот немецкой политики в сторону дальнейшей поддержки финляндского сепаратизма способствовал его консолидации в Финляндии. Вербовкой на территории княжества занималось специальное бюро во главе с магистром философии Каем Доннером. Политическое руководство егерским движением и его финансовую поддержку взял на себя так называемый центральный комитет, руководители которого стремились придать движению общенациональный характер, перетягивая на свою сторону представителей

ведущих политических партий княжества. Предпринимались попытки привлечь и финских социал-демократов, которым по сравнению с российскими коллегами в большей степени был присущ «националистический имидж». Однако партия придерживалась тактики выжидания. Ее руководство не запрещало своим членам участвовать в егерском движении индивидуально (например, сын одного из лидеров социал-демократов Ю. Мякелина Лео вступил в егерский батальон), но как организация она старалась не связывать себя с деятельностью сепаратистов. В целом егерское движение не привело к объединению его участников по партийному признаку. Линия разграничения противников и сторонников упомянутого движения проходила через ответ на вопрос об отношении к России.

Возглавившие егерское движение политики принципиально отвергали различие между российской государственной властью и российским народом, ибо эта дифференциация, по их мнению, «притуляла силу национального протеста и считалась вредной для дела национального освобождения». «Мы желаем стать самостоятельными и не можем согласиться с тем обстоятельством, что рюся — пусть в образе Николая или в одеждах матросов — хозяйничают здесь»²¹, — писал по этому поводу один из лидеров движения.

Традиционная лояльность по отношению к империи рассматривалась сторонниками егерского движения как измена делу нации, а вот германофильство, напротив, стало интерпретироваться как синоним преданности национальной идее. Идеология егерского движения приобрела ярко выраженную антирусскую окраску. При этом его приверженцы доходили до абсурдных заявлений. Например, в статье некоего финского автора сообщалось, что «во всех войнах финны всегда были врагами России, и теперь простой финский крестьянин считает понятия «враг» и «русский» синонимами».

Для организации вербовки молодежи в егерский батальон Финляндия была разделена на 87 отделений, в каждом из которых проводилась соответствующая работа. Причем теперь она не ограничивалась кругами интеллигенции и студенчества. Участники вербовки предприняли «хож-

дение в народ». Германское командование требовало набирать добровольцев из разных слоев населения различных районов Финляндии, для того чтобы создать подобие национально-освободительной армии. Были образованы специальные этапные пункты переброски добровольцев через границу. Молодые люди нелегально покидали страну зимой по льду Ботнического залива. На протяжении маршрута следования из Финляндии в Швецию были созданы специальные сборные пункты, в местах пересечения границы имелись опытные проводники. Аналогичная система действовала и на шведской территории.

В течение осени и зимы 1915/16 г. вербовка в Финляндии дала неплохие количественные результаты. Общая численность егерского батальона составила 1897 человек, из них 2 девушки — медсестры Рут Мунк и Сара Рампанен²². Батальон состоял из 6 рот: 4 егерские, или стрелковые, одна разведрота, одна рота пулеметчиков, также имелся взвод артиллерии. Во главе этих подразделений стояли немецкие офицеры. Их помощниками являлись шведоязычные финны из числа локштедтских пфадфиндеров²³. Батальон имел собственное знамя: в центре красовался финский лев, а по углам — немецкий орел. Знамя символизировало немецко-финское братство по оружию. Позднее появился и «Марш финских егерей»: текст сочинили сами егеря, а музыку написал Ян Сибелиус.

Социальный состав батальона был крайне неоднороден. Согласно статистическим данным финского историка М. Лауремы, около 300 человек являлись выпускниками университетов и других высших учебных заведений, 150—200 человек имели среднее образование, 513 были рабочими, 268 — крестьянами, финский торговый флот дал батальону 132 человека. Были здесь также журналисты, адвокаты, художники, скульпторы — словом, представители практически всех профессий и занятий тогдашней Финляндии. Так что егерское движение стало как бы движением широких социальных слоев населения. Правда, не стоит забывать, что некоторые оказались в батальоне не из идеологических или патриотических соображений, а просто потому, что хотели избежать участи военнопленных

или поддались красочным рассказам вербовщиков о больших заработках в Германии.

Кроме организации вербовки и отправки добровольцев в Германию, егерей пытались привлечь к проведению диверсий и сбору разведданных. Генерал Пааво Талвела, которого называли финским Жуковым, в молодости прошел службу в егерском батальоне и в своих воспоминаниях писал, что 38 егерей в течение войны находились в распоряжении немецкого военно-морского штаба и занимались разведывательной деятельностью и подрывными работами на территории Финляндии, Скандинавии и даже российского Мурмана. Надо сказать, что диверсии не принесли ощутимых результатов: был взорван склад военного имущества в Финляндии в июне 1916 года и предпринята попытка взорвать 5 принадлежавших Антанте и стоявших в финских гаванях судов. А вот разведывательная деятельность егерей протекала более успешно. Их сводки, как свидетельствуют материалы Политического архива МИД ФРГ, содержали довольно точную информацию о численности русских войск и местах их дислокации в Финляндии.

3 мая 1916 года финская воинская часть получила название Королевский прусский егерский батальон № 27 и была отправлена под Ригу в распоряжение командования группы армий «Митава». 30 мая 1916 года кайзер Вильгельм лично принял парад батальона.

Егерский батальон не принимал участия в каких-либо значительных военных операциях, его личный состав использовался в основном для охраны Рижского взморья. Правда, в боевых стычках 13 человек были убиты, 24 получили ранения, трое уже в первые дни перешли на сторону русской армии²⁴. Все более частыми становились случаи неповиновения, за что их участников отправляли на заводы Круппа или возвращали в лагеря военнопленных. В период с сентября 1916 по март 1917 года из батальона были отчислены 175 человек, что составляло примерно 9 проц. от его общей численности.

Главной причиной такой ситуации являлся внутренний конфликт между стремлением егерей бороться за независимость своей страны и одновременно быть обязанными служить другой державе. Молодые бойцы не об-

наруживали прямой связи между участием в операциях германской армии на фронте и борьбой за независимость Финляндии. Немецким офицерам было трудно понять сомнения финских егерей. Они с раздражением относились к разговорам на политические темы, касавшиеся будущего статуса Финляндии, и были уверены в том, что егеря, как военнослужащие германской армии, должны прежде всего выполнять свой воинский долг. Финны же обвиняли немецких офицеров в фанатизме, пренебрежении людьми, в полном непонимании их нужд. Следствием всего этого стало решение об отводе егерского батальона с фронта и размещении его в Либаве (Лиепаяе). В начале января 1917 года майора Байера отстранили от обязанностей командира батальона. Его преемник немецкий капитан Кнатс выступал за проведение массовых чисток от «ненадежных элементов» и требовал реорганизации батальона на «основе более прочного военного фундамента с исключением всякой политизации»²⁵. По существу, речь шла о том, чтобы приравнять финский егерский батальон к обыкновенному воинскому формированию, связанному узами дисциплины и обязанному подчиняться приказам германского командования без всякого «права на политику».

В конце 1916 — начале 1917 года начался процесс дробления батальона. Часть военнослужащих перевели в Мюнстерский лагерь для обучения подрывному делу. Некоторые егеря продолжили обучение в Киле, где знакомились со способами диверсий на кораблях. Таким образом, над 27-м Королевским прусским егерским батальоном — гордостью германо-финского секретного сотрудничества — нависла угроза распыления на отдельные отряды диверсантов, предназначенные для партизанских акций в тылу противника.

Перед Берлином встала проблема будущей судьбы финских добровольцев. 12 января 1917 года начальник Локштедтских курсов майор Шверин обратился в германский МИД с предложением о расселении егерей на территории Восточной Пруссии или Померании и создании нормальных условий для их перехода к гражданской жизни. По его мнению, «перспективы освободить Финляндию от русского гнета бы-

ли очень невелики»²⁶. Эта идея встретила одобрение в Берлине. Завязалась активная переписка с администрацией Восточной Пруссии.

ФЕВРАЛЬСКАЯ революция 1917 года в России осветила новые перспективы перед егерским движением и сняла с повестки дня вопрос о расселении финских егерей на немецкой земле. Особое значение в военном обучении добровольцев стало придаваться подготовке финских офицерских кадров, костяка будущей финской армии. Командиром батальона стал немецкий капитан Эдуард Аусфельд. С лета 1917 года увеличилось количество егерей, отправлявшихся в Финляндию с целью создания там отрядов самообороны — шюцкора. Переместившийся к этому времени в кресло главы немецкого МИДа А. Циммерман не без гордости сообщал: «Мы сейчас многих получивших военное образование финляндцев по возможности отправляем в Финляндию и поддерживаем страну в создании военной организации. Правда, о нашей помощи не должно быть известно»²⁷. В княжество отправлялось также оружие.

После провозглашения Финляндией независимости и признания ее суверенитета молодой советской властью и ведущими державами перед финскими правящими кругами встал комплекс сложных проблем, в том числе и проблема создания национальной армии. Главкомандующим формировавшейся финской армией был назначен вернувшийся из России генерал-лейтенант К.Г.Э. Маннергейм. Он испытывал острый недостаток в военных профессионалах, особенно в тот момент, когда в стране разгорелась гражданская война. Определенную надежду Маннергейм возлагал на финских егерей. Но гражданская война внесла в их представления о будущем свои коррективы. Не все захотели вернуться на родину. Большинство егерей подписали контракты, по которым они обязывались в течение года служить в войсках Маннергейма. В конце февраля 1918 года пароходы «Артурус» и «Кастор» доставили 1300 егерей на родину, где они вновь превратились в военных. Те, кто отказался служить в армии Маннергейма, а это в основном были выходцы из рабочих и социал-демократы, остались в Германии. Таких аут-

сайдеров оказалось 451 человек, они вернулись в Финляндию после окончания гражданской войны²⁸. Не сумев найти себе достойное место в жизни независимой Финляндии, отдельные егеря, симпатизировавшие социалистам, переехали затем в Советскую Россию и работали на различных постах в Карелии. Судьбы так называемых красных егерей оказались в большинстве своем трагичными. В 1930-е годы они стали жертвами сталинских репрессий.

Егерское движение было результатом германо-финского сотрудничества, ставшего возможным благодаря известному совпадению интересов правительственных кругов Германии и радикально настроенной части финляндского общества. Оно наглядно демонстрировало открытую для современников ореолом секретности связь между Германией и национальной окраиной Российской Империи, высветило элемент игры кайзеровского правительства на национальных проблемах восточного соседа.

Значение егерского движения оказалось многогранным. Оно явилось важным средством агитации в пользу идеи независимости. Из егерского батальона сформировалось ядро национальной армии Финляндии. В межвоенный период почти 90 проц. финского генералитета составляли бывшие егеря. Из их среды вышло около 50 генералов и 89 полковников²⁹. Особую известность как талантливые военачальники приобрели в годы Второй мировой войны ближайшие сподвижники маршала Маннергейма и бывшие «прусские егеря» генералы Н. Эстерман, Э.В. Туомпро, П. Талвела, А. Сихво и др.

Для Германии, как указывал финский историк М. Лаурема, «егерский батальон являлся убеждающим примером финляндского движения за независимость и одновременно заложником, гарантирующим искренность его замыслов. Он показывал, что к Финляндии следует относиться как к союзнику, которого стоит в своих расчетах принимать во внимание»³⁰. В годы Второй мировой войны немецкие нацисты считали своими союзниками в Финляндии именно выходцев из 27-го егерского батальона. В 1944 году германское руководство, недовольное позицией Маннергейма и других финских

государственных деятелей, все-речь рассматривало вариант организации в Финляндии государственного переворота и установления профашистской диктатуры во главе с каким-либо генералом из бывших «пруссских егерей». Гитлер периодически напоминал финским лидерам о «священном братстве по оружию», вспоминая традиции егерского движения.

В изучении егерского движения еще рано ставить точку. Говоря о нем, мы выходим на такую проблему, как милитаризация национальных движений в годы Первой мировой войны (создание вооруженных формирований по национальному признаку). Австро-Венгрия поддерживала создание польских легионов, Германия — финского егерского батальона, Россия создавала чехословацкий корпус. В сущности, речь шла о государственной поддержке сепаратизма в стане своих военных противников. Обрели ли в результате этого империи эффективное оружие против своих врагов? Стали ли они в результате подобной политики сильнее? Вряд ли. Но они выпустили из бутылки джинна — сепаратизм, который в конечном счете бумерангом ударил по ним самим, да так, что от некогда могущественных империй остались одни развалины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 1, 2. Доклад министра юстиции А. Хвостова Николаю II от 20.01.1916 г.

² Там же. Оп. 530. Д. 1160. Л. 1—5. Доклад А. Хвостова Николаю II от 1.04.1916 г.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 479. Оп. 4. Д. 67. Л. 34. Записка о деятельности преступного сообщества, образовавшегося в Финляндии с целью отделения последней от России.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 494. Оп. 2. Д. 13. Л. 28, 28 об. Программа партии Активного сопротивления.

⁵ Цит. по: Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 113. Оп. 470. Д. 345. Л. 4. Донесение А.В. Неклюдова в МИД.

⁶ Цит. по: Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. СПб., 2002. С. 87.

⁷ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PAAA). Weltkrieg 11 c. Bd 1.

Erlas 48. Reichskanzler an Reichenau, 6.08.1914 г.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 67. Л. 30 об.

⁹ PAAA. Weltkrieg 11 c. Bd 3. Bl. 40, 41. Lucius an Bethmann Hollweg vom 11.12.1915.

¹⁰ Ibid. Bd 4. Bl. 45—47. Ergebnis der Besprechung bez. Ausbildung von jungen Finnländer in Deutschland vom 26.01.1915.

¹¹ Suomen jääkärien elämäkerrasto. Helsinki; 1975. S. 17.

¹² PAAA. Weltkrieg 11c. Bd. 4. Bl. 90. Der Staatssekretär des Reichsschatzamts an Jagow G. vom 5.02.1915; Kriegsministerium an Militärattasche Stockholm vom 5.02.1915.

¹³ Lackman M. Suomen vai Saksan puolesta? Helsinki, 2000. S. 90.

¹⁴ PAAA. Weltkrieg 11 c. Bd. 7. A. 20535. Aweyden K. an Lucius vom 28.06.1915.

¹⁵ Ibid. Bd. 3. Bl. 96. Wängeheim an AA vom 8.01.1915.

¹⁶ PAAA. Weltkrieg 11 c. Bd. 5. A. 8629. Keskiä A. an AA vom 25.05.1915.

¹⁷ Ibid. Bd. 7. A. 18456. Wetterhoff an Wesendonk G. vom 4.06.1915.

¹⁸ Ibid. Weltkrieg 11 c. Bd. 7. A. 16981. Grosses Hauptquartier an AA vom 25.05.1915.

¹⁹ PAAA. GrHq. Finland. Bd. 1. L. 084155/68. F. Wetterhoff. "Über eine militarische Aktion in Finland" vom 24—25.08.1915.

²⁰ Coler U. Jääkäripataljoona // Suomen Vapaussota. I. Yväskylä, 1922. S. 132.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 278. Л. 14. Обзор иностранной прессы. «Рюссия» — так презрительно называли русский народ финские националисты.

²² Lackman M. Op. cit. 2000. S. 558.

²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1465. Л. 127. Показания перебежчиков 27-го егерского батальона, июнь 1916 г.

²⁴ Там же.

²⁵ PAAA. Weltkrieg 11 c. Bd. 18. Bl. 133—142. Berichte von Knats vom 28.01.1917, 9.02.1917.

²⁶ PAAA. Weltkrieg 11 c. Bd. 18. Bl. 28—31. Schwerin an AA vom 12.01.1917.

²⁷ PAAA. GrHq. Finland. Bd 1. Zimmermann an Lersner vom 4.08.1917.

²⁸ Lackman M. Op. cit. S. 558, 559.

²⁹ Suomen jääkärien elämäkerrasto. S. 760.

³⁰ Lauerma M. Jääkäriiliike // Historian Aitta. XIV. Porvoo-Hels., 1969. S. 233.

И.Н. НОВИКОВА,
кандидат исторических наук,
доцент
(Санкт-Петербург)

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Документы и материалы. Возвращение... 1921—1924 гг. / Сост. И.И. Басик, В.А. Авдеев, Ю.А. Алексеев, А.А. Зданович и др. М.: Триада-ф, 2002. 555 с.
Передана кандидатом исторических наук В.А. Авдеевым
(Москва)

Аяцков Д.Ф., Трезуб А.П. На защите конституционного строя России. Страницы истории органов государственной безопасности 1917—2000 гг. (на материалах Саратовской области). Саратов: Летопись, 2002. 168 с., ил.

Передана доктором исторических наук, профессором С.А. Овчинниковым
(г. Саратов)

Przegląd historyczno — wojskowy. Kwartalnik, Rok IV (LV) NR 4 (199), Warszawa, 2003.

Przegląd historyczno — wojskowy. Rok IV (LV) NR Specjalny 3 (200), Warszawa, 2003.

Передана Dom Wydawniczy BELLONA
(Варшава, Польша)

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Кн. 1. Летне-осенняя кампания 1941 г. М.: Ин-т военной истории МО РФ; РИЦ ГШ ВС РФ, 2004. 343 с.

Передана начальником Редационно-издательского центра Генерального штаба ВС РФ полковником С.В. Кравченко
(Москва)

Федоров М.Р. Морской некрополь Петербурга. СПб.: Политехника, 2003. 373 с., ил.

Передана автором
(Санкт-Петербург)

Будков А.Д. Великая битва за город-герой Ленинград. Учебно-методическое пособие. Орел-Курск: Издательский дом «Орлик», 2004. 160 с., ил.

Будков А.Д. Орловская область в годы Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.). Учебно-методическое пособие. Орел, 1999. 224 с.

Переданы автором
(г. Орел)

Карпов В.В. Генерал армии Хрулев. Все для Победы. Великий интеллект. М.: Вече, 2004. 384 с.

Передана автором
(Москва)

История штурманской службы флота России / Под ред. Е.Г. Бабинова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 599 с., ил.

Передана кандидатом военных наук контр-адмиралом в отставке Р.А. Зубковым
(Москва)

ПРЕОДОЛЕВАЯ СТРАХ И ОПАСНОСТЬ, РОССИЙСКИЕ МЕДИКИ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНЯЛИ СВОЙ ДОЛГ

В ПЕРВУЮ мировую войну в России был создан мощный и хорошо оборудованный железнодорожный санитарный транспорт. Постоянные военно-санитарные поезда (ВСП) разделялись на полевые и тыловые. Полевые ВСП имели упрощенное устройство и предназначались для перевозки раненых и больных преимущественно в армейском тыловом районе. Кадровая часть полевого ВСП состояла из вагонов, предназначенных для размещения личного состава поезда, кухни, аптеки-перевязочной, имущества, тяжелораненых и больных, переменной часть полевых ВСП — частично или полностью из обычных товарных вагонов. Тыловые ВСП имели более усовершенствованное устройство и предназначались для эвакуации в тыловые районы страны.

Для обеспечения железнодорожной эвакуации мобилизационным планом предусматривалось формирование 100 военно-санитарных поездов. Фактически было сформировано лишь 46 ВПС. К 12 (25) сентября 1914 года всего имелось 57 поездов военного ведомства и 17 санитарных поездов общественных организаций. Однако уже в начале 1915 года поездов было более 300, а в декабре 1916 года — около 400. На каждую дивизию приходилось по два военно-санитарных поезда¹. В первой зоне от линии фронта до головного эвакуационного пункта действовали летучки в составе 10 теплушек или товарных вагонов и одного вагона 1-го класса. Начиная с головного эвакуационного пункта (вторая зона) эвакуация осуществлялась кадровыми санитарными поездами, в составе которых имелись постоянная часть — 6 вагонов (аптека-перевязочная, вагон для тяжелораненых, кухня, цейхгауз, вагон для персонала, вагон для командования) и переменная часть. Вместимость такого кадрового санитарного поезда составляла одну тысячу человек. В

третьей зоне, от тылового эвакуационного пункта до распределительного эвакуационного пункта, эвакуация шла только санитарными поездами постоянно оборудованного состава вместимостью 500 человек.

Для эвакуации инфекционных больных выделялись специальные санитарные поезда, которые выгружали таких больных в инфекционные госпитали, развернутые в крупных городах фронтового и внутреннего районов общей мощностью на 12 050 коек. Эвакуацией душевнобольных занималось Российское общество Красного Креста (РОКК), их перевозка производилась в отдельных, специально оборудованных вагонах. Отделения для психических больных имелись и в военных госпиталях, лечебных учреждениях общественных организаций. Нередко душевнобольные, прибывшие с фронта, направлялись и в гражданские психиатрические больницы.

На 15 (28) сентября 1917 года на фронтах для размещения раненых и больных имелось следующее количество штатных мест: в лазаретах соединений — 62 053, в армейском районе — 145 612, на

Разгрузка санитарного поезда у распределительного госпиталя 1915 г.

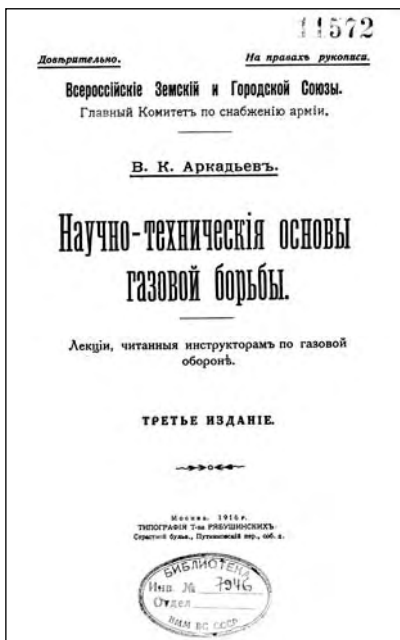
головных эвакуационных пунктах — 84 250, на тыловых эвакуационных пунктах — 248 306, во внутреннем районе — 427 тыс. Всего 967 221 (не считая мест в командах выздоравливающих). Если принять численность действующей армии в то время за 6500 тыс. человек, то количество штатных коек по отношению к численности армии составляло около 15 проц.² Такое количество коек следует считать вполне достаточным, так как годовые потери действующей армии ранеными, как уже говорилось, не превышали 1200 тыс. человек. Напомним, что иначе обстояло дело в начальный период войны, когда огромное количество эвакуируемых с фронта раненых буквально негде было разместить. Типичную картину трагических событий лета 1914 года на Северо-Западном фронте описал в своих воспоминаниях хирург-консультант этого фронта, участник героической обороны Порт-Артура в Русско-японскую войну профессор С.Р. Миротвор-

цев. Боевые действия в это время происходили на территории Польши. Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта и начальник санитарной части находились в Варшаве, там же были и все профессора-консультанты, в том числе и С.Р. Миротворцев. Придя однажды в санитарную часть фронта, он узнал об огромном скоплении раненых в Люблине и немедленно выехал туда на автомобиле. «Приехав в Люблин, — вспоминал С.Р. Миротворцев, — я явился к коменданту города... и спросил его, правда ли, что в Люблине скопилось так много раненых и они находятся без какой бы то ни было медицинской помощи.

— Вы пойдите, профессор, на Привокзальную площадь и там увидите, правда это или нет. Я ничего не могу сделать, у меня нет ни врачей, ни обслуживающего медицинского персонала, ни перевязочного материала и даже нет средств, для того чтобы кормить эту массу людей, которые совершенно неожиданно попали к нам. Ведь Люблин не был в числе городов, куда предполагалось эвакуировать раненых.

Оставив свой чемодан в госпитале, я пошел на Привокзальную площадь, где увидел огромное количество раненых, сидевших вплотную друг к другу на соломе, которая служила им и кроватью, и крышей. Был теплый сентябрьский вечер, накрапывал дождь. А когда дождь усиливался, раненые вынимали из-под себя солому, поднимали ее над головой и сооружали нечто вроде индивидуального шалаша... Сколько там было раненых, затрудняюсь сказать — тысяча, две или три, но во всяком случае зрелище это было ужасное... основную массу составляли легкораненые. Но были раненные в грудь, в череп, с переломом бедер и т.п. Каждый день количество раненых увеличивалось, их привозили на автомобилях и конных повозках, ехавших порожняком в Люблин за артиллерийскими снарядами. Вновь прибывшие раненые помещались вместе с прибывшими недели тому назад. У всех были запачканные, сбившиеся повязки, а многие были и вовсе без повязок. Легкораненые, ходившие в город за поданиями, делились добытым с тяжелоранеными.

Я вновь обратился к коменданту города и к начальнику станции, указывая им на недопустимость

**Титульный лист лекций
В.К. Аркадьева
«Научно-технические
основы газовой борьбы»
1916 г.**

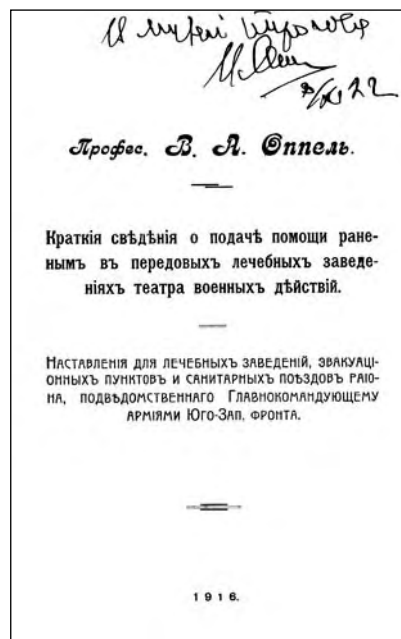
подобного отношения не только к раненым, но и к здоровым людям.

— Что же мы можем сделать, профессор? Мы дали знать в Варшаву, в Петербург, но пока помощи ни от кого не получили, и это продолжается уже десять дней.

...По прямому проводу я сообщил в Варшаву санитарной части главного командования о положении дел в Люблине и просил прислать мне все, начиная от медицинского персонала, перевязочного материала и кончая деньгами. На станции я открыл перевязочную, используя бинты, которые нашел в аптечке станции, а частью бинты, находившиеся у самих раненых. Перевязав шестнадцать человек, я убедился в полной бессмысленности этой затеи, так как мог бы перевязать за ночь еще сто человек, а тысячи все же оставались бы без всякой помощи... Тут я полностью осознал все величие бессмертного завещания Николая Ивановича Пирогова, который говорил, что в известные моменты на войне не медицина, не наука, не операция играет самую важную роль, а организация работы — только она может вывести врача-хирурга из тупика»³.

И СЕРГЕЙ Романович обратился за помощью в Люблинское отделение польского отделения Красного Кре-

**Титульный лист
наставлений
В.А. Оппеля
1916 г.**

ста, в местное женское благотворительное общество, которые звали в городском театре всех медицинских работников и вообще женщин. Профессор обратился к общественности Люблина с просьбой помочь спасти раненых и больных воинов.

«Надо было видеть то горячее желание, — пишет С.Р. Миротворцев, — а порой и энтузиазм, с которым все откликнулось на мое предложение. Сразу же после собрания мы отправились на площадь. Освободив два громадных пакгауза, которые были заняты тюками шерсти, молодежь, включая школьниц, вымыла там полы, выбелила стены на высоту роста человека, и к вечеру у меня было готово помещение на тысячу человек, в котором можно было разместить тяжелораненых, правда прямо на полу, на соломе, но все-таки под крышей. В том и другом пакгаузе были устроены перевязочные, которые мы отделили от основной части помещения фанерной перегородкой. В каждой перевязочной было поставлено по четыре ломберных стола, и мы получили возможность круглосуточно делать перевязки. Местное врачебное общество выделило в помощь мне тридцать шесть врачей, которые дежурили по три—четыре часа в сутки. К вечеру этого дня мы ото-

Верховный начальник санитарной и эвакуационной части принца А.П. Ольденбургский

Георгий Ермолаевич Рейн

так же успешно в 1914—1915 гг. работал в Новой Александрии, Ивангороде, Радоме и других городах и населенных пунктах в пределах Северо-Западного фронта. Ему было присвоено наименование «Сборно-перевязочный пункт профессора С.Р. Миротворцева».

Такие трагические эпизоды, полностью или частично похожие на приведенный выше, в первый год войны, разумеется, случались не раз, но русские врачи, как и профессор С.Р. Миротворцев, находили пути выхода из критических ситуаций. Во второй половине войны, когда она приобрела почти на всех фронтах позиционный характер, подобные трагедии уже не могли иметь места.

В ПЕРВУЮ мировую войну деятельность военно-медицинских учреждений впервые в военной истории стала нарушаться авиацией противника. Персонал лечебных учреждений не был подготовлен к этому, и бомбардировки с воздуха всегда вызывали панику. Вот как вспоминал о своем первом боевом «авиационном» крещении профессор С.Р. Миротворцев: «Однажды я приехал в Столбцы... И вот в погожий ясный день, в двенадцать часов 5 июля 1916 года, на высоте не более двухсот метров появились немецкие аэропланы и сбросили в расположение госпиталя (а он был развернут в палатках) несколько бомб. Медицинская сестра А.В. Замятина была убита, а два врача, С.А. Белявский и Н.В. Сидоров, с которыми я только что мирно беседовал, тяжело ранены. И пришлось, не уходя от операционного стола, прооперировать тех докторов, с которыми мы только что оперировали раненых за этим же столом». В другой раз Сергею Романовичу пришлось пережить авиабомбардировку в г. Молодечно. «Я уже был искушен опытом двух войн, — пишет он, — перенес осаду Порт-Артура, был под Люблином, а главным образом, переправу через Вислу, за что получил орден Владимира 4-й степени с мечами. Но, проснувшись около пяти часов утра, увидев, как со всех сторон небеса начинают появляться черные точки, которые постепенно растут и превращаются в аэропланы, и услышав отвратительный свист и разрывы бомб, которые беспорядочно падали на госпитали, склады, вокзал, полотно железной дороги, школу, церковь, я вновь пережил то чувство, которое испытал в Порт-Артуре при первой бомбардировке» (тогда это был

брали тяжелораненых и тех, которые не могли ходить. Легкораненые охотно помогли нам перенести в пакгаузы своих товарищей. К ночи нам принесли носилки, сделанные из простых палок с натянутыми на них простынями. Местные аптеки бесплатно отпустили нам запас медикаментов и перевязочный материал. Несколько сот женщин стали приносить раненым кофе в кофейниках, хлеб, масло, яйца и т.п. и кормили раненых в пакгаузах и на площади.

День и ночь шли перевязки, но количество раненых не уменьшалось, так как мы не могли их отправлять из Люблина. Однако очень скоро мне все же удалось организовать эвакуацию раненых. В поездках, состоящих из двадцати—тридцати теплушек, а иногда просто на платформах мы отправляли их на станцию Холм, находившуюся от нас примерно в шестидесяти километрах. Там были развернуты пустовавшие военные госпитали. Из Варшавы я получил ответ на свою телеграмму: в мое распоряжение переводится большая сумма денег, направляется перевязочный материал и весь свободный персонал из большого резерва врачей... Уже на третий день к вечеру стали прибывать сначала студенты-медики Киевского университета, работавшие выше всяких похвал, врачи-хирурги и врачи других специальностей, сестры милосердия, санитары... Работа пошла успешно, дружно, в результате чего образовался креп-

кий, спаянный коллектив... Эвакуация на станцию Холм оказалась настолько удачной, что после оказания необходимой хирургической помощи мы направляли из Люблина до двух тысяч раненых в день... За четырнадцать дней работы мы пропустили через свой перевязочный пункт (иначе его никак нельзя было назвать) сорок четыре тысячи раненых. Лишь на пятнадцатый день я пошел в гостиницу, чтобы переодеться и выспаться. Комендант гостиницы, увидев меня, очень обрадовался. Оказывается, он уже заявил в полицию, что я, прописавшись, в первый же день ушел и больше не являлся. Он предполагал, что меня где-нибудь убили».

Постепенно поток раненых в Люблине уменьшился, сюда прибыл начальник санитарной части Северо-Западного фронта, и на устроенном им совещании было принято решение о дальнейшей судьбе формирования, созданного героическими усилиями профессора С.Р. Миротворцева «Этот не предусмотренный санитарными правилами отряд, — говорилось в этом решении, — сохранить ввиду возможности повторения таких эпизодов, которые возникли в Люблине, и в дальнейшем, выработав для него временную форму финансирования, считать его резервным для оказания хирургической помощи в тех местах, где обнаружится прорыв санитарной организации»⁴. Отряд профессора С.Р. Миротворцева

обстрел города с японских кораблей. — **Авт.**⁵. Если ветеран двух войн испытал такой страх, легко представить себе состояние необстрелянных молодых мужчин и тем более женщин при первых авианалетах немцев. Но российские медики выдержали и это испытание, доказав самим себе и окружающим, что можно, преодолев страх и опасность, выполнять свой долг, как это делают солдаты и офицеры.

Несмотря на все бесчисленные трудности военного времени, в ходе войны по мере накопления опыта совершенствовались и организационные формы лечебно-эвакуационного обеспечения войск. И это было закономерно, так как на фронтах был весь цвет русской медицинской науки того времени, такие ученые, как профессор Н.А. Вельяминов, С.П. Оппель, Н.Н. Петров, А.В. Мартынов, Н.Н. Бурденко, С.Р. Миротворцев, Г.В. Хлопин, Л.А. Тарасевич, А.Б. Арапов, Н.А. Догорад, А.А. Опокин, В.И. Розумовский и другие.

В 1917 году главным полевым санитарным инспектором русской армии профессором Н.А. Вельяминовым была написана «Инструкция по организации помощи раненым на фронте». В ней обобщался опыт медицинской службы по организации лечебно-эвакуационного обеспечения войск в годы Первой мировой войны. На опыте этой войны русским военно-полевым хирургом В.А. Оппелем было разработано учение об этапном лечении раненых и больных на войне, сыгравшее определяющую роль в создании в последующем выдающимися организаторами военной медицины Б.К. Леонардовым и Е.И. Смирновым системы этапного лечения с эвакуацией по назначению.

В.А. Оппель определял три основные задачи медицинской службы на войне: возвращение в строй возможно большего количества раненых и в минимальные сроки; максимальное снижение инвалидности и сохранение работоспособности; сохранение жизни наибольшему числу раненых.

Сущность этапного лечения В.А. Оппель сформулировал следующим образом: «Раненый получает такое хирургическое пособие тогда и там, где и когда в таком пособии обнаружена необходимость; раненый эвакуируется на такое расстояние от линии боя, которое наиболее выгодно для его здоровья. Лечение ране-

ных, связанное с эвакуацией, я называю "этапным лечением"»⁶.

Эта концепция В.А. Оппеля, как отметил в свое время Е.И. Смирнов, нежизненна в условиях войны. «В оппелевском определении этапного лечения, — писал он, — есть хирургия и грамотная хирургия, есть раненый, но нет ни слова о войне, о боевой обстановке, а это-то и есть основное»⁷. Данный недостаток учения В.А. Оппеля был в дальнейшем исправлен, но суть его — тесное сочетание эвакуации с лечением, слияние их в неразрывный лечебно-эвакуационный процесс — составила основу современной системы лечебно-эвакуационного обеспечения войск.

Война выдвинула перед медицинской ряд принципиально новых задач в связи с появлением новейших средств вооруженной борьбы: боевых отравляющих веществ (БОВ), боевой авиации и танков. 18 (31) мая 1915 года на отдельных участках Северо-Западного фронта немцы впервые применили БОВ (фосген). От ядовитых газов пострадали 65 158 человек, из них 1282 офицера, среди которых был будущий русский писатель М.М. Зощенко. Из числа пострадавших умерли в войсковом районе 6340 человек. По 12 наиболее крупным газовым атакам общая смертность пострадавших от БОВ достигла 20,2 проц. Первоначальными средствами защиты от отравляющих газов были костры, поднимаемые их вверх, куски материи, смоченные водой и наложенные на нос и рот. Быстро было налажено производство защитных повязок, пропитанных гипосульфитом. В

июне 1915 года Верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский сообщал: «В армию выслано уже всего около восьми миллионов повязок»⁸.

Положение медицинского состава действующей армии при первых газовых атаках было истинно отчаянным: врачи, фельдшера и санитары не знали мер первой медицинской помощи и не имели никаких средств защиты. Вынос пострадавших с поля боя в ходе газовой атаки, их спасение было практически невыполнимым. Любые попытки приводили к гибели санитаров. Вот один из трагических документов того периода — акт комиссии, назначенной приказом начальника 64-й пехотной дивизии в связи с газовой атакой немцев 19 июня (2 июля) 1916 года. В нем сообщалось: «Химическая команда, предназначенная для борьбы с газами, во время газовой атаки погибла вся, погибли также и санитары, что замедлило вынос пострадавших из окопов. Ввиду гибели санитаров и ураганного огня неприятеля не представлялось возможным своевременно выносить отравленных, и они долгое время оставались лежать на дне окопов и в ходах сообщения, что увеличило число смертных случаев»⁹.

ПРОИЗВОДСТВО более совершенных средств защиты от БОВ шло медленно. Военно-промышленный комитет выбрал из нескольких образцов фильтрующий противогаз, основанный на использовании активированного угля, поглощавшего БОВ, предложенный хи-

**Перевязочная лазарета № 2
Земского союза. Огнестрельное
ранение нижней трети правой
голенки**
1915 г.

**Защитная маска от
удушающих газов**
1915 г.

Перенос раненого на носилках

Художник А.Н. СЕМЕНОВ
1915 г. Акварель

Питательный пункт на станции Барановичи

Художник Г.П. ФИТИНГОФ. 1914—1917 г. Акварель

миком, будущим академиком Н.Д. Зелинским и инженером М.И. Куммантом. Первые партии этого противогАЗа шли на снабжение офицерского и унтер-офицерского составов, а затем их получили и солдаты. В последующем отравленные БОВ выносились с поля боя дивизионными носильщиками в специальные убежища, далее медицинская помощь им оказывалась на полковых и на главных перевязочных пунктах, в лазаретах дивизии и в госпиталях. При эвакуации у пострадавших обычно сменялись одежда и белье¹⁰.

Санитарно-эпидемическое состояние русской армии в годы войны благодаря достаточно рациональной организации противоэпидемических мероприятий было относительно благополучным по сравнению с прошлыми войнами. С августа 1914 по сентябрь 1917 года в армии в различных медицинских учреждениях находились на лечении по поводу брюшного тифа — 97 522 человека (летальность — 21,9 проц.), дизентерии — 64 264 (летальность — 6,7 проц.), холеры — 30 810 (летальность — 33,1 проц.), сыпного тифа — 21 093 (летальность — 23,8 проц.), возвратного тифа — 75 429 (летальность — 2,4 проц.) и натуральной оспы — 2708 человек (летальность неизвестна)¹¹. Ни одна из острозаразных болезней, несомненно на огромные потоки беженцев, эвакуируемых с фронта в тыл раненых и больных, направляемых из тыла на фронт контингентов войск и

т.п., не приняла угрожающего характера. Впервые Россия в этой войне не знала эпидемий инфекционных заболеваний ни в армии, ни среди населения. Все это явилось результатом напряженного труда медицинской службы действующей армии и тыловых военных округов, сил и средств РОКК и других общественных организаций, работников системы гражданского здравоохранения, служащих железнодорожного и водного транспорта. В каждом корпусе был санитарно-гигиенический отряд, имевший лабораторию и служивший органом санитарно-эпидемической разведки и определения вида заразного заболевания. Для обслуживания частей и учреждений, не входивших в состав дивизий, формировались летучие санитарно-дезинфекционные отряды. На железных дорогах военными ведомствами и общественными организациями формировались железнодорожные санитарно-дезинфекционные банно-прачечные и другие отряды (поезда). На железнодорожных и водных путях сообщения была создана обширная сеть изоляционно-пропускных пунктов (ИПП), ставших надежным заслоном от распространения инфекций на фронтах и в тылу. В 1915 году в армии были введены обязательные прививки против брюшного тифа и холеры. Значительную роль в банно-прачечном обеспечении действующей армии играли организации Земского союза и Всероссийского союза городов. Из незаразных заболева-

ний наиболее распространенной была цинга. За годы войны с этим заболеванием были госпитализированы 362 256 человек.

Точных сведений о боевых санитарных потерях русской армии в годы Первой мировой войны не имеется из-за разноречивости отчетных данных, а главное — утраты документов в период успешной демобилизации армии в 1917-1918 гг. и Гражданской войны. На день мобилизации общая численность русской армии составляла 1423 тыс. человек. Всего было мобилизовано по февраль 1917 года (включая численность армии в мирное время) 15123 тыс. человек. Личный состав действующей армии на 1 (13) сентября 1917 года определялся цифрой 6372 тыс. человек, кроме того, в общественных организациях, обслуживавших действующую армию, насчитывалось 2678 тыс. человек¹².

По данным В. Аврамова, за всю войну число убитых и умерших (за исключением Кавказского фронта) составило 1 411 804 человека, раненых и контуженых — 3 748 669 человек, пораженных БОВ — 65 158 человек, всего заболело 5 069 920 человек. Количество уволенных со службы за период с начала войны по ноябрь 1916 года составило по лечебным учреждениям театра военных действий: солдат — 55 609 человек из числа больных и 43 065 из числа раненых; офицеров — 242 человека из числа больных и 156 из числа раненых. По лечебным учреждениям внутреннего рай-

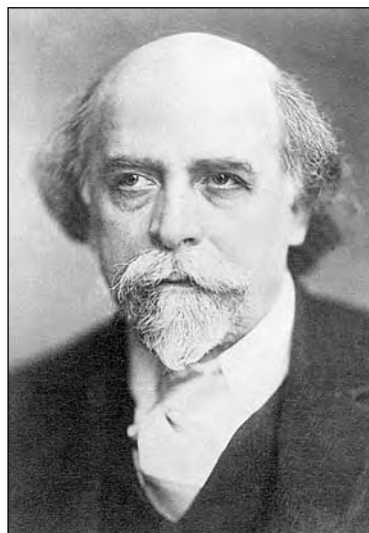

Рота, одетая в защитные маски против удушающих газов

Витебск, 1915 г.

Противогаз-рыльце

1915 г.

Николай Дмитриевич Зелинский

она за тот же период было уволено: солдат — 146 749 из числа больных и 314 358 человек из числа раненых; офицеров — 412 из числа больных. Уволено в длительные отпуска за тот же период было 1192 тыс. человек и оставалось на излечении 613 тыс. человек. Число военнопленных из состава русской армии приблизительно определяется в 3750 тыс. человек¹³. Е.И. Смирнов считал, что санитарные потери в русской армии в эту войну составили 9 млн. человек¹⁴.

ВОРГАНИЗАЦИИ медицинского обеспечения действующей армии и флота огромную роль сыграли общественные организации, прежде всего РОКК, Земский союз и Всероссийский союз городов. Кроме частных пожертвований они получали значительные бюджетные ассигнования, а также им был открыт кредит. Так, Земский союз получил из бюджета 2200 млн. рублей. Всероссийский союз городов — 600 млн., РОКК — 245 млн. Основными направлениями деятельности общественных организаций являлись: привлечение к работе на фронтах и в тылу передовых представителей российской медицинской науки, изыскание более маневренных сил и средств для поле-

вой медицинской службы, организация специализированных лечебных учреждений, создание подвижных хирургических резервов в виде хирургических отрядов, формирование промежуточных этапов эвакуации — перевязочно-питательных пунктов, создание специальных строительных отрядов для обеспечения помещениями медицинских учреждений и т.п.

Всенародный патриотический подъем в первые годы войны проявился также в организации множества частных госпиталей и лазаретов для лечения раненых и больных воинов. Так, Федор Иванович Шаляпин устроил в своем московском доме лазарет, в котором сестрами милосердия были его жена и дочери. Вот что писал об этом друг великого певца художник К.А. Коровин: «Доктором он взял Ивана Ивановича Красов-

ского. Шаляпин любил свой лазарет. Беседовал с ранеными солдатами и приказывал их кормить хорошо. Велел делать пельмени по-сибирски и часто ел с ними вместе, учась у них песням, которые они пели в деревне. И сам пел им деревенские песни. Когда пел:

Ах ты, Ванька, разудала голова,
На кого ты меня, Ванька, покидаешь,
На злого свекора,

то я видел, как раненые солдаты плакали»¹⁵.

ОСНОВНЫМИ достижениями российской военной медицины в годы Первой мировой войны следует считать: создание подвижных хирургических отрядов, хирургических групп и других видов подвижных хирургических резервов; появление специализированной медицинской помощи (глазные отряды, отделения и госпитали для челюстно-лицевых ранений, лечебные заведения для легкораненых); повышение хирургической активности на главных перевязочных пунктах; быстрое развитие в действующей армии автомобильного санитарного транспорта; зарождение и развитие армейского звена медицинской службы с ее армейскими приемниками на железной дороге и в узлах грунтовых путей эвакуации; создание мощного и хорошо оборудованного железнодорожного санитарного транспорта; введение обязательных прививок против брюшного тифа и холеры; введение походной дезинфекционной камеры и создание лабораторий на фронте; реализация разветвленной сети изоляционно-пропускных и обсервационных пунктов на железнодорожных и водных путях эвакуации; создание сети инфекционных госпиталей — заслонов на путях сообщений от распространения эпидемий; организация банно-прачечного обслуживания войск на фронтах (в позиционный период войны); зарождение и развитие средств защиты от боевых отравляющих веществ; создание подвижных запасов медицинского имущества в дивизиях и корпусах; относительно широкое применение рентгеновских установок в полевых условиях; разработка В.А. Оппелем учения об этапном лечении раненых и больных в условиях войны.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что, несмотря на недостаточную подготовленность русской армии и ее медицинской службы к глобальной

по своим масштабам войне, острую нехватку, особенно в ее начале, сил и средств, наличие ряда несовершенств в системе управления медицинским обеспечением действующих войск, российская военная медицина в основном справлялась со стоящими перед ней сложными и многообразными задачами. В строй было возвращено более половины раненых и больных воинов. Россия впервые в эту войну не знала эпидемий инфекционных заболеваний в армии и среди населения.

К СОЖАЛЕНИЮ, богатый опыт Первой мировой войны как в его военном, так и военно-медицинском аспектах до сих пор в нашей стране, в отличие от Запада и США, исследован крайне мало. В результате социальных потрясений и Гражданской войны архивные материалы этого периода были почти полностью утрачены. Во взглядах на Первую мировую войну в советский период произошли разительные перемены. Из Отечественной она превратилась в империалистическую, в течение многих десятилетий делалось все, чтобы уничтожить в народном сознании память об этой войне¹⁶.

А между тем на Восточном фронте кайзеровская Германия потеряла убитыми 1 601 365 человек. Если учесть, что общие безвозвратные потери германской армии в этой войне составляли 6 346 041 человек, то следует заключить, что более четверти ее потерь убитыми были получены в боях с русской армией. На протяжении почти всей войны Россия, по меткому выражению одного из военных историков, «мертвой хваткой держала своих врагов, увлекая их за собой в пучину военного поражения и социальной революции»¹⁷.

По мнению некоторых исследователей, Первая мировая война была важнейшим историческим событием XX века. «Без нее, — утверждает один из них, — не рухнул бы старый мир с его представлениями о нравственности и гуманизме, не пришли бы к власти ни большевики, ни Гитлер, не произошло бы глобальное перераспределение богатств, не начался бы мировой экономический кризис, основательно ослабивший демократию и создавший прочную базу для тоталитарных правительств... Все, что происходило в XX веке, было завязано на Первой мировой»¹⁸.

Вряд ли можно полагать такое смелое утверждение совершенно бесспорным, однако и считать его лишенным всестороннего и глубокого исторического обоснования также не представляется возможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Абрамов П.В.* Мировая война 1914—1918 гг. // Энциклопедический словарь военной медицины (ЭСВМ). М., 1948. Т. 3. Стб. 1103—1104.

² Там же. Стб. 1105.

³ *Миротворцев С.Р.* Страницы жизни. М., 1951. С. 66—68.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ *Опель В.А.* Организационные вопросы передового хирургического пояса действующей армии. Пг., 1917. С. 6.

⁷ *Семека С.А.* Медицина военная // ЭСВМ. М., 1948. Т. 3. Стб. 877.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2018. Оп. 3. Д. 47. Л. 115.

⁹ Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 3611. Л. 152—153.

¹⁰ *Будко А.А., Селиванов Е.Ф., Журавлев Д.А.* Санкт-Петербург — центр российской военной и морской медицины // 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. СПб.: Славия, 2003. С. 487.

¹¹ *Абрамов П.В.* Указ. соч. Стб. 1107—1108.

¹² Там же. Стб. 1112.

¹³ *Аврамов В.* Жертва империалистической войны в России // Изв. Наркомздрава. 1920. № 1—2. С. 62—65.

¹⁴ *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина. М., 1976. С. 13.

¹⁵ Константин Коровин вспоминает... СПб.; М., 1990. С. 240.

¹⁶ *Селиванов Е.Ф., Селиванов В.И.* Некоторые военные аспекты Первой мировой войны 1914—1918 // Вестн. ист. воен. мед. 1998. № 2. С. 53.

¹⁷ *Нелипович С.Г.* Россия мертвой хваткой держала своих врагов // Воен.-истор. журнал. 2000. № 5. С. 54—55.

¹⁸ *Филиппов А.* Главный выстрел XX века // Известия. 2003. 22 июля.

Полковник медицинской службы А.А. БУДКО, доктор медицинских наук, профессор; полковник медицинской службы в отставке Е.Ф. СЕЛИВАНОВ, кандидат медицинских наук; Н.Г. ЧИГАРЕВА, доктор биологических наук (Санкт-Петербург)

Иллюстрации из коллекций Военно-медицинского музея МО РФ

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

● В очередных, как и в предыдущих номерах журнала особое место будет уделено публикациям, посвященным 60-летию Победы. Так, под рубрикой «Великая Отечественная: военное искусство» читатели познакомятся со статьей кандидата исторических наук полковника С.Ю. Щукарева, рассказывающей об особенностях применения ВВС Красной армии в Белорусской операции.

● Нашла свое отражение эта важная тема и в рубрике «Историография и источниковедение», где помещено исследование Т.В. Анисимовой о военно-политических отношениях между СССР и Германией в 1922—1941 гг.

● О радиоразведке отечественного Военно-морского флота в войсках первой половины XX века рассказывается в статье кандидата военных наук капитан-лейтенанта В.Г. Кикнадзе.

● Рубрика «Военное строительство» представлена и другим примечательным материалом под названием «Степная кавалерия» (автор полковник В.Д. Гармаев), в котором идет речь о 30-летней боевой истории первой национальной воинской части Бурятии.

● В рубрике «Военная летопись Отечества» читатели познакомятся с историческим очерком «Ударная сила Северного флота» (авторы — контр-адмирал в отставке Л.Д. Чернавин и капитан 1 ранга в отставке И.А. Каутский), повествующим о боевых делах подводников-североморцев.

● Продолжается публикация получивших многочисленные отзывы читателей фронтовых дневников участника Первой мировой войны генерала А.Е. Снесарева.

● На страницах «Молодежного военно-исторического журнала» под рубрикой «Эпоха в биографиях» помещен очерк профессора Л.В. Владова о маршале К.-Г.-Э. Маннергейме, служившем в разное время в русской и финской армиях.

● Увидят читатели интересные и содержательные материалы, помещенные под рубриками «Воинское обучение и воспитание», «Из фондов военных архивов», «Фамильный архив», «Критика и библиография», «Научные сообщения и информация».

**Гитлерюгенд немецких колонистов в бывшей германской Юго-Западной Африке
30-е годы XX в.**

«БУДЕМ ПОВЕЛЕВАТЬ МЫ И ТОЛЬКО МЫ, БЕЗО ВСЯКИХ СОГЛАШЕНИЙ С МОСКВОЙ»

Эволюция колониального движения в политике нацизма

На протяжении жизни многих поколений Германии в ее внешней политике постоянно стояли цели по приобретению «жизненного пространства». Особенно ярко они проявились по завершении Франко-прусской войны 1870—1871 гг., когда в Версале победившая сторона объявила об образовании Германской империи. Последующее экономическое развитие нового государства напрямую зависело от активной колониальной политики, которая обеспечила бы ему дешевые источники сырья и рынки сбыта отечественной продукции.

ГЕРМАНСКАЯ империя образовалась в тот период, когда мировой «колониальный пирог» был полностью поделен между ее европейскими соседями, и лишь огромными усилиями частного капитала при государственной поддержке Германии удалось в 1884—1885 гг. приобрести собственные колонии в Африке (Того, Камерун, Германская Юго-Западная Африка, Германская Восточная Африка) и Океании (Земля Кайзера Вильгельма в северо-восточной части Новой Гвинеи, острова Бисмарка и северная часть Соломоновых островов), а позже в Китае (порт Циндао с окрестной территорией в бухте Цзяочжоу в 1898 г.).

До начала Первой мировой войны Германия превратилась в мировую державу с колониальными владениями общей площадью в 2 913 500 кв. км и с населением 15 652 тыс. человек¹. И все же молодая империя чувствовала себя обойденной в колониальной сфере. Ее европейские соседи не желали делиться своими заморскими владениями, поэтому она стала усиленно готовиться к будущей военно-силовой борьбе за передел мирового колониально-го хозяйства.

Однако после окончания Первой мировой по условиям Версаль-

ского мирного договора 1919—1920 гг. Германия потеряла часть своей территории в Европе, лишилась колониальных приобретений в Заморье. Эти потери и тяжелое бремя репарационных выплат победителям оказали негативное влияние на ее экономическое и социально-политическое развитие, стали одной из главных причин установления нацистской диктатуры в стране.

30 января 1933 года президент Германии (Веймарской республики) генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург назначил канцлером и привел к присяге лидера сильнейшей партии страны, поручив ему сформировать новое правительство взамен ушедшего в отставку кабинета Курта фон Шлейхера — последнего канцлера Веймарской республики. Хотя нацистов было немного в сформированном правительстве, важнейшие посты были заняты именно ими. Сам шеф НСДАП Адольф Гитлер являлся рейхсканцлером, председатель рейхстага Герман Геринг — министром внутренних дел Пруссии и комиссаром по делам авиации, министр внутренних дел Тюрингии Вильгельм Фрик — рейхсминистром внутренних дел, председатель Национальной партии Альфред Гугенберг — министром экономики, глава «Стального

шлема» Франц Зельдте — министром труда².

1 февраля 1933 года президент Веймарской республики генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург в соответствии с конституцией страны осуществил роспуск рейхстага и назначил новые выборы на 5 марта 1933 года, а 3 февраля канцлер Гитлер перед командующим армией и флотом определил главную задачу — восстановить военное могущество Германии³. Это требовало серьезной финансовой поддержки. 20 февраля во время встречи Гитлера и Геринга с Круппом, Фёглером, Шнитцлером, Бошем, Шахтом и другими крупными предпринимателями для избирательного фонда нацистской партии было выделено 3 млн. марок.

Необходимо было избавиться и от политических соперников. По сфабрикованному обвинению коммунистов в поджоге рейхстага 27 февраля свыше 10 тыс. функционеров Коммунистической партии Германии были арестованы, а 3 марта такая же участь постигла и их лидера Эрнста Тельмана. Декретом президента страны «О защите народа и государства» от 28 февраля основные права граждан, записанные в Веймарской конституции, были ликвидированы, введена смертная казнь для

политических противников государства и осуществлен запрет всей коммунистической и частично социал-демократической печати. Все это создавало простор для нацистского террора.

5 марта 1933 года на выборах в рейхстаг НСДАП получила 17,3 млн. голосов, КПГ и СДПГ — 12 млн., а остальные партии — 10 млн. Однако 9 марта депутатские мандаты 81 коммунистов были объявлены недействительными, а сами депутаты арестованы⁴. 21 марта 1933 года в гарнизонной церкви Потсдама под звон церковных колоколов, каждый из которых носил название одной из немецких земель, произошло торжественное открытие нового рейхстага. Президент в краткой речи к депутатам заявил, что народ «явным большинством высказался за правительство, призванное к власти моим доверием», на что Гитлер ответил, что «восстановит примат политики, призванной организовать жизненную борьбу нации» и тем самым установит единство духа и воли народа. Затем при полном молчании депутатов Пауль фон Гинденбург спустился на несколько минут в усыпальницу Фридриха Великого, и торжественный ритуал был завершён⁵.

Через несколько часов в опере Кроля под сенью огромной свастики рейхстаг продолжил работу, и уже 23 марта депутаты проголосовали за «Закон о ликвидации

нищеты народа и рейха», по которому новый профашистский рейхстаг наделил правительство чрезвычайными полномочиями, что позволило в последующем действовать в обход рейхстага и конституции⁶.

За парламентское принятие антиконституционного закона, упразднившего парламент, проголосовало более 2/3 депутатов (441 — «за» и 94 — «против»), и если учесть голоса арестованных депутатов от КПГ (81) и голоса от пошедших на поводу у нацистов депутатов от СДПГ (120), итог имел бы противоположный результат (230 — «за» и 295 — «против») ⁷. Таким образом, радикальное противостояние между КПГ и СДПГ в годы республиканского правления стало определяющей причиной конституционной подмены демократического института власти Веймарской республики диктаторским нацистским режимом гитлеровского тоталитаризма.

10 марта Гитлер в воззвании к членам своей партии подчеркнул, что в Германии осуществилась «национальная революция». Позже в Мюнхене он сделал вывод, что «произошла невиданная еще унификация политической жизни»⁸. К концу июня — началу июля 1933 года со всеми партиями и профсоюзами было покончено. «Унификацией» по закону от 14 июля 1933 года политическая жизнь в Германии была приведена в строгое соответствие — в систе-

му, по которой деятельность всех партий, кроме НСДАП, была запрещена⁹. Наряду с этим после заключения 20 июля конкордата между Ватиканом и гитлеровским правительством аппарату духовенства запрещалось участвовать в политической деятельности, а назначать епископов и архиепископов разрешалось только с санкции правительства¹⁰.

Теперь перед диктаторским режимом открывались широкие возможности в деле реализации глобальной перспективы континентального строительства германского европейского дома в соответствии с концепцией Карла Хаусхофера по созданию «нового порядка» между мировыми державами.

В начале 1934 года по возвращении в Берлин из Берхтесгадена Гитлер в беседе с главой сената г. Данцига Германом Раушнинггом заявил, что немецкий народ «не может ограничивать себя ни на западе, ни на востоке, так как Германия должна стать колониальной державой... хотя бы одного уровня с Англией»¹¹. Еще до прихода Гитлера к власти истинные цели его перспектив ошеломляюще поразили Раушнингга: «Германия, как она есть сейчас, не является биологически завершённой. Германия обретет завершённость лишь тогда, когда Европа станет Германией»¹². Относительно планов войны против СССР Гитлер заявлял: «Но если я

ХРОНОГРАФ

1 сентября 1939 года Верховный Совет СССР принял Закон «О всеобщей воинской обязанности». Закон закреплял переход к кадровой системе комплектования Вооружённых сил, устанавливал два призывных возраста: для работников народного хозяйства — 19 лет, для выпускников средних учебных заведений — 18 лет; срок службы: в сухопутных войсках, авиации, береговой обороне и пограничных войсках — 4 года, на кораблях и частях ВМФ — 5 лет.

1 сентября 1942 года началась Моздок-Малгобекская оборонительная операция Северной группы войск Закавказского фронта, целью которой являлись отражение наступления немецко-фашистских войск на моздок-малгобекском направлении и срыв их попытки прорваться к нефтяным районам Кавказа (часть Северо-Кавказской операции 1942 г.). Немецко-фашистские войска имели задачу прорвать оборону советских войск на Тереке, развить наступление по долине Алхан-Чурт на Грозный, Махачкалу, Баку и к 25 сентября захватить Грозненский и Бакинский нефтяные районы. Главный удар наносился на моздок-малгобекском направлении силами 2 танковых и 2 пехотных дивизий; на прохладненско-нальчикском направлении действовали немецкие танковые и румынские горно-стрелковые дивизии. С воздуха их поддерживала часть сил 4-го воздушного флота. К началу операции Северная группа войск (гене-

рал-лейтенант И.И. Масленников) включала в себя 44, 9, 37 и 58-ю армии, 11 гв. стрелковый корпус, 4-ю воздушную армию и занимала оборону по рекам Терек, Баксан, прикрывая направления на Орджоникидзе (Владикавказ) и Грозный. На моздок-малгобекском направлении на фронте протяжённостью 102 км оборонялась 9-я армия (генерал-майор К.А. Коротеев). Справа от нее по Тереку, вплоть до его устья, занимала оборону 44-я армия (генерал-майор И.Е. Петров), а слева — 37-я армия (генерал-майор П.М. Козлов), которая оборонялась на правом берегу Баксана. 58-я армия (генерал-майор В.А. Хоменко) завершала формирование, составляя 2-й эшелон Северной группы войск. Общее соотношение сил и средств, кроме танков, было в пользу советских войск, но противник сумел скрытно сосредоточить на моздок-малгобекском направлении в полосе 10 км 4 дивизии, 684 орудия и миномета, 191 танк, которым противостояли лишь 1 стрелковая дивизия и 2 стрелковые бригады, 237 орудий и минометов, 45 танков. 2 сентября главные силы немецкой 1-й танковой армии нанесли внезапный удар, форсировали Терек, захватили плацдарм и 4 сентября вклинились в оборону советских войск на глубину до 12 км с целью развить дальнейшее наступление. Однако замысел врага был сорван стойкостью частей 11-го гвардейского стрелкового корпуса.

Усилиями выдвинутых из глубины резервов противник был сначала остановлен, а 7 сентября отброшен на 9 км к северу. Однако захваченный им плацдарм ликвидировать не удалось. К утру 12 сентября противник скрытно переправил на южный берег Терека 13-ю тан-

Все даты приведены по новому стилю.

достигну своих целей на западе, я круто изменю свой курс и нападую на Россию... Только нам дано превратить континент в единое пространство, где будем повелевать мы и только мы, безо всяких соглашений с Москвой»¹³.

Чтобы не допустить помыслов населения о прежних республиканских идеалах, в гитлеровской Германии была создана мощная машина подавления и насилия в лице Главного имперского управления государственной безопасности. В его состав входили Государственная тайная полиция («Gehime Staatspolizei»), отряды СС («Schutzstaffel») и СА («Sturmabteilung») и концентрационные лагеря, предназначенные для «искоренения политических противников и обращения антисоциальных элементов общества в полезных его членов»¹⁴. До начала Второй мировой войны были созданы Дахау (Мюнхен), Бухенвальд (Веймар), Заксенхаузен (Берлин), Равенсбрюк (Фюрстенберг) и другие концентрационные лагеря. Через их ворота с кощунственными надписями: «Arbeit macht Frei» («Работа делает свободным») и «Jedem das Sein» («Каждому — свое») прошли «для перевоспитания» в 1934—1939 гг. около 200 тыс. заключенных из числа немецких и австрийских граждан¹⁵.

Создав мощный военно-политический аппарат и эффективную систему пропагандистского обеспечения своей политики, унифицировав политическую жизнь, гит-

леровский режим смог приступить к реализации своих планов как внутри страны, так и вне ее. Новая власть решительно порвала с Версальскими обязательствами, которые существенно ограничивали развитие военной промышленности, строительство современных вооруженных сил, и приступило к разработке и реализации программы нового территориального передела в Европе и мирового колониального хозяйства. Особую роль в ее выработке играли три группы монополистических объединений: а) 63 плантационные, колониальные и колониальные торговые общества, в том числе и наиболее представительные из них, такие, как «Deutsch-Ostafrikanische Gesellschaft» («Германо-восточноафриканское общество»); «Togo-Gesellschaft» («Общество Того»); «Westafrikanische — Pflanzungsgesellschaft AG» («Западноафриканское плантационное общество АГ») и др.; б) крупнейшие германские пароходные компании «Wörmann — Linie», «Deutsch — Ostafrikanische — Linie» и ганзейские торговые фирмы «Hamburg — Südamerikanische Dampfschiffahrtsgesellschaft», «Deutsche Handels—und Plantagengesellschaft», «Überseeholz-Syndikat»; в) «Deutsche Bank», который не только прямо и опосредованно участвовал в руководстве правлений большинства колониальных обществ, но и способствовал укреплению их связей с веду-

щими монополистическими объединениями страны, такими, как «ИГ-Фарбен», «Маннесман», «Сименс», «Крупп» и др. Именно эти концерны, участвовавшие в поддержке НСДАП еще до прихода ее к власти, теперь уже в новых условиях фашистской диктатуры стали непосредственными участниками обширной военно-экономической программы гитлеризма по созданию современной военной экономики и мощных вооруженных сил¹⁶. «Deutsche Bank» и тесно сотрудничавшие с ним монополистические объединения и колониальные союзы стремились с помощью своих представителей в правительстве и руководстве нацистской партии (Германа Геринга, Константина фон Нойрата, Йохима фон Риббентропа и других) склонить руководство страны к решению задач по немедленному возврату отнятых у Германии Версалем территорий в Европе и Заморье¹⁷.

В решении этого вопроса особую роль сыграли такие влиятельные деятели германского колониального движения, как Курт Вейгельт, Фриц Тиссен, Альберт Фёглер, Теодор Зейц, Генрих Шнее, Франц Риттер фон Эпп и др. Еще с 1932 года в списках Почетного комитета Немецкого колониального союза наряду с заслуженными ветеранами германского колониального движения были и Ф. Тиссен и А. Фёглер, т.е. именно те, кто способствовал приходу Гитлера к власти¹⁸.

ковую дивизию, части которой во взаимодействии с 370-й пехотной дивизией нанесли удар в стык 9-й и 37-й армий, захватили Малгобек (Зап.), преодолели Терский хребет, овладели Нижним Курлом и Верхним Курлом. 14 сентября к исходу дня части 11-го гвардейского стрелкового корпуса и 151-й стрелковой дивизии остановили вражескую ударную группировку. В результате ряда контрударов, нанесенных ограниченными силами войск 9-й и 37-й армий, удалось лишь потеснить наступавшего противника на 4—8 км. 19 сентября немецко-фашистские войска нанесли удар на Эльхотово, 24 сентября захватили Плановское, Илларионовку, а 27 сентября Эльхотово. Стойкое и неуклонно возрастающее сопротивление советских войск, а также большие потери, понесенные вражескими войсками, заставили немецко-фашистское командование 28 сентября отказаться от дальнейшего наступления и перейти к обороне. В результате операции план противника по прорыву к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам через долину Алхан-Чурт был сорван, и он перенес усилия на нальчикско-орджоникидзевское направление.

2 сентября 1933 года состоялось подписание договора о дружбе, ненападении и нейтралитете между СССР и Италией.

3 сентября 1914 года во время Первой мировой войны русские войска Юго-Западного фронта (генерал от артиллерии Н.И. Иванов) в ходе Галицийской битвы взяли г. Львов.

4 сентября 1914 года в соответствии с приказом Верховного главнокомандующего из гражданского лет-

но-технического состава школы Всероссийского аэроклуба был сформирован Особый авиационный отряд под командованием организатора школы морского летчика старшего лейтенанта Н.А. Ялука. Отряд был направлен на Северо-Западный фронт (г. Варшава) для обеспечения воздушного прикрытия города от налетов германской авиации и борьбы с ней. 15 мая 1915 года он был переименован в 34-й корпусной авиационный отряд.

12 сентября 1944 года командование Красной армии организовало операцию по оказанию помощи оставшим варшавянам. С 282 самолетов было сброшено продовольствие, 180 тыс. патронов, 1200 гранат и несколько сот автоматов.

14 сентября 1944 года началась Прибалтийская стратегическая наступательная операция войск Ленинградского (Маршал Советского Союза Л.А. Говоров), 3-го Прибалтийского (генерал армии И.И. Масленников), 2-го Прибалтийского (генерал армии А.И. Еременко), 1-го Прибалтийского (генерал армии И.Х. Баграмян) и части сил 3-го Белорусского (генерал армии И.Д. Черняховский) фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом (адмирал В.Ф. Трибуц). Операция завершилась 24 ноября. В ходе ее была разгромлена 700-тысячная группировка противника и освобождена вся Прибалтика, кроме Курляндии, где были заблокированы 33 немецкие дивизии.

15 сентября 1944 года войска 3-го Украинского фронта (Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин) по согласованию с болгарским правительством Отечественного фронта вступили в столицу Болгарии Софию.

Однако в военном отношении нацистское государство еще не окрепло. Не могло быть и речи об открытом провозглашении военно-колониальных целей политики, изложенных Гитлером еще в 1927 году во второй части «Mein Kampf» — «National-sozialistische Bewegung» («Национал-социалистическое движение»), — вновь вернуть отторгнутые территории силой оружия¹⁹.

Вместе с тем немецкие колониальные круги торопили события, о чем свидетельствуют действия одного из руководителей «Deutsche Bank» Курта Вейгеля. Он в своих меморандумах на имя Гитлера от 23 октября 1933 года и 14 марта 1934 года пытался убедить фюрера в том, что час решительной колониальной политики пробил и пора включиться в активную борьбу по возврату потерянных германских протекторатов²⁰.

Стремление вернуться в колонии объясняется тем, что на этом настаивали сотрудничавшие с «Deutsche Bank» колониальные общества и союзы, которые, реорганизовавшись, развернули в новых условиях массовую колониальную пропаганду. Впоследствии в июле 1936 года в рамках колониально-хозяйственной палаты произошло объединение ряда колониальных монополий и компаний в Германскую группу колониально-хозяйственных представителей (Деко), во главе с К. Вейгелем²¹.

10 июня 1933 года образова-

лась новая организация — Reichskolonialbund («Имперский колониальный союз»), имевший в своем составе Deutsche Kolonialgesellschaft («Германское колониальное общество»), Kolonialkriegerbund («Лигу бывших колониальных фронтовиков»), Kolonialkriegerdank («Общество помощи бывшим колониальным военнослужащим»), Frauenbund der Deutschen Kolonialgesellschaft («Женский союз Германского колониального общества»), Kolonial-wirtschaftliche Komitee («Комитет колониальной экономики») и др.²²

Стартовая отмашка для развертывания колониального психоза в стране была дана в 1935 году, когда руководство нацистской партии 5 мая в Мюнхене создало Колониально-политическое управление во главе с председателем Лиги бывших колониальных фронтовиков, руководителем Военно-политического управления НСДАП (1933—1934 г.) генералом Францем Ксавером Риттером фон Эппом²³.

25 ноября того же года фюрер прямо заявил, что в соответствии «с мирным планом германского правительства по возврату колоний» бывшие германские протектораты должны быть возвращены²⁴. Поэтому весна 1936 года ознаменовалась новым всплеском активности массовой пропагандистской работы по колониальному вопросу²⁵. 12 мая в своем обращении к вновь созданному Имперскому колониальному сою-

зу Гитлер поставил задачу, чтобы «партия и правительство на основе национал-социалистического мировоззрения охватили колониальными идеями весь немецкий народ»²⁶.

«Имперский колониальный союз» заметно влиял на политическую и духовную жизнь немецкого общества. Он имел свои собственные издательства, выпускавшие массовыми тиражами газеты и журналы, брошюры, учебники, выставки-плакаты и другую литературу колониального направления. Под непосредственным патронажем этого союза огромными тиражами издавались Deutscher Kolonialdienst («Немецкая колониальная служба»), Deutsche Kolonialzeitung («Немецкая колониальная газета»), Kolonialkampf («Колониальная борьба»), Tropenpflanzen («Тропическое растениеводство»), Korrespondenz des Reichskolonialbundes («Корреспонденция Имперского колониального союза»), Die Frau und die Kolonien («Женщина и колонии»), Die Kolonien und Heim («Колонии и дом») и другие²⁷.

В целом активная пропагандистская работа в области колониального вопроса принесла свои плоды. В августе 1936 года число членов «Имперского колониального союза» достигло миллионной отметки²⁸.

Изменения произошли также и в системе образования. Например, книга бывшего директора Гамбургского колониального институ-

ХРОНОГРАФ

16—24 сентября 1964 года — Всемирный форум молодежи в Москве.

17 сентября 1941 года вышло постановление Государственного Комитета Обороны о всеобщем обязательном обучении граждан СССР военному делу.

18 сентября 1904 года родился П.А. Зайончковский (г. Уральск), военный историк, заслуженный деятель науки РСФСР. На военной службе в 1941—1944 гг. Участник Великой Отечественной войны. В 1944—1952 гг. возглавлял отдел рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. Затем занимался преподавательской работой. Основные труды — по истории внутренней и внешней политики России в XIX веке, русской военной истории конца XIX века. Под его редакцией вышли научные издания дневников военного министра Д.А. Милютина и министра внутренних дел П.А. Валюева. Доктор исторических наук. Умер 30 сентября 1983 г.

18 сентября 1909 года родился П.И. Ивашутин (г. Брест-Литовск), генерал армии (1971 г.), Герой Советского Союза (1985 г.), участник советско-финляндской 1939—1940 гг. и Великой Отечественной войн. После войны проходил службу в органах госбезопасности, занимал различные должности в центральном аппарате МО СССР. В 1963—1987 гг. — начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР. В 1987—1992 гг. — в Группе генеральных инспекторов. Умер 5 июня 2002 года.

18 сентября 1934 года — вступление СССР в Лигу Наций.

18 сентября 1941 года приказом наркома обороны в соответствии с решением Ставки Верховного Главнокомандования переименованы 100, 127, 153 и 161-я стрелковые дивизии в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские.

20 сентября 1854 года во время Крымской войны 1853—1856 гг. на р. Альме в Крыму состоялась сражение между русскими войсками (около 34 тыс. человек при 96 орудиях, адмирал А.С. Меншиков) и соединенными силами французов, англичан и турок (55 тыс. человек и 120 орудий, маршал А.-Ж. Сент-Арно и генерал Ф. Раглан). Несмотря на ожесточенное сопротивление, русские войска, вооруженные гладкоствольным оружием, не смогли сдержать натиск превосходящих сил противника и были вынуждены отойти к Севастополю.

20 сентября 1947 года учреждена медаль «В память 800-летия Москвы».

22 сентября 1944 года войска Ленинградского фронта (Маршал Советского Союза Л.А. Говоров) при поддержке Балтийского флота (адмирал В.Ф. Трибуц) освободили столицу Эстонии Таллин. В числе первых в город вступили воины 8-го стрелкового Эстонского корпуса.

27 сентября 1944 года началась Моонзундская десантная операция, проведенная войсками Ленинградского фронта и Балтийского флота с целью освободить Моонзундский архипелаг и завершить освобождение Эстонии (часть стратегической Прибалтийской операции 1944 г.).

На Моонзундских островах оборонялись немецкая 23-я пехотная дивизия, 4 охранных батальона

та Ганса Гримма «Volks ohne Raum» («Народ без пространства») с 1933 года стала обязательной в школьной программе. По мнению министра народного просвещения и пропаганды Геббельса, отвечавшего, как говорил А. Гитлер, «за все задачи духовного воздействия на нацию и культуру», Г. Гримм являлся пророком, который в литературной форме предрекал неминуемую гибель Германии в случае отказа от захвата чужих территорий, необходимых для выживания арийской расы²⁹. Все ограничения по запрету колониальной пропаганды в школе, введенные во времена Веймарской республики, были сняты. Преподавателям различных предметов вменялось в обязанность на занятиях выполнять директивы руководства НСДАП по доведению до сведения школьников примеров «героической колониальной жизни», «национальной чести», подвигов при освоении Заможья и в ходе защиты германских протекторатов в годы минувшей мировой войны³⁰.

Наряду с этим в немецких школах проводились конференции, встречи с ветеранами колониального движения, выставки колониальных брошюр, листовок и плакатов. Так, в Берлине в течение двух месяцев (16 апреля — 15 июня 1935 г.) было проведено 25 школьных конференций с общим лейтмотивом: «Отнятые ко-

лонии подлежат возврату»³¹. Однако главным направлением в народном образовании нового режима было формирование сильных телом и духом будущих исполнителей колониальной политики гитлеризма. Нацистское руководство стремилось объединить всю молодежь во всеобщее нацистское движение. В этих целях оно создает стройную систему подготовки молодежного резерва НСДАП. Декретом от 1 декабря 1936 года была учреждена молодежная организация военизированного типа во главе с рейхсюгендфюрером Бальдуном фон Ширахом — руководителем Национал-социалистического немецкого студенческого союза, подчиненного непосредственно фюреру рейха. В 1938 году эта организация охватывала около 60 проц. всей германской молодежи.

НСДАП не выпускало из своих рук рычаги воздействия на юношей и девушек и после занятий, тем более в дни школьных каникул. Для этого с декабря 1936 года действовала организация военизированного типа «юных помощников Гитлера» в возрасте от 10 до 18 лет («Hitlerjugend») ³². Ежегодно 15 марта каждый ребенок, достигший 10-летнего возраста, был обязан зарегистрироваться в штаб-квартире этой организации по месту жительства и после проверки на «расовую чистоту» в торжественной обстанов-

ке 20 апреля, в день рождения фюрера, принимался в ряды «гитлеровской молодежи». В младшую группу организации входили мальчики (Deutsche Jungvolk — «Немецкая молодежь») и девочки (Jungmädelbund — «Союз девочек») от 10 до 14 лет, а в старшую — юноши (Hitlerjugend — «Гитлеровская молодежь») до 18 лет и девушки (Bund Deutscher Mädel — «Союз немецких девушек») до 17 лет. Для молодежи организовывались кружки по интересам, спортивные соревнования, туристические походы, путешествия на родину Гитлера в Браунау, поездки на международные форумы молодежного фашистского движения в Италию и другие страны с таким расчетом, чтобы у каждого не оставалось ни минуты свободного времени³³.

С 1 марта 1933 года для молодежи была введена обязательная «добровольческая» трудовая повинность. Юноши с 19 лет направлялись на полгода в трудовые лагеря для овладения определенной специальностью под руководством офицеров и унтер-офицеров, имевших фронтовой опыт³⁴. Затем они призывались на два — три года на военную службу в армию или на флот (16 марта 1935 г. была введена всеобщая воинская повинность)³⁵.

Поскольку девушки выросли раньше, они с 17 лет могли стать членами организации по подготовке к замужеству и навыкам по-

(11,5 тыс. человек) и 10 дивизионов артиллерии, поддержку войск осуществляли силы немецкого флота и 30 самолетов. С советской стороны к операции привлекались 109-й и 8-й Эстонский стрелковые корпуса 8-й армии, а от БФ — 92 различных катера, 40 тендеров, а также 260-я отдельная бригада морской пехоты, 2 штурмовые авиационные дивизии 13 ВА и авиация Балтийского флота. Руководство сухопутными силами было возложено на командующего 8-й армией генерал-лейтенанта Ф.Н. Старикова, морскими силами — на контр-адмирала И.Г. Святова. Замыслом операции предусматривался последовательный захват островов с нанесением главного удара на о. Сарема (Сааремаа), где находились основные силы противника. 27 сентября батальон морской пехоты и части 131 сд 8-й армии овладели о. Вормси, 29 сентября на о. Муху в Куйвасту высажен передовой отряд десанта (1150 человек). 5 октября части 8-го стрелкового корпуса овладели Ориссарской дамбой, соединяющей острова Муху и Сарема. В тот же день неожиданно для противника на 8 торпедных катерах был высажен десант в районе Талику (в северной части о. Сарема). Советские войска развернули стремительное наступление и к утру 10 октября подошли к основному рубежу обороны противника на полуострове Сырве, который являлся ключом к Рижскому заливу. Попытки с ходу прорвать глубокоэшелонированную оборону неприятеля 10—14 октября успехом не увенчались. С моря вражеский гарнизон острова поддерживали крейсера, эсминцы, миноносцы и авиация, а из порта Рига в район гавани Курессаре пе-

ребрасывались войска усиления, в то время как корабли БФ не могли оказывать значительной помощи сухопутным войскам из-за большой минной опасности. Борьба на полуострове Сырве приняла позиционный характер. Для наращивания сил и темпа наступления на о. Сарема перебрасывалось не менее 3 стрелковых дивизий, усиленных артиллерией и танками, а также дальнобойная артиллерия. Только 18 ноября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки советские войска прорвали оборону противника и начали развивать успех. 24 ноября о. Сарема был полностью очищен от противника. Враг потерял до 7000 убитыми и около 500 человек пленными, всё вооружение и боевую технику. В результате действий кораблей и артиллерии БФ были потоплены и повреждены 11 кораблей противника. Авиация БФ произвела свыше 2300 самолетовылетов, потопила 11 транспортов и судов, повредила 30 кораблей и судов.

Освобождение Моонзундского архипелага имело важное значение: завершилось освобождение территории Эстонии от немецко-фашистских войск; корабли БФ могли контролировать Финский и Рижский заливы, в результате чего создавалась непосредственная угроза левому флангу немецко-фашистских войск.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ
(Москва)*

ведению домашнего хозяйства — Glaube und Schönheit («Вера и красота»)»³⁶.

Необходимо отметить, что к концу 1933 года в гитлерюгенде насчитывалось 2,3 млн., в 1934-м — около 3,6 млн., 1936-м — 5,4 млн. человек³⁷.

На сознание рабочих (в том числе и рабочей молодежи), которые были заняты на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве воздействовал Германский трудовой фронт, председателем которого был назначен по личной инициативе Гитлера заведующим организационным отделом НСДАП рейхслейтер Роберт Лей. Ранее действовавшие профсоюзы были закрыты (2 мая 1933 г.), на следующий день после празднования нового первомайского праздника «Дня национального труда». Р. Лей был также автором создания организации «Сила в радости», занимавшейся организацией отдыха и досуга рабочих и трудящейся молодежи³⁸.

Не отставали в этом вопросе и высшие учебные заведения фашистской Германии. Если в 1934/35 учебном году в 23 университетах и 13 высших школах читалось 265 курсов, посвященных колониальной тематике, то уже через год их количество достигло 341³⁹.

«Научный подход» в области преподавания проблем колонизации позволил уже в зимнем семестре 1935/36 учебного года начать подготовку колониальных специалистов по тропической медицине, биологии, геологии, этнографии, юриспруденции и другим специальностям в 31 учебном заведении (университеты, технические институты, торговые школы)⁴⁰.

Фашистский режим осуществлял конкретную подготовку специалистов колониальной службы не только на колониальных отделениях германских университетов, но и в 9 специализированных учебных заведениях, которые готовили кадры будущей колониальной администрации, врачей, переводчиков, экономистов, географов и других специалистов⁴¹. Довольно известными среди них были Колониальная школа в Витценхаузене на Верре, Колониальная женская школа в Рендсбурге, Германский иностранный институт в Штутгарте, Колониальный дом молодежи в Вуппертале и Школа имперского колониального союза в Биттерфельде⁴².

В мае 1938 года Колониальный

союз рейха устроил обсуждения рефератов по темам: «Бремен — исторический колониальный город», «Изменения в международно-правовом мышлении и их значение для колониального вопроса», «Правовые формы управления туземцами в Африке», «Об экономической необходимости колониальных владений для немецкого государства», «Внешнегерманское пространство как военный фактор» и другим⁴³. Колониальная подготовка проводилась в крупнейших научных и административных центрах страны — Берлине (48 курсов), Гамбурге (46 курсов), Лейпциге (32 курса), Тюбингене (24 курса)⁴⁴.

Для возрождения у рядового обывателя «колониального патриотизма» и высокого чувства долга в деле расширения «жизненного пространства» для любимого фатерланда предназначались красочные произведения К.Г. Йохансена, М.-Р. Мотеса, П. Риттера, Н. Рорбаха, Э. Рудольфа, И. Штайнхофа, Р. Эппа и др.⁴⁵ Они знакомили читателей с географическими открытиями и подвигами немецких первооткрывателей Заморья, образованием, становлением и функционированием немецких протекторатов, «прекрасным временем цивилизованной» германской колонизации. Особым ореолом доблести и славы, гордости и почета у немецкого народа были окружены Пауль фон Леттов-Форбек, Генрих фон Шнее, Франц фон Эпп и многие другие колониальные деятели прошлого. К. Петерса объявили величайшим пионером германской колонизации и наставником немецкой нации⁴⁶. Если кайзер в 1905 году специальным Указом о помиловании вернул ему звание рейхскомиссар в отставке, то в 1937 году в 20-летнюю годовщину его кончины Гитлер пошел дальше и особым актом отменил «герою» все прежние судебные наказания за геноцид африканского населения⁴⁷. К тому же Имперское ведомство поощрения немецких литераторов в циркуляре от 10 января 1938 года отмечало, что К. Петерс «еще 50 лет назад близко подошел к образу мыслей третьей империи» (в тяжелые для режима 1943 и 1944 гг., когда стратегическая инициатива полностью перешла в руки советского командования, было издано полное собрание сочинений этого автора с целью популяризации его заслуг в

деле германской колонизации Африки)⁴⁸.

В конце 30-х годов XX века на книжных прилавках магазинов и киосков в изобилии появились книги и периодические издания о бывших колониях Германии, самоотверженной работе в условиях чужеземного оккупационного режима всех возрастных категорий немецких колонистов, такие, как «Африка говорит тебе...» П. фон Риттера, «Когда долгожданные немцы вернутся вновь? Одно путешествие по нашим колониям в Африке» С. Дингрейтера, «Книга о немецких колониях» Э.Л. Крамера и т.д., а также газеты и журналы с усиливающими их воздействие многочисленными статьями, о современном положении бывших германских колоний, деятельности гитлерюгенда, женских союзов и других фашистских организаций немецких колонистов в Африке⁴⁹.

Маховик колониально-пропагандистского воздействия на немецкое население раскручивался все сильнее и сильнее. В журнале («Kolonialpost») за сентябрь 1935 года член правления Deutsche Kolonialgesellschaft («Германского колониального общества») Эрнст Якоб познакомил читателей с «десятью заповедями колониального пропагандиста», наиболее впечатляющей из которых был целенаправленный призыв к немецкому населению: «Вперед на великую колониальную мобилизацию, на битвы за колониальную Германию!»⁵⁰, а в статье Коллина Росса в газете «Münchener neueste Nachrichten» («Мюнхенские новые известия») от 15 июля 1936 года уже констатировалось, что «мы присутствуем... в начале нового передела мира и пересмотра взаимоотношений между державами и континентами, передела, подобного которому до настоящего времени нельзя было себе представить»⁵¹.

Колониальная тема не сходила с полос газет, общий тираж которых весной 1937 года составлял 16 650 000 экземпляров⁵². Ее квинтэссенцией был призыв к каждому немцу сделать все необходимое для приобретения дополнительного «жизненного пространства», дающего возможность полностью решить проблемы обеспечения страны необходимыми сырьевыми ресурсами и позволяющего не только расселить «избыточное немецкое население»⁵³, но и решить проблему

безработицы. После возвращения протекторов в «лоно фатерланда» предполагалось переселить в них около 2 млн. немецких граждан, в том числе 5 млн. в Камерун и Того, 7,2 млн. в Танганьики и 9,6 млн. в Юго-Западную Африку⁵⁴.

Киноиндустрия страны в тот период отводила значительную часть кинопрокатного времени показу документальных и художественных фильмов на колониальную тему. По мнению «Deutsche Kolonialzeitung» («Немецкая колониальная газета»), «первым большим и примечательным немецким колониальным фильмом», вышедшим на экраны страны в 1934 году, был «Всадник из Восточной Африки»⁵⁵. В 1939 году «национального героя» в деле покорения Африки К. Петерса прославлял кинофильм «Немецкая земля в Африке»⁵⁶.

С 1935 года во многих городах Германии начали проводиться внеочередные заседания Имперского колониального союза, ежегодные общегерманские колониальные съезды.

Характерно, что 1935 год в Германии был отмечен большим числом манифестаций и ярмарок в Фрибурге, Дюссельдорфе, Ганновере, утверждающих колониальные притязания режима. В августе в Кёнигсберге доктор Ялмар Шахт лично открыл специальную секцию, посвященную практике колонизации в довоенное время⁵⁷.

На состоявшемся в Берлине 19 мая 1936 года внеочередном общем собрании Имперского колониального союза его президент Генрих Шнее, отмечая заслуги нацистской партии и ее руководства в области колониальной политики, подчеркнул, что «без контакта с партией сами колониальные союзы не могли бы своими силами создать такое обширное колониальное движение»⁵⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подсчитано по: *Майский И.М.* От Пруссии к Средней Европе. Пг.: Четвертая гос. типография, 1918. С. 73.

² Германская история в новое и новейшее время. В 2 т. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 184.

³ Всемирная история. Даты и события / Пер. с нем.; Под ред. В.Г. Васина. М.: Международные отношения, 1968. С. 50.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ *Гейден К.* История германского фашизма / Пер. с нем. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 314.

⁶ Германская история в новое и... С. 185—188.

⁷ Подсчитано по: *Гейден К.* Указ. соч. С. 316—317.

⁸ Там же. С. 310—311.

⁹ Германская история в новое и... С. 184.

¹⁰ Там же. С. 190.

¹¹ *Раушинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: «МИФ», 1993. С. 101.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 109.

¹⁴ Энциклопедия Третьего рейха. М.: ЛОКИД-МИФ, 1996. С. 263.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Groehler O.* Kolonialforderungen als Teil der faschistischen Kriegszielplanung // *Zeitschrift für Militärgeschichte.* Berlin, 1965. Nr. 5. S. 549.

¹⁷ *Jbid.*

¹⁸ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie und zweiter Weltkrieg. Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 32.

¹⁹ *Гитлер А.* Моя борьба / Пер. с нем. М.: «Витязь», 2002. С. 531.

²⁰ *Groehler O.* Kolonialforderungen als Teil... S. 549—550.

²¹ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... S. 32.

²² *Заменгоф М.* Колониальные притязания германского фашизма в Африке. М.: Госсозэкгиз, 1937. С. 8.

²³ Там же. С. 9; *Залесский К.А.* Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство АСТРЕЛЬ», 2002. С. 811—812.

²⁴ *Reuderdorf M.* Deutsche Kolonialpioniere in Afrika. Leipzig: Friedrich Brandstetter, 1938. S. 31—32.

²⁵ *Лом Г.* Вторжение в Восточную Африку / Пер. с нем. М.: Наука, 1971. С. 101.

²⁶ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... S. 105.

²⁷ *Jbid.*

²⁸ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... S. 105.

²⁹ *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 172, 246—248.

³⁰ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... S. 107—108.

³¹ *Заменгоф М.* Указ. соч. С. 9.

³² Энциклопедия Третьего рейха... С. 183.

³³ Там же. С. 184—185.

³⁴ *Кульбакин В.Д.* Германия 1918—1939 гг. М.: ВПШ при ЦК КПСС, 1950. С. 66—67.

³⁵ Там же. С. 68.

³⁶ Энциклопедия Третьего рейха... С. 184—185, 429—430.

³⁷ *Klose W.* Generation in Gleichschritt. Hamburg, 1964. S. 272.

³⁸ Энциклопедия Третьего рейха... С. 555.

³⁹ *Заменгоф М.* Указ. соч. С. 10.

⁴⁰ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... S. 109.

⁴¹ *Заменгоф М.* Указ соч. С. 9.

⁴² *Лом Г.* Указ соч. С. 189.

⁴³ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... S. 109.

⁴⁴ *Заменгоф М.* Указ. соч. С. 10.

⁴⁵ *Johannsen K.G.* Das Kolonialproblem Deutschland. Hamburg; Paul Härtung, 1957. 85 S.; *Mothes M. R.* Kampf um Deutsche Kolonien. Dresden: Wondi & Lindecke, 1939. 487 S.; *Ritter P.* Der Kampf um den Erdrum. Kolonien vom Altertum bis tztz Gegenwart. Leipzig: Reclam, 1935. 582 S.; *Rohrbach P.* Das Deutschtum über See. Karlsruhe: Schille, 1931. 360 S. *Rudolf E.* Unsere Kolonien. Wie wir unsere Kolonien erwarten. Wie wir ihren Reichtum erschlossen. Was sie heute für Deutsche bedeuten. Leipzig: Hase & Kohler, 1938. 207 S.; *Steinhoff I.* Deutsche Heimat in Afrika. Ein Bildbuch aus unseren Kolonien. Berlin: Limpert, 1959. 80 gez. Bl.; *Epp R.* The colonial problem. London: Butterworth, 1939. 21 p.

⁴⁶ *Лом Г.* Указ. соч. С. 21

⁴⁷ Там же. С. 20—21.

⁴⁸ Там же. С. 21.

⁴⁹ Afrika spricht zu dir: Selbsterlebnisse deutscher Kolonialpioniere unt. Mitarb. Von A. Fischer u. a. /Hrsg. Von P. Ritter. Mühlhausen/Thür.: Paul, 1938. 279 S.; *Dingreiter S.* Wann kommen die Deutschen endlich wieder? Eine Reise durch unsere Kolonien in Afrika. Leipzig: Koehler & Amelang, 1955. 216 S.; Das buch der deutschen Kolonien / Hrsg. Unter Mitarbreit der Gouverneure von Deutsch-Ostafrika von H. Schnee. Leipzig: Goldmann, 1937. 367 S.; *Cramer E.L.* Wir kommen wieder: Ein deutsches Afrikabuch. Potsdam: Rütter & Loening, 1939. 253 S.; *Zwilling E.A.* Unvergessenes Kamerun. Zehn Jahre Wanderungen und Jagden 1928—1938. Berlin: Parey, 1940. 384 S.

⁵⁰ *Заменгоф М.* Указ соч. С. 18—19.

⁵¹ Там же. С. 19.

⁵² *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... С. 113.

⁵³ *Kuntze P.H.* Das neue Volksbuch der Kolonien. Leipzig: Dollheimer, 1942. S. 123—139, 222—226.

⁵⁴ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... S. 45.

⁵⁵ Deutsche Kolonizeitung. Berlin. 1934. Nr. 11. S. 239.

⁵⁶ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... S. 117.

⁵⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7к. Оп. 1. Д. 91. Л. 357.

⁵⁸ *Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie... S. 180—181.

**Полковник в отставке
С.В. ФОКИН,
кандидат исторических наук,
доцент
(Москва)**

(Окончание следует)

ТАК СОЗДАВАЛОСЬ РАКЕТНО-ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

НАЧИНАЯ с 1953 года по роду службы мне пришлось на отдельных этапах участвовать в испытаниях ракетной техники, осуществляемых под руководством генерального конструктора Сергея Павловича Королёва, в то время практически единственного ведущего разработчика ракетных систем, а несколько позднее заниматься испытаниями ядерного оружия и непосредственной его эксплуатацией. В послевоенный период работа по развитию ракетного вооружения сконцентрировалась в основном на двух самых наукоемких и высокотехнологичных направлениях: разработке баллистических управляемых ракет и атомного заряда для них. Завершающий этап испытаний состоялся в феврале 1956 года в ходе успешного пуска ядерного заряда ракетой Р-5М¹. В результате испытаний, осуществленных впервые не только в СССР, но и в мире, родилось новое ракетно-ядерное оружие.

В то время я служил на полигоне Капустин Яр в должности старшего инженера. Поскольку у меня уже имелся определенный опыт подготовки головных частей (ГЧ) ракет к пуску как с испытательной и телеметрической аппаратурой, так и с тротильным наполнением и стыковки этих ГЧ с ракетами, я был допущен (единственным представителем от полигона) к работе со сборочной бригадой прибывших из Арзамаса-16 гражданских специалистов по подготовке ГЧ с ядерным зарядом. Подготовительные работы велись на предварительно оборудованном специальном объекте в 3 км от стартовой площадки. Объект состоял из нескольких зданий, где выполнялась сборка, проверка и подготовка отдельных систем и узлов заряда. Территория объекта была ограждена высоким бетонным забором, охрана осуществлялась специально доставленным на полигон подразделением КГБ. Подготовленная и собранная ГЧ из сборочного зала на специальной стыковочной изо-термической машине доставлялась на стартовую площадку.

Для отработки новых узлов и системы автоматики, необходимой для подрыва ядерного заряда, в процессе испытаний ракеты Р-5М (1955—1956гг.) состоялось около двух десятков пусков².

В мои обязанности в ходе испытаний входили: стыковка стабили-

затора и наконечника с корпусом ГЧ; обмазка стыков теплоустойчивым покрытием для предохранения стального корпуса от потери прочности и разрушения при входе в плотные слои атмосферы; проверка герметичности и системы внутреннего обогрева отсека, в котором размещался заряд; контроль за геометрическими параметрами системы отделения ГЧ от ракеты; установка экрана на стабилизатор для защиты внутренних объемов от теплового воздействия при входе в плотные слои атмосферы; транспортировка ГЧ на стартовую площадку; стыковка разъемов, в том числе и системы аварийного подрыва на траектории; установка шариковых болтов, раскрывающихся по завершении активного участка траектории от специальных толкателей; стыковка ГЧ с ракетой; надевание и съем при необходимости термочехла наружного обогрева.

Здесь надо сделать несколько пояснений. Так, для равномерного обжаривания центральной части заряда применялись специальные капсулы-детонаторы, взрывавшиеся в определенной последовательности от импульса тока высокого напряжения. На одновременность срабатывания капсул был установлен очень жесткий допуск в несколько миллионных долей секунды, что было необходимо для создания сферичности взрывной волны. При входе ракеты в плотные слои атмосферы температура на наконечнике головной части достигала 3000°С, поэтому верхняя часть наконечника была выполнена из графита, увенчанного небольшим конусом из карбида кремния. Система управления ракетой представляла собой два дублирующих друг друга канала, при этом впервые применялась система боковой радиокоррекции.

Большое значение для ядерного заряда имело сохранение и поддержание стабильной температуры и давления как во время полета по траектории, так и при длительном нахождении на стартовой позиции. Дело в том, что перепады температур выше допустимых могли привести к появлению микротрещин в заряде, искажению фронта взрывной волны и значительному снижению мощности ядерного взрыва. При транспортировке ГЧ с ядерным зарядом температурный режим обеспечивался стыковочной машиной, имевшей

В.Д. Кукушкин
1980 г.

для этой цели холодильное и нагревательное устройство. От воздействия высоких температур в полете корпус ГЧ защищал слой толщиной в 10-15 мм из теплоустойчивого минерального покрытия (ТМП-2); впоследствии стали применять асботекстолит³.

Стабилизатор (юбка) ГЧ представлял собой пустой отсек длиной 3600 мм, диаметром 1600 мм. Он должен был обеспечить смещение аэродинамического центра давления за центр тяжести и создать условия для устойчивого полета ГЧ на пассивном участке траектории⁴.

Возможность несанкционированного срабатывания ядерного заряда до пуска исключалась введением в систему автоматики бародатчика, который подключал один полюс источника питания только при прохождении высшей точки траектории, а второй полюс подключался инерционным датчиком при достижении определенных перегрузок во время входа в плотные слои атмосферы; была предусмотрена необходимая защита и в системе управления ракетой⁵.

СЕРГЕЙ Павлович Королёв очень много времени проводил на технической и стартовой площадках. Он лично вникал во все, не обходил вниманием даже случаи мелких сбоев и неполадок, возникавших во время испытаний. Изучив все обстоятельства той или иной ситуации, лично побеседовал с исполнителем, который обнаружил неисправность, Сергей Павлович на месте принимал оперативное решение и требовал быстрой-

**Министр
обороны СССР
Маршал
Советского
Союза
Г.К. Жуков
в рабочем
кабинете
1957 г.**

**С.П. Королев и
М.В. Келдыш**

шего его выполнения. Мне несколько раз приходилось участвовать в таких разборах и отвечать на вопросы генерального конструктора.

С какой большой ответственностью он относился к делу и как скрупулезно оценивал возможные последствия даже, как казалось нам тогда, незначительных мелочей, показывает хотя бы вот такой случай. На технической площадке в монтажном корпусе шла проверка ракеты под заводским номером 001. Работа продолжалась почти круглосуточно в течение нескольких дней. Участвовали в ней практически все конструкторы и представители завода-изготовителя. Параметры проверялись в строгом соответствии с требованиями конструкторской документации, а в случае малейших сомнений перепроверялись. И это несмотря на то, что в заводских условиях уже были испытаны новые двигательные установки для этой ракеты (горючее — спирт-ректификат, окислитель — жидкий кислород) и автономно проверены все ее основные системы. Когда все было проверено и проходили заключительные операции по закрытию люков и отверстий технологическими заглушками и их опломбирование, один из офицеров-исполнителей нашего отдела, устанавливая заглушку на канале выхода парагаза из турбонасосного агрегата (ТНА), обнаружил, что на ней нет одной контргайки. Доклад об этом, пройдя по инстанции, дошел до Сергея Павловича. Было ясно, что если эта злочастная контргайка каким-то образом соскользнула по плавному изогнутому каналу и попала на лопатки (ТНА), после старта ракеты турбина пойдет вразнос и первый пуск завершится крахом. В конечном же счете под угрозой могло оказаться и осуществление проекта в целом.

После тщательного осмотра заглушки и совещания с конструкторами С.П. Королев принимает решение установить ракету в верти-

кальное положение в монтажном корпусе, высота которого позволяла это сделать, и посмотреть, не выпадет ли откуда эта гайка. Поскольку такая нештатная операция в условиях полигона до этого не выполнялась, срочно ночью самолетом с завода доставили соответствующую оснастку и с помощью десятитонного мостового крана приступили к установке ракеты на специальную подставку. Краном поручили управлять мне. При подъеме ракеты специальной «уздечкой» из-за смещения сухого веса первой, а это около 5 т сильного эксцентриситета, в сторону двигательной установки создавалась значительная боковая нагрузка на мостовой кран, что могло привести к скольжению его колес по подкрановым рельсовым путям. Пришлось ставить на пути людей, чтобы они мониторами удерживали кран от перемещения.

Вначале осторожно обстучали корпус в районе турбонасосного агрегата, прислушиваясь, нет ли звуков от выпадающей гайки. Однако было тихо. Затем вручную за хвостовик несколько раз провернули ТНА — тоже никакого эффекта. Тогда сжатым воздухом раскрутили лопатки турбины до больших оборотов. Все вроде бы нормально. И все же, несмотря на жесткие сроки правительственной программы, Сергей Павлович решил не рисковать и отправил ракету № 001 на завод для полной разборки двигательной установки, а к первому пуску приказал готовить ракету № 002, которая после всех проверок благополучно стартовала⁶.

В целом программа испытаний первого ракетного носителя ядерного заряда прошла успешно. Не было ни одного аварийного пуска; удалось достичь требуемых параметров по дальности и отклонению от точки прицеливания, хотя и предстояло еще надежно отработать радиодатчик-высотомер, по

команде которого должен был производиться воздушный взрыв ядерного заряда⁷. Пока же срабатывание ядерного заряда происходило только при встрече ГЧ с преградой по сигналам от контактных и инерционных датчиков, система которых обеспечивала надежное срабатывание автоматики ядерного заряда до разрушения корпуса ГЧ при любом варианте его касания земной поверхности или преграды.

ПАРАЛЛЕЛЬНО с испытаниями летных характеристик ракеты и принципиально новых узлов автоматики ядерного заряда специалисты готовили учебные пособия для личного состава по эксплуатации наземного подъемно-транспортного, испытательного, заправочного и пускового оборудования. Следует отметить, что в ходе испытаний конструкции практически все агрегаты наземного пускового испытательного комплекса претерпели значительную модернизацию.

Мне было поручено подготовить учебное пособие по стыковочной машине. Пришлось вникать в тонкости криогенной техники, изучить холодильную установку, не раз съездить на завод, где производилась эта машина, заказывать кальки, перефотографировать их, переснимать узлы и детали машины, перерабатывать текст по нескольку раз. Впоследствии, работая в войсках, приятно было видеть это хорошо иллюстрированное учебное пособие в руках людей, осваивающих новую технику.

Около 10 лет ракета 8К51 находилась на вооружении и стояла на боевом дежурстве у западных, южных и восточных границ. Потом на смену ей пришли более совершенные мобильные комплексы.

В 1956 году полигон посетил министр обороны Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Готовились мы к встрече основательно, так как были наслышаны о его крутом нраве. Для Г.К. Жукова была подготов-

лена специальная демонстрационная карта, показывающая расстояния, которые были способны преодолевать все три королёвские ракеты (270, 600, 1200 км).

Г.К. Жуков побывал на технической и стартовой площадках, осмотрел технику. В монтажно-испытательном корпусе ему были продемонстрированы генеральные испытания ракеты, во время которых все системы ракеты работают так же, как во время пуска и полета. Испытаниями руководил непосредственно С.П. Королёв. Вот как освещает это событие в своих воспоминаниях Георгий Ильич Иоффе: «Сергей Павлович Королёв обладал необыкновенным чувством предвидения. Это трудно объяснить, но оно помогало ему и нам. Однажды на полигон приехал министр обороны Жуков, я должен был продемонстрировать ему испытание ракеты Р-2 на технической позиции. Мы к этому готовились, провели генеральные испытания... И тут Сергей Павлович Королёв мне вдруг говорит: «Георгий Ильич, а давай-ка повторим генеральные испытания». — «Сергей Павлович, ведь мы проводили их два часа назад». — «Слишком гладко все прошло, я не верю». Повторили генеральные: с отрывом контакта подъема — из приборного отсека пошел дым. Выключили, сняли питание, стали выяснять, в чем дело, — заклинило систему дистанциометрии... Ну что делать? Королёв говорит: «Слушай, отключим систему дистанциометрии, откуда знает Жуков, что она есть на этой ракете, тем более что на «техничке» она не работает? Надо проветрить быстро помещение!» Причем с улыбкой говорит. Мы все переживаем, а он улыбается. Сняли мы эту систему, на разъемы надели крышечки, проветрили помещение, повторили генеральные испытания. После этого все прошло гладко, и показ закончился нормально»².

Был ли показан Жукову пуск боевой ракеты на стартовой позиции, я не знаю. Офицеры одного из объектов (пункт наблюдения за полетом ракеты на траектории, находящийся недалеко от стартовой позиции) потом рассказывали, что, зайдя туда, Жуков увидел на стене свой портрет и спросил, кто это? Ему ответили: это ваш портрет, товарищ маршал. Жуков сказал: я такой не утверждал — снимите. Все знали крутой нрав маршала (в тот период, выполняя его приказ, все офицеры от лейтенанта до полковника три раза в неделю по 1 часу перед началом работы занимались обязательной физподготовкой и сдачей нормативов), поэтому после того как высокие гости покинули полигон, мы вздохнули с облегчением.

В феврале 1956 года, сразу же после испытаний ракеты, на полигон прибыла группа кинематогра-

фистов для съемок в срочном порядке документального фильма о первом пуске ядерного заряда ракетой, который должны были показать делегатам XX съезда КПСС³. Мне была поставлена задача технического обеспечения съемок фрагментов фильма, связанных с подготовкой головной части. К этому времени специалисты из Арзамаса-16 уже уехали, и приходилось импровизировать. У нас оставалось несколько пустых бракованных корпусов ГЧ. Выбрали лучший, заново покрасили, нанесли соответствующую маркировку, подкрасили стыковочную машину, людям выдали новые комбинезоны и промитировали несколько заключительных операций как бы с уже подготовленной полностью ГЧ: устанавливали теплозащитный экран, грузили ГЧ на стыковочную машину, запускали на ней все механизмы. Режиссер просил, чтобы как можно больше всего «крутилось и вертелось». Чтобы все хорошо смотрелось в крупном плане, по его требованию люди очень долго отмывали руки, не очень фотогеничные от постоянного общения со смазками и железками на морозе. Пришлось даже ногти на пальцах шлифовать, словно в кадре были не солдаты, а городские красавицы. Сняли и стыковку ГЧ с ракетой. Так что лакировка действительности, свойственная советскому киноискусству, была и в прямом, и в переносном смысле.

Перед реальным боевым пуском ядерный заряд с площадки, где производилась сборка, был доставлен на стартовую площадку. Будучи ответственным за эту операцию, я находился в кабине стыковочной машины рядом с водителем. Впереди и позади нас двигались автомобили прикрытия с охраной, а вдоль всей бетонки на расстоянии около 3 км стояли с интервалом 25-30 м солдаты оцепления с карабинами. Охрану на КПП и на вышках стартовой позиции выполняли офицеры КГБ, а во время непосредственной стыковки ГЧ с ракетой у стыковочной машины можно было насчитать с десяток генералов из разных ведомств.

Многие участники этих испытаний были предостережены к правительственным наградам, но в основном в этот список попали специалисты из Арзамаса-16. Офицеры же с полигона довольствовались, как правило, благодарностями.

Таковы были первые и, надо сказать, весьма успешные шаги наших Ракетных войск стратегического назначения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В книге «Ядерные испытания СССР» этому событию уделена одна строка в таблице на с. 146, из которой видно, что из 715 ядерных испытаний

и ядерных взрывов на территории СССР это был ядерный взрыв № 25, проведенный 2 февраля 1956 года в результате ракетного пуска с Ракетного испытательного полигона с целью испытаний поражающих факторов ядерного оружия. См. Ядерные испытания СССР / Колл. авт. под ред. В.Н. Михайлова. М.: ИздАТ, 1997. 304 с.

² Предшественницами ракеты Р-5М (8К51) с дальностью полета 1200 км были Р-1 (8А 11), скопированная с немецкой ФАУ-2, и затем Р-2 (8Ж38) с дальностью полета около 600 км. Баллистические ракеты Р-1, Р-2, Р-11, Р-11М, Р-5, Р-5М, Р-7, Р-7А, Р-9А, РТ-1, РС-12, геофизические ракеты, искусственные спутники Земли различного назначения («Электрон», «Молния-1», «Космос», «Зонд» и др.), космические корабли «Восток» и «Восход» были созданы под непосредственным руководством и при активном участии С.П. Королёва.

³ Интересно, что при экспериментальных пусках определялась величина уноса покрытия с помощью столбиков из радионуклидов, вставленных в обмазку перпендикулярно к образующей конуса ГЧ. А внутри корпуса под этими столбиками помещали счетчики излучений. Поскольку столбики тоже частично выгорали, по уменьшению излучений, передаваемых телеметрией, определялась величина уноса покрытия.

⁴ При неотделяющейся ГЧ этой проблемы не возникало.

⁵ Принципиальные решения, заложенные как в ракету, так и в элементы автоматики ядерного заряда, оправдались в ходе этих испытаний и использовались в дальнейшем на многих поколениях более совершенных ракет и ГЧ.

⁶ Ракета № 001 после переборки на заводе стартовала в седьмом пуске. Мы интересовались у работников предприятия, нашли ли они гайку, оказалось, что нет.

⁷ Очевидно, КБ, занимавшееся этим вопросом, не смогло в то время решить проблему надежного прохождения прямого и отраженного радиосигнала через плазменную зону, создаваемую вокруг корпуса ГЧ оплавливающимся теплозащитным покрытием.

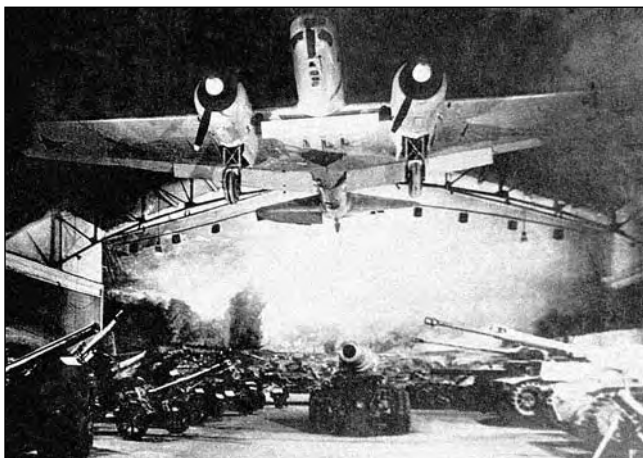
⁸ Дороги в космос. Воспоминания ветеранов ракетно-космической техники и космонавтики. В 2 т. М.: Изд-во МАИ, 1992. Т. II. С. 152.

⁹ XX съезд КПСС проходил 14—25 февраля 1956 г. В его работе принимали участие 1430 делегатов от более чем 7215 тыс. членов и кандидатов в члены партии. Съездом были утверждены директивы по 6-й пятилетке.

*Полковник в отставке
В.Д. КУКУШКИН,
кандидат технических наук,
доцент
(г. Ярославль)*

«ЗДЕСЬ ЦАРИТ АТМОСФЕРА ГЕРОИЗМА, ХРАБРОСТИ, ТВЕРДОСТИ, ВОЛИ»

Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда стремится донести до современников горькую и святую правду о войне и героизме защитников города

В зале боевой техники
1944 г.

Дальний бомбардировщик, бомбивший военные объекты Берлина в августе—сентябре 1941 г.

13 АВГУСТА 1941 года в Ленинграде открылась выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», ставшая предшественницей будущего музея обороны города.

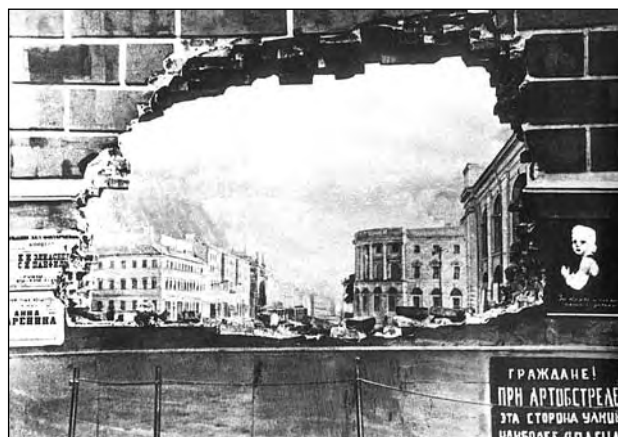
Первый раздел выставки посвящался разгрому ливонских и тевтонских рыцарей. Второй рассказывал о внезапном нападении гитлеровцев на нашу страну, положении на фронтах, перестройке промышленности города на военный лад, партизанском движении, единстве фронта и тыла. В третьем разделе «Фашизм» были выставлены захваченные в боях на дальних подступах к Ленинграду трофейное оружие, плакаты, фотографии, карты, схемы, документы гитлеровских солдат и офицеров, их личные вещи, а позднее — немецкий танк «Тигр». Был создан кабинет трофейного оружия, где инструкторы обучали наших бойцов пользоваться им в бою. Напряженно работали экскурсоводы, бывшие преподаватели закрытого в начале

войны музыкального училища. При налетах вражеской авиации и особенно продолжительных артобстрелах посетители уходили в бомбоубежище. Случалось и так, что выставку закрывали из-за отсутствия электроэнергии. Ленинградцы, у которых еще оставались силы, несмотря на бомбежки и обстрелы, добирались до экспозиции и, осматривая ее, еще раз убеждались в том, что защитники Ленинграда скорее погибнут, чем пустят врага в город.

После прорыва блокады, в ноябре 1943 года секретарь горкома партии А.И. Маханов и начальник политуправления фронта генерал-майор Д.И. Холостов представили в военный совет Ленинградского фронта докладную записку. В ней отмечалась популярность выставки, которую с 1 января по 30 августа 1943 года посетили 94 500 человек. Однако она располагалась в неудобном помещении и нуждалась в пополнении новыми материалами, посвященными боевым действиям войск Ленинградского фронта. Предлага-

лось расширить выставку. Была создана специальная комиссия. В нее вошли начальник политуправления Ленинградского фронта генерал-майор Д.И. Холостов, секретарь горкома партии А.И. Маханов, директор Ленинградского института истории партии С.И. Аввакумов, председатель Ленинградского отделения Союза художников СССР В.А. Серов, начальник управления по делам искусств исполкома Ленсовета Б. Загурский.

Для выставки был избран исторический квартал города — Соляной городок. В творческую работу включились отозванные с фронта художники и архитекторы К.Л. Иогансен, В.А. Петров, В.А. Серов, Я.С. Николаев, Г.А. Савинов, С.И. Левенков, Н.Е. Тимков, А.С. Бантиков, Ю.М. Непринцев, Н.И. Пильщиков; скульпторы В.Б. Пинчук, В.Я. Боголюбов, М.Р. Габбе; мастер макетного дела А.А. Козанцев; историки, бывшие сотрудники других музеев. Большой вклад в работу коллектива внес Лев Львович Раков¹, главным художником выставки стал Николай

«Обстрел Невского проспекта». Панорама работы художников К. Джакова и И. Цепалина 1944 г.

На выставке «Героическая оборона Ленинграда». В центре — майор Л.Л. Раков, справа — командующий войсками Ленинградского фронта генерал-полковник Л.А. Говоров

Михайлович Суетин — один из крупнейших в стране мастеров прикладного искусства².

Работа шла быстрыми темпами. Приказом по выставке от 28 марта 1944 года № 18 для всех работавших на строительстве был установлен 10-часовой рабочий день. Однако работы велись практически круглые сутки, люди не считались со временем, у всех было одно стремление — сделать все в срок, надежно и качественно. 30 апреля 1944 года, в 1044-й день Великой Отечественной войны состоялось торжественное открытие выставки «Героическая оборона Ленинграда». Экспозиция размещалась в 26 залах.

Особое внимание уделялось промышленным предприятиям, формированию отрядов МПВО и армии народного ополчения, работе горожан по возведению оборонительных сооружений на дальних подступах к Ленинграду, героизму защитников города. Экспонировались портреты Героев Советского Союза, удостоенных этого звания первыми во время Великой Отечественной войны, — летчиков М.П. Жукова, С.И. Здоровцева и Т.П. Харитоновна, которые таранили вражеские самолеты в небе Ленинграда. Здесь же располагались карта-схема обороны Ханко, продолжавшейся 165 дней, и портреты ее героев.

В ВОСЬМИ залах раздела «Партизанская война в Ленинградской области» были представлены материалы о борьбе

Панорама «Ледовая Дорога жизни» 1944 г

местных жителей на временно оккупированной территории области, документы о зверствах гитлеровцев, угоне населения в фашистское рабство. Большой интерес у посетителей вызвали панорамы художников Блинкова, Власова, Берзина «Разгром гарнизона СС вблизи Пушкинского заповедника», «Рельсовая война», материалы о деятельности партизанских бригад, личные вещи и оружие партизан, газеты, выходившие в тылу врага, фотографии боевых будней бригад и отрядов.

Раздел «Борьба за Ленинград на ближних подступах к городу» отображал самый напряженный период, когда вражеские войска пытались захватить город штурмом. Здесь же экспонировались картина художника А. Барановского «Один против 43-х», посвященная подвигу отважного танкиста Колобанова; портреты летчиков — Героев Советского Союза С.П. Косинова, И.Т. Черных и Н.П. Губина, которые направили свой горящий самолет на скопление вражеской техники.

Девятый отдел — «Год коренного перелома в Отечественной войне» (три зала) — посвящался

важнейшим событиям на Ленинградском фронте и Балтике, работе промышленных предприятий, строителей, научных организаций.

В залах десятого отдела — «Великая Победа под Ленинградом» — подробно и обстоятельно рассказывалось о январских событиях 1944 года, полном снятии блокады, мужестве воинов. Здесь были представлены минометный расчет братьев Шумовых, самолет И-16 Героя Советского Союза старшего лейтенанта Ломкина, истребитель Як-7 дважды Героя Советского Союза Петра Покрышева и т.д. Большая диорама отображала момент прорыва вражеской обороны южнее Пулковы 15 января 1944 года.

Также на выставке экспонировались самолеты Героев Советского Союза К.Ф. Ковалева, Г.Д. Костылева, М.Н. Плоткина, танк Героя Советского Союза Д.И. Осатюка, торпедный катер Героя Советского Союза А.И. Афанасьева, личное оружие командира партизанской бригады Героя Советского Союза А.В. Германа, орудийный ствол с линкор «Октябрьская революция».

3 мая 1944 года исполком

Л.Л. Раков

Н.М. Суетин

Л.Н. Белова

Ленгорсовета за активную самоотверженную работу по созданию выставки наградили почетными грамотами 116 человек, в том числе 56 военнослужащих — солдат, сержантов и офицеров. Среди награжденных — директор выставки С.И. Аввакумов, начальник управления по делам искусств Ленгорисполкома Б. Загурский, заведующий отделом культурно-просветительской работы Ленгорисполкома П.И. Рачинский, главный художник выставки Н.М. Суетин, художники А.Н. Лепорская, Я.С. Николаев, А.А. Блинков, начальник фронтового Дома Красной армии полковник Н.С. Лазарев, военнослужащие-художники, скульпторы капитан Ю.М. Непринцев, младший лейтенант В.А. Петров, старший лейтенант А.С. Бантиков и лейтенант М.А. Гордон, историк майор Л.Л. Раков, гвардии капитан С.В. Якобсон, капитан-лейтенант Н.В. Масолов, майор П.К. Шевердалакин и др.

В КНИГЕ отзывов — сотни записей, оставленных посетителями — видными общественными и государственными деятелями нашей страны и зарубежными гостями.

Вот какими словами выразил мнение своих однополчан один

из славных защитников ленинградского неба Герой Советского Союза гвардии полковник В.А. Мациевич: «Мы, участники героической обороны любимого Ленинграда, гордимся тем, что выставка отражает с большой силой реальную действительность героических дней нашей жизни». А вот слова писателя Алексея Толстого: «Выставка выполнена прекрасно и умело. Она ярко и убедительно показывает величие обороны Ленинграда».

Французский ученый Андре Мазон, специалист по славянской филологии, оставил такую запись: «Здесь царит атмосфера героизма, храбрости, твердости, воли. Не хватает слов, чтобы выразить восхищение перед мужеством ленинградцев. Выставка великолепно воспроизводит героическую эпопею. Честь и слава ленинградцам и ленинградкам, отстаивавшим свой город!»

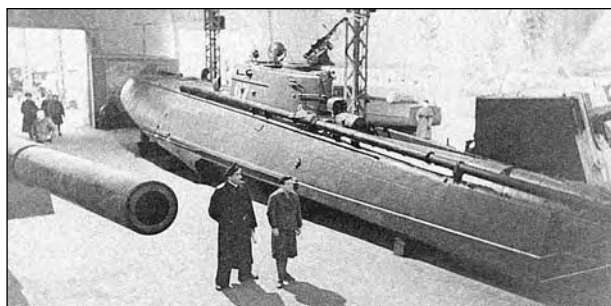
В апреле 1945 года Ленинград посетила председатель британского комитета «Фонд помощи России» Клементина Черчилль, гостившая в нашей стране по приглашению правительства и исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного По-

лумесяца. «То, что я увидела сегодня, помогает мне еще яснее осознать чудесную твердость и героизм граждан Ленинграда: память об этом будет жить со мной всю мою жизнь», — так выразила свои впечатления гостя из Великобритании.

Распоряжением Совета Народных Комиссаров РСФСР за № 2522-р от 5 октября 1945 года выставка «Героическая оборона Ленинграда» была преобразована в Музей обороны Ленинграда республиканского значения, который официально открылся 27 января 1946 года. Музей был пополнен новыми экспонатами, открылись три новых отдела: артиллерии, авиации и Краснознаменной МПВО; шесть новых больших панорам посвящались разгрому гитлеровских войск на подступах к Ленинграду, на Карельском перешейке и в Прибалтике.

Огромная площадь — 40 тыс. кв. метров — позволила разместить 37 654 экспоната, отражавших действия войск Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота, трагические дни 900-дневной блокады города. Особенно впечатляли включенные в экспозицию подлинные образцы вооружения Красной армии тех лет: тяжелые танки, бомбардировщики дальнего действия, морские дальнебойные орудия.

Популярность музея была необыкновенной. По посещаемости он уступал только Эрмитажу. Так, к 1949 году здесь побывали более миллиона человек, практически все жители города. Появлялись новые экспонаты, улучшалось их размещение, что способствовало более эмоциональному восприятию экспозиции. Не могли не впечатлять партизанская землянка,

Торпедный катер Краснознаменного Балтийского флота
1944 г.

Экспозиция, посвященная ленинградским партизанам
1944 г.

искореженный взрывом снаряда, иссеченный осколками вагон трамвая. Здесь же в витрине — окровавленные куски одежды, кошельки, документы и среди них — хлебные карточки. Это все, что осталось от ехавших в этом трамвае горожан. Или сложенная из разбитого трофейного оружия и касок убитых гитлеровцев восьмиметровая пирамида.

В залах с большим художественным вкусом были размещены более ста полотен, диорам, панно, картин, скульптур, зарисовок ленинградских художников. Музей получил большую коллекцию материалов (300 наименований) по созданию народного ополчения. Экскурсантам демонстрировались документальные кинофильмы «Голодная зима 1941—1942 гг.», «Дорога жизни — Ладожская трасса», «Прорыв блокады», «Разгром немцев под Ленинградом». Научные сотрудники и экскурсоводы систематически выступали с лекциями и беседами на предприятиях и в школах, организовывали встречи с ветеранами, экскурсии по местам боев.

В 1948 году работу музея проверяла комиссия Ленинградского горкома партии. Делала это, как видно из документов, придирчиво, и в какой-то мере предвзято (нужно было выявить и вынести на обсуждение недостатки). По результатам проверки 20 февраля 1948 года бюро горкома вынесло решение, в котором отмечено, что создан музей нового типа, экспозиция которого основана на подлинно научной разработке материалов, обладает большой впечатляющей силой. Далее говорилось, что с момента открытия музей посетили 1 350 000 человек; он оказывал большую помощь писателям, драматургам, сценаристам, аспирантам, студентам; благодаря ему были созданы экспозиции в ряде краеведческих музеев; на основе его материалов научными работниками Москвы и Ленинграда написаны 4 кандидатские диссертации.

Дирекция Музея обороны Ленинграда разработала план первоочередных мероприятий по улучшению экспозиции, главным образом тех отделов и залов, которые входили в основное кольцо экскурсионного маршрута. План рассчитывалось осуществить в течение 1949 года³.

НАЧАЛАСЬ активная работа, но до конца ее довести не удалось. Над музеем сгущались черные тучи. Казалось бы, музей, созданный в период боевых действий Второй мировой войны, сохраняющий бесценные реликвии великой Ленинградской битвы и трагических дней блокады города, будет жить вечно, напоминая новым поколениям о мужестве и воинской доблести защитников города. Но случилось обратное. 21 февраля 1949 года в город в связи с так называемым ленинградским делом прибыл секретарь ЦК партии Г.М. Маленков. Вот что рассказывал в связи с этим исполнивший тогда обязанности заместителя директора музея по научной работе Г.И. Мишкевич: «И Маленков, а вслед за ним и новый секретарь обкома и горкома Андрианов, размахивая нашим путеводителем, кричали: «Свили антипартийное гнездо! Создали миф об особой, «блокадной» судьбе Ленинграда! Принизили роль великого Сталина...». И еще одно серьезное обвинение было брошено музею: столько оружия собрано неспроста — наверняка готовился террористический акт против руководителей партии и правительства.

Под предлогом реконструкции музей был закрыт. Однако его сотрудники решили сохранить для потомков уникальные собрания, и, как видно из архивных документов, делало это настойчиво и целеустремленно, хотя работать приходилось в невероятно трудных условиях, под бдительным наблюдением «руководящих органов».

В основу всей работы по перестройке экспозиции была положена новая программа музея, разработанная научным коллективом совместно со специальной комиссией. Была поставлена задача изучить биографию каждого участника обороны Ленинграда, упомянутого в экспозиции, точно установив его боевые подвиги, место службы или работы во время и после войны. Такие данные были составлены на 430 лиц. Готовилась также организация выставки фронтовых фотокорреспондентов⁴.

Было намечено реставрировать более 1000 кв.м, собрать 4000 новых экспонатов, составить по ним 12 тыс. карточек; создать аннотированную фототеку, реставрировать знамена, из-

готовить необходимый инвентарь⁵. Работать приходилось в трудных условиях. Начались перемещение сотрудников и сокращение штатов.

16 сентября 1949 года директор музея Л.А. Дубинин издал приказ, в котором говорилось, что в связи с капитальной реконструкцией музея необходимо отключить электроосвещение, закрыть и опечатать все залы, за исключением тех, в которых ведется ремонт, а также помещения дирекции, строительной группы, столовой, гаража, мастерских, телефонной станции, складов. Закрыть и опечатать залы предписывалось к 17 часам 17 сентября 1949 года⁶.

ЧЕРЕЗ год на сотрудников обрушилась волна репрессий. Пострадал бывший директор музея Л.Л. Раков. В то время он уже работал директором публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. В решении бюро Ленинградского горкома партии от 19 октября 1950 года читаем: «Произведенной проверкой установлено, что Раков Л.Л. был одним из главных организаторов порочной экспозиции в Музее обороны Ленинграда... Вместе с тем в экспозиции подхалимски превозносилась и восхвалялась роль бывших руководителей обкома и горкома ВКП(б) — Кузнецова, Попкова, Капустина...».

31 декабря 1950 года с формулировкой «за неправильное поведение при работе в Музее обороны Ленинграда» Л.Л. Ракова исключили из партии, а через несколько дней арестовали, судили и приговорили к 25 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет.

Только 12 мая 1954 года дело по обвинению Л.Л. Ракова было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР и за отсутствием состава преступления прекращено. Судьбу директора музея разделил его заместитель по научной работе Г.И. Мишкевич. В недавнем прошлом майор, участник Великой Отечественной войны и войны с Японией Мишкевич прошел тяжелые испытания в лагерях Коми АССР. В 1954 году он был освобожден и вернулся в родной город.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 31 августа 1951 года № 3216-1523 все помещения Государственно-

го музея обороны были переданы Министерству Военно-морского флота. До 15 октября этого года требовалось освободить все помещения, занятые музеем и его арендаторами. Создавшееся положение поставило под угрозу сохранность экспонатов и научно-вспомогательного материала. Фонды музея на 1 января 1951 года составляли 15 612 предметов, в том числе картин — 156, скульптур — 64, вещественных экспонатов — 308, оружия и снаряжения — 776, документов — 2116, реликвийных книг — 83, альбомов — 37, рисунков — 310, плакатов — 1048. В музее хранились 306 уникальных негативов, 10 408 фотографий. В его научном архиве было 3989 единиц хранения, в том числе папок с документами — 523, армейских газет — 154 подшивки, центральных и областных газет за 1941—1947 гг. — 352 годовых комплекта, 314 экземпляров книг, изданных в Ленинграде в годы войны, 1975 штук журналов, 671 фотография, 671 документ научно-вспомогательного значения.

В 1951 году из одного только музея «Свирская победа» г. Лоддейное Поле музеем обороны было получено 1237 предметов, 14 папок научно-вспомогательного материала; 8 скульптур, 66 портретов, 30 картин, 60 рисунков, 167 образцов военной техники и снаряжения, 14 альбомов, 694 фотографии и т.д.⁷

Под угрозой утраты или порчи оказались 32 092 экспоната (245 скульптур, 123 макета и диорамы, 201 картина, 131 картасхема и т.д.). Надо было где-то также разместить 7 танков, 6 самолетов, 23 орудия, 2 самоходные установки, 2 катера, трофейные танки «Тигр», «Пантера», Т-III и Т-IV, орудия, обстреливавшие Ленинград.

Среди новых хозяев бывшего музея, нашлись и такие, кто настойчиво требовал освободить помещения, начать демонтаж экспозиции, выбросить экспонаты. Чудом уцелели лишь немногие документы, и среди них известный теперь во всем мире дневник ленинградской школьницы Тани Савичевой — леденящая душу трагическая летопись простой семьи, оказавшейся в осажденном городе.

В связи с передачей здания другому ведомству фонды музея находились в трех различных местах, что создавало не-

нормальные условия как для хранения ценнейших материалов, так и для работы коллектива. Руководству Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров РСФСР было направлено письмо с просьбой решить вопрос о дальнейшей судьбе Музея обороны и блокады Ленинграда.

17 НОЯБРЯ 1952 года приступила к работе ликвидационная комиссия во главе с В.Ф. Гусевой — заместителем заведующего отделом культурно-просветительской работы исполкома Ленгорсовета⁸.

Музею Октябрьской революции были переданы библиотека, боевые знамена, награды партизана Героя Советского Союза Н.Г. Васильева, шинель и орден генерала Н.Ф. Ватутина, скульптуры, картины, ручной печатный станок 11-й Волховской партизанской бригады, а также хозяйственное имущество — столы, шкафы, кресла, стулья.

Из музея обороны воинские части получили самолеты Ла-5, И-16, Як-7, ДБ-3Ф; управление БТ и МВ ЛенВО — танки Т-60, Т-34, КВ, «Тигр», Т-III, «Пантера», самоходную установку на шасси немецкого танка Т-III; воинская часть № 18437 — полупонтон на автомашине ЗИС-5, катер БМК-70; старший морской начальник Ленинграда — торпедный катер ТК-67, якорь 2-тонный с цепью, якорь кормовой; Артиллерийский музей — пушки, гаубицы, в том числе четыре трофейные, миномет — всего 15 единиц⁹.

Деятельность ликвидкома закончилась сдачей печатей и штампов Музея обороны Ленинграда 6 марта 1953 года.

Лишь 24 апреля 1989 года исполком Ленгорсовета принял решение о восстановлении Музея обороны Ленинграда. Оргкомитет обратился к ленинградцам, предприятиям, учреждениям, учебным заведениям, творческим союзам, кооперативам с просьбой внести средства на восстановление музея.

8 СЕНТЯБРЯ 1989 года состоялось торжественное открытие возрожденного музея. Его директором была назначена Людмила Николаевна Белова (1924—1993 гг.), бывшая блокадница, лауреат Государственной премии России, заслуженный работник культуры России. В музей пришли работать

опытные люди, отдавшие все свои силы восстановлению музейной экспозиции: участник Великой Отечественной войны полковник в отставке Г.А. Зуев, историк И.А. Муравьева, полковник запаса Б.В. Павлов, военный журналист капитан 1 ранга Ю.К. Хрящев, неутомимый энтузиаст музейного дела, знаток истории Ленинградской битвы и блокады города В.П. Кивисепп, инженер А.П. Шиманский и многие другие. Решением Министерства культуры России с декабря 1990 года музей стал именоваться «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда».

Вскоре после открытия музея была подготовлена первая большая выставка «Память мужества». С искренним интересом посетителями были приняты последующие экспозиции: «Блокада Ленинграда в живописи, графике, скульптуре», «Голос Ленинграда» (о работе ленинградского радио в годы блокады), «1941 год. Подвиг и трагедия», «Защитники ленинградского неба», «Музы блокадного города», «Дорога жизни», «Прорыв блокады Ленинграда», «50 лет медали "За оборону Ленинграда"», «Немецкое сопротивление в 1943—1945 гг.» (выставка из Германии), «Черная книга» (о трагедии еврейского народа в годы Второй мировой войны).

Многие выставки после показа в музее продолжали жизнь, став передвижными: «Живопись, графика, скульптура — глазами художников блокадного города» (в городах Франции и Англии в 1994—1995 гг.); «Ленинград в блокаде» (в Екатеринбурге, Петрозаводске, Новгороде, Боровичах, Вологде, Тюмени, Сосновом Бору, Кронштадте, Москве, Салехарде).

Данью памяти ратному подвигу героев Балтики стала проведенная в 1997 году совместно с Центральным военно-морским музеем выставка «Морской щит Ленинграда».

В 1998 году в музее экспонировалась выставка из фондов Центрального музея Вооруженных сил (ЦМВС) «Трофеи Второй мировой войны», где были представлены форма, знамена, награды немецкой армии и армий союзников Германии, захваченные Красной армией у поверженного противника.

К 55-летию снятия блокады Ленинграда в январе 1999 года

музей организовал общегородскую юбилейную выставку «Легендарная победа под Ленинградом».

В КАНУН 300-летия Санкт-Петербурга состоялись торжества по случаю вручения хрустальной композиции «Блокадная симфония», изготовленной ООО «Хрустальный завод» в честь памяти воинов земли владимирской, которые погибли в годы Великой Отечественной войны при защите Ленинграда.

Важным событием в жизни города была акция «Нас объединяет Знамя Победы». С 22 по 30 июня 2003 года в музее экспонировалось Знамя Победы, водруженное в мае 1945 года над рейхстагом. Знамя Победы, хранящееся в Центральном музее Вооруженных Сил, было доставлено из Москвы в Санкт-Петербург по личному распоряжению Президента РФ В.В. Путина.

Большое внимание коллектив уделяет пополнению фондов. За сравнительно небольшой срок от частных лиц и организаций получено более 1000 различных материалов, многие из которых заняли достойное место на музейных стендах. Нельзя без волнения смотреть на дневник школьника Валерия Сухова, рисунки 14-летнего Кости Горбатова, пробитый пулей студенческий билет О. Макковейской, личные вещи защитников Невского пятачка и летчика Героя Советского Союза А. Севостьянова.

Основные источники поступления — это дары ветеранов Великой Отечественной войны, членов их семей, предметы, переданные различными государственными и общественными организациями. Много материалов получено от 13-й воздушной армии, защитников Моонзунда, партизан, тружеников заводов имени Калинина и Кировского, артиллеристов 39-й бригады, моряков торпедных катеров КБФ, воинов-железнодорожников и др. Интересные материалы о боевом пути 1-го воздушно-парашютного дивизиона аэростатов артиллерийского наблюдения поступили в музей от В.Н. Филиппова.

Многие годы ленинградец П.Д. Глазунов потратил на поиски сведений о павших воинах — уроженцах Лужского района (Рельский сельсовет). Ему удалось установить 459 земляков, погибших в боях за Родину. Этот список сей-

час находится на вечном хранении в фондах нашего музея. Богатую коллекцию открыток передал А.Н. Лебедев, бывший в годы войны начальником санитарной службы МПВО Октябрьского района Ленинграда.

МУЗЕЙ получил архив 5-й партизанской бригады, подаренный ее командиром Героем Советского Союза К. Карицким. Семья организатора партизанского движения в Ленинградской области Т. Печатникова передала в музей его личные вещи, документы, фотографии. Ветеран «Дороги жизни» А. Васянович — личные вещи, документы, чертежи, фотографии ледовой трассы.

В музее хранятся документы, деловая и частная переписка руководителя Ленинградского отделения Института растениеводства К. Пантелеевой. Как известно, сорстка оставшихся в городе сотрудников института тяжелой голодной зимой 1941/42 года совершила беспримерный подвиг во имя науки — сохранила всемирно известную мировую коллекцию семян.

Музей хранит документы и предметы, подаренные ветеранами войны, в прошлом выдающимися спортсменами, многократными чемпионами страны, участниками блокадных спортивных состязаний М. Мининой, М. Башук, Е. Мироновой и др.

Деятельность Музея обороны и блокады Ленинграда получила широкое общественное признание. Он выступает как передатчик бесценного исторического опыта прошлого молодежи, как центр общения ветеранов и как источник исторической информации.

Ныне в фондах музея содержатся на постоянном хранении 4499 произведений изобразительного искусства, 8698 рукописных и машинописных документов, 2470 предметов быта, 22 691 кино-фотодокумент, 916 единиц оружия; библиотечный фонд насчитывает 12 816 книг.

Несколько лет назад творческий коллектив музея приступил к поэтапному обновлению основной экспозиции, посвященной истории обороны и блокады Ленинграда. За десять лет активной собирательской работы в фондах музея накопились более 20 тыс. экспонатов: документы, фотографии, личные вещи свидетелей и участников событий. Боль-

шинство из них преподнесено в дар музею ветеранами, жителями блокадного города и членами их семей. Мы благодарны всем за помощь в пополнении коллекции. Важнейшая для нас задача — донести до посетителей горькую и святую правду о войне и блокаде, героизме защитников города.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Раков Лев Львович** (1904—1970). В июле 1941 г. ученый секретарь Эрмитажа, кандидат исторических наук, доцент. Добровольно вступил в ряды народного ополчения, затем стал офицером-политработником, лектором фронтового Дома Красной армии.

² **Суетин Николай Михайлович** (1897—1954). Учился в Витебской гимназии. В 1918 г. призван на военную службу. В 1918 г. поступил в народную школу в Витебске. С 1922 г. творческая жизнь Н.М. Суетина связана с Ленинградом. С 1932 г. и до последних дней жизни Н.М. Суетин был главным художником фарфорового завода им. М.В. Ломоносова. В 1937 г. Н.М. Суетин — главный художник советского павильона на Международной выставке в Париже, в 1939 г. — главный художник советского павильона на Международной выставке в Нью-Йорке. В годы Великой Отечественной войны он трудился в Ленинградском штабе партизанского движения, принимал участие в выпуске «Окон ТАСС», готовил выставки, посвященные героическим будням защитников Ленинграда, разрабатывал методику маскировки архитектурных памятников, жилых домов, промышленных предприятий. В 1943 г. Н.М. Суетин назначен главным художником Музея обороны Ленинграда.

³ Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб.) Ф. 277. Оп. 1. Д. 695.

⁴ Там же. Д. 977. Л. 1—5.

⁵ Там же. Д. 982.

⁶ Архив Главного управления культуры СПб. Ф. 76. Оп. 1. Д. 19. Л. 132.

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1384.

⁸ Там же. Д. 1558. Л. 25.

⁹ Там же. Д. 1561.

*Полковник запаса
А.А. ШИШКИН,
директор Государственного
мемориального музея обороны
и блокады Ленинграда
(Санкт-Петербург)*

Иллюстрации из фондов музея

**Военная
финансово-экономическая
служба России**

история и современность

Москва - ИНЭС - 2003

Титул книги

Среди вышедших за последние годы научно-публицистических работ, связанных с историческим анализом деятельности военных финансово-экономических органов Российской Федерации, заметным событием стало издание книги*, подготовленной авторским коллективом под руководством доктора экономических наук генерал-полковника В.В. Воробьева и члена-корреспондента Российской академии наук, заслуженного деятеля науки РФ, доктора экономических наук, профессора генерал-майора Б.Н. Кузика.

В обращении к будущим читателям, сделанном начальником Главного финансово-экономического управления — заместителем министра обороны Российской Федерации по финансово-экономической работе Л.К. Кудельной, отмечается, что цель книги — восполнение пробелов в истории финансово-экономической службы России на основе исторических документов, архивных материалов и систематизации ранее опубликованных данных, а также обобщение опыта и его использование в современных условиях.

Авторскому коллективу удалось впервые столь фундаментально проанализировать более чем трехсотлетний путь становления и развития военной финансово-экономической службы, обеспечивающей военную организацию России, выявить факторы, которые оказывали существенное влияние на совершенствование финансового обеспечения армии и флота.

* Военная финансово-экономическая служба России: история и современность. М.: ИНЭС, 2003. 772 С.

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

В книге не только раскрыты основные этапы становления и развития важнейшей в жизни войск службы, но и проведен анализ ее вклада в укрепление армии и флота на каждом историческом этапе, исследованы возможности дальнейшего развития.

Труд состоит из шести глав, объединенных единым замыслом и отражающих закономерно сложившуюся историческую ретроспективу. Каждая глава имеет унифицированную структуру, в соответствии с которой освещается развитие экономики страны, военного дела, способов ведения боевых действий, оружия и военной техники, изменение методов финансово-экономического обеспечения и его соответствующих организационных структур.

Первая глава посвящена исследованию развития российской экономики, зарождения органов финансового обеспечения армии и флота, его осуществления на различных этапах развития российского государства до 1917 года.

Во второй главе анализируются основные результаты экономического развития нашего государства и развития военного дела в 1917—1940 гг., говорится о значении создания централизованной системы финансового обеспечения Красной армии и Красного флота, финансового контроля, рассказывается о становлении и достижениях военной финансово-экономической науки.

Время суровых военных испытаний, когда наша экономика, общество и государство в целом подверглись проверке на прочность, отражено в третьей главе. В ней изложен результат анализа перестройки экономики, опыта организации финансирования войск и сил флота в боевых условиях, показаны результаты оперативного регулирования экономики страны и обеспечения фронта всем необходимым. В эти годы проявили себя с самой лучшей стороны такие деятели, как В.Н. Дутов, Я.А. Хотенко, В.С. Кришкевич, которые в

последующем находились на ответственных постах.

Опыт финансового обеспечения Вооруженных сил СССР в период с 1946 по 1991 год анализируется в четвертой главе, где основное внимание уделяется обобщению практики финансового обеспечения видов Вооруженных сил и родов войск, военных округов и групп войск, главных и центральных управлений Министерства обороны СССР, рассмотрению направлений совершенствования системы денежного довольствия и пенсионного обеспечения военнослужащих, финансового контроля. Из этой главы читатель узнает о том, как армейская и флотская финансовая служба развивалась в новых условиях становления народного хозяйства и перевооружения войск, когда создавалось ракетно-ядерное оружие, осуществлялся первый выход человека — нашего соотечественника в космос. Здесь же содержится анализ финансового обеспечения видов Вооруженных сил, военных округов, групп войск.

Исследование роли финансового обеспечения и финансово-экономической службы в становлении и деятельности Вооруженных сил Российской Федерации содержит пятая глава. Объективный анализ свидетельствует, что за последние десять лет наряду с прогрессивными проводились и недостаточно обоснованные в научном отношении мероприятия. Большая работа была проведена по реализации положений Федерального закона РФ «О статусе военнослужащих». В условиях нестабильности финансовой системы государства своевременное и полное обеспечение военнослужащих денежным довольствием играло исключительную большую роль для сохранения боеспособности Вооруженных сил России.

Заключительная шестая глава книги посвящена органам управления финансовым обеспечением Вооруженных сил, Департаменту полевых учреждений

Центрального банка России, финансово-экономическим органам Пограничных войск, Внутренних войск МВД Российской Федерации и Железнодорожных войск.

Содержание труда и анализ опыта военного строительства убедительно показывают, что именно в то время, когда государство уделяло должное внимание финансово-экономическому обеспечению Вооруженных сил, успешно решались задачи военной безопасности страны, создавалось новое оружие, повышались боевая готовность войск и престиж службы в армии. Каждое же сокращение объемов финансирования, как это имело место в ходе перестройки и реформ, вызывало снижение боевой мощи и боевого потенциала войск, падение международного авторитета страны.

Книга написана на основе архивных материалов, дополненных в отдельных случаях воспоминаниями участников событий, положениями официальных документов, выдержками из военно-научной и мемуарной литературы. В ней представлены обширные фактографические материалы, способствующие правильному пониманию исследуемой проблемы. Каждая глава завершается летописью, где упоминаются наиболее важные в становлении и развитии финансового обеспечения документы и решения. Фактический материал содержится в таблицах, графиках.

Издание хорошо иллюстрировано, содержит фотографии политических деятелей, выдающихся военных руководителей, работников финансовой службы (всего в книге названы имена более 3000 человек).

Думается, книга будет полезна как руководителям и работникам органов военного управления различных уровней, в том числе федеральных структур, практикующим работникам военной финансово-экономической службы, так и специалистам-историкам, преподавательскому составу и научным работникам, слушателям и курсантам военных вузов.

Р.А. ФАРАМАЗЯН,
доктор экономических наук, профессор
(Москва)

«КАРТОГРАФИЯ АКТИВНО ПРОНИКАЕТ ВО ВСЕ НАУКИ О ЗЕМЛЕ...»

Сегодня плавание по океанским и морским путям, будь то надводные или подводные корабли, практически невозможно без специальных морских карт. Более того, один из знатоков картографии А.М. Берлянт в своей книге «Образ пространства: карта и информация» (М.: Мысль, 1986. С. 235) отмечал, что «подобно математике и рука об руку с ней картография активно проникает во все науки о Земле и обществе, во многие отрасли народного хозяйства. Картографические знания и навыки, как и математические, становятся в той или иной мере необходимыми каждому человеку». Чем же в действительности так важна для нас картография, что представляет собой эта наука, как делают географические карты, читатели, как специалисты в этом деле, так и неспециалисты, могут теперь узнать из недавно вышедшей в нашей северной столице книги, авторами которой являются весьма компетентные в данной отрасли знаний флотские офицеры — руководители Главного управления навигации и океанографии Министерства обороны РФ адмирал А.А. Комарицын и капитан 1 ранга Б.С. Фридман, а также начальник Центральной картографической фабрики ВМФ капитан 1 ранга запаса А.В. Антошкевич и офицер Центрального картографического производства ВМФ капитан 1 ранга В.Г. Смирнов*.

В книге изложены вопросы развития технологии издания морских карт, совершенствования материальной базы и структуры морского картографического производства, обучения и повседневной деятельности персонала, занимавшегося подготовкой и печатью карт.

Книга охватывает большой период времени (первая «особая чертежная» мастерская для составления и последующего издания морских карт была создана при Адмиралтейств-коллегии в 1777 г.), имеет высокую научную достоверность, что подтверждается обширным списком источни-

Обложка книги

ков. Во вступлении к ней главнокомандующий Военно-морским флотом адмирал флота В.И. Куроедов пишет, что на основе тщательного изучения документов Главного гидрографического управления Морского министерства России, включая ежегодные отчеты управления (1886—1917) и другие материалы, авторам удалось проследить характер изменения технологии и организации работ по изданию морских карт, рассмотреть вопросы сотрудничества картографов Морского министерства с отечественными и зарубежными фирмами, выяснить роль Гидрографической службы, офицеров-картографов и офицеров действующего флота в обеспечении технических проектов и усовершенствовании организации работ в области морской картографии в России в конце XIX — начале XX века.

Разумеется, в любом солидном исследовании трудно обойтись без огрехов. Есть они и в рецензируемой книге. Так, на мой взгляд, авторы несколько увлеклись описанием несущественных подробностей, особенно касающихся трудовой дисциплины и оплаты труда в картографическом производстве; содержание второй главы не во всем соответствует ее названию, да и вклад вице-адмирала С.О. Макарова в развитие отечественного картографического производства, надо думать, шире, чем «разработка футляров для карт» (с. 190—191). Разумеется, отдельные недостатки не снижают научной и познавательной ценности новой книги, и она может быть рекомендована всем, кто по роду деятельности интересуется историей картографического производства.

**Капитан 1 ранга
Е.Г. МАЧИКИН,
начальник научно-исследовательской
исторической группы ВМФ
(Москва)**

*Антошкевич А.В., Комарицын А.А., Смирнов В.Г., Фридман Б.С. История морского картографического производства в России (конец XIX — начало XX в.). СПб.: ЦКП ВМФ, 2003. 312 с.

● ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РАБОТА

(Окончание. Начало см. на с. 6)

ЗАСЕДАНИЕ КООРДИНАЦИОННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

неудовлетворительная материально-техническая база военно-исторической работы, слабая обеспеченность проводимых военно-исторических исследований архивными источниками, научной литературой, периодическими изданиями; отсутствие единой методики военно-исторической работы в ВС РФ и прежде всего в войсках (силах). Вместе с тем в постановлении отмечается, что проект Замысла военно-исторической работы на 2005 год, разработанный Военно-научным комитетом Генерального штаба совместно с Институтом военной истории, представителями видов Вооруженных сил, Тыла Вооруженных сил, родов войск, главных и центральных управлений, в целом соответствует задачам строительства и подготовки Вооруженных сил, проблемам военной науки, результатам и состоянию военно-исторической работы в текущем году.

Координационным научным советом рекомендовано при планировании военно-исторической работы на 2005 год обеспечить выполнение задач ее приоритетных направлений — добиваться высокого научного уровня исследований проблем Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в рамках реализации поручения Президента РФ по подготовке фундаментального многолетнего труда «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.», а также в проведении военно-исторической конференции и научного обеспечения мероприятий, посвященных 60-летию Победы в Великой Отечественной войне; теснее увязывать планы военно-исторической работы с планами научной работы (военно-теоретическими исследованиями), оперативной и боевой подготовки, планами выполнения в Министерстве обороны Российской Федерации мероприятий по празднованию 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне и по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы»; пропагандировать военно-исторические знания, историю и традиции Вооруженных сил, военную политику России; оперативно разоблачать фальсификации и искажения отечественной военной истории в средствах массовой информации.

В целях поддержания необходимого уровня укомплектованности военно-исторических органов ВС РФ высококвалифицированными кадрами Военно-научному комитету Генерального штаба совместно с заинтересованными органами военного управления поручено организовать начиная с 2005/06 учебного года подготовку военных историков в системе дополнительного профессионального образования на академических курсах Общевойсковой академии ВС РФ в двух специализированных группах: научных работников в области военной истории и преподавателей военно-исторических дисциплин; главным штабам видов Вооруженных сил, штабу Тыла Вооруженных сил, штабам родов войск проанализировать потребность в квалифицированных научных кадрах, подготовить и представить в Генеральный штаб предложения по их подготовке в адъюнктуре ИВИ МО с увеличением ее численности за счет видов Вооруженных сил и родов войск.

В целях создания и ведения полноценной базы данных по научным исследованиям в области военной истории Военно-научному комитету Генерального штаба, военно-научным комитетам видов Вооруженных сил, Тыла Вооруженных сил и родов войск поручено проанализировать результаты военно-исторической работы, выявить нерешенные научные проблемы и определить приоритетные направления научных исследований в области военной истории на период 2006—2010 гг. Институту военной истории предложено продолжить выпуск реферативно-аннотированной бюллетеней изданной литературы (вопросы военной истории по отечественным источникам) и довести их до органов военного управления, вузов и НИО МО.

На очередном заседании Координационного научного совета по военно-исторической работе в ВС РФ в ноябре—декабре 2004 года предполагается рассмотреть вопросы подготовки международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», организации военно-исторической конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне; состояния дел по созданию фундаментального многолетнего труда «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.».

• ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ •

**Инженер-
подполковник
В.М. Догадин**
1948 г.

КАДЕТСКИЕ ГОДЫ

До поступления в кадетский корпус

МОЕ первое знакомство с грамотой началось довольно рано. Мне было не более пяти лет, когда гостившая у нас ученица епархиального училища Лариса Быстроветова, почувствовав в себе склонность к педагогике, стала настойчиво вбивать мне в голову названия букв русской азбуки или заставляла меня спрашивать ее заданные ей уроки по Закону Божьему.

Но надо полагать, что тогда моя голова еще не была готова для восприятия книжной премудрости, потому что я даже теперь легко представляю себе то чувство страха, которое я переживал, когда тшкетно пытался угадать наименование букв, которые она выводила своим пальчиком на запотевшем стекле.

А из Закона Божьего в моей голове удержалось только часто упоминаемое слово «фараон», который представлялся мне каким-то страшлищем. Вероятно, рассказ шел о казни египетской.

Однажды мой отец шел из правления Астраханского казачьего войска, где он служил бухгалтером, вместе со своим начальником генералом Скворцовым. Из прошедшего разговора генерал узнал о моем существовании. Тут же зайдя в магазин, генерал купил для передачи мне букварь под названием «Золотая азбука». Это было прекрасное издание с большим количеством красочных картин, и я был буквально в восторге от полученного подарка.

По «Золотой азбуке» моя мать стала меня понемногу учить чтению и письму.

Летом 1892 года моя мать получила от своего отца из Ставрополя Самарского на Волге письмо, в котором он сообщал, что из Перми к нам в Астрахань скоро приезжает на жительство его сестра Александра Платоновна, муж которой Фришман уже начал служить главным врачом в войсковом правлении, т.е. в том учреждении, в котором работал и мой отец. Прочитав это письмо, отец сейчас же отправился в кабинет главного врача и заявил ему: «Позвольте представиться: я ваш племянник». Сюрприз был полный, так как ни тот, ни другой даже не подозревали, что они родственники, хотя и служили вместе уже несколько месяцев.

В большой прибывшей семье Фришманов была девочка Маня, очень бойкая и на правах самой младшей дочери всеми любимая и очень избалованная. По возрасту ее в это время нужно было готовить к поступлению в гимназию. Было решено, что мы будем с ней учиться вместе под руководством ее старшей сестры Лидии, рассчитывая, что при совместных занятиях в Мане будет вызвано желание к учению на чувстве соревнования.

Таким образом, к регулярным занятиям я приступил осенью 1892 года в возрасте семи лет.

Однако к экзаменам в приготовительный класс Астраханской гимназии в 1893 году я был подготовлен слабо...

Учитель, хотя и поставил мне тройку, но порекомен-

Автор публикуемых с незначительными сокращениями воспоминаний Владимир Максимович Догадин родился 18 июня 1884 года в Астрахани в семье коллежского асессора, происходившего из казаков Астраханского войска. В 1903 году он окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, а в 1906 году — с отличием Санкт-Петербургское Николаевское инженерное училище, был произведен в подпоручики и направлен в Киевский 4-й понтонный батальон. В октябре 1908 года Догадин поступил в Николаевскую инженерную академию в Санкт-Петербурге, а 22 мая 1911 года успешно ее окончил, включая дополнительный курс, после чего в чине штаб-капитана с утверждением в звании военного инженера был направлен в Брест-Литовск в качестве младшего производителя работ, где за добросовестную работу был награжден орденом Станислава 3-й степени. В 1914—1916 гг. участвовал в создании различных фортификационных систем на Северо-Западном (1914—1915 гг.) и Западном (с августа 1916 г.) фронтах. В марте 1917 года был направлен на строительство Севастопольской крепости, где был старшим производителем работ, а затем начальником хозяйственного отделения. После Октябрьской революции 1917 года работал преподавателем 2-й военно-инженерной школы в Москве, в гражданских и военных строительных ведомствах, участвовал в Великой Отечественной войне, которую закончил в Кёнигсберге. После войны служил начальником отдела истории фортификации, минно-подземного дела и маскировки Центрального исторического военно-инженерного музея (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге). С этой должности полковник В.М. Догадин уволился в отставку по болезни с правом ношения военной формы 15 февраля 1955 года.

Выйдя в отставку, Догадин начал писать воспоминания о дореволюционном периоде своей жизни: о кадетских годах, учебе в училище и Николаевской военной инженерной академии, где он учился вместе с Д.М. Карбышевым, о службе в годы Первой мировой войны. Эти мемуары вместе с фотографиями и некоторыми документами Догадин передал в дар Государственному историческому музею.

Предлагаемые читателю воспоминания «Кадетские годы» написаны им на подмосковной даче в Перловке.

довал присутствовавшему тут моему отцу подготовить меня лучше к экзамену в следующем году.

Летом 1893 года приехал на каникулы родной брат Мани Борис, который был старше ее на несколько лет. Это был кадет одного из младших классов Нижегородского Аракчеевского кадетского корпуса. Он был удивительно приветливого характера, живой, ловкий, подвижный, чрезвычайно сдержанный в выражении своих переживаний, улыбка не сходила с его лица, даже когда он испытывал неприятности. Я помню, как при возвращении с рыбной ловли была утеряна часть его дорогой складной удочки, которую нес я, и он буквально ничем не проявил своего огорчения при обнаружении пропажи и даже защищал меня от упреков старших. Меня сильно привлекала его красивая форма с красным околышем на фуражке и с такими же погонами. Я всегда любовался, когда он в черной шинели внакидку вытягивался в струнку для приветствия знакомых, кланялся одной головой или прикладывал руку к козырьку и ждал, пока ему подадут руку, никогда не протягивал первым своей руки. Его лакированный пояс был всегда туго затянут, а все складки гимнастерки собирались на спине. Словом, все в нем мне нравилось и привлекало, и немудрено, что Боря стал моим идеалом и мне хотелось во всем ему подражать. Но ведь у меня не было ничего того, чем он обладал: ни формы, ни выправки, ни манер.

Подготовку к экзамену в гимназию в следующем году я уже проходил на дому у частной учительницы Марины Христофоровны Дадашевой, у которой было 10—12 учеников. Она была прекрасным опытным педагогом и не только методически внедряла в нас знания, но старалась дать нам и общее развитие.

СOLIDНАЯ подготовка, полученная мною у Дадашевой, не только обеспечила мне успешное поступление в приготовительный класс гимназии, но и послужила основанием для отличного учения в нем и для перехода в первый класс с первой наградой в виде книги «Разоренное гнездо» и похвального листа.

С переходом в первый класс гимназии отцу удалось поместить меня на бесплатное содержание в казачий пансион. Воспитанники этого пансиона в количестве 30 человек существовали на средства Астраханского казачьего войска, к которому по своему происхождению относился мой отец, носили казачью форму, жили в особом доме, а на занятия в гимназию ходили строем.

Отрыв от родной семьи и помещение в чужую атмосферу казенного интерната подавляюще повлияли на мое душевное состояние, я чувствовал себя как бы во враждебной обстановке, ожидал всяких напастей как со стороны строгого воспитателя, так и со стороны грубых шулунов-товарищей, хотя в действительности мне никто из них ничем не угрожал.

Кроме того, дома всегда подготовкой к исполнению заданных уроков руководил мой отец, работавший в прошлом учителем в казачьей станице. Предоставленный в пансионе в отношении приготовления уроков самому себе, я не смог сразу перестроиться на самостоятельную работу и на другой же день после прихода в пансион получил двойку по латинскому языку, хотя, как упоминал выше, до сего времени учился отлично. Я переживал ужасное горе и горько плакал как перед учителем Рудольфом Юргенсом, так и перед отцом, которого случайно встретил на улице при возвращении из гимназии в пансион.

Но это была первая и последняя неудовлетворительная отметка за все мое многолетнее учение. Я быстро перестроился, стал получать по латыни одни пятерки и перешел во второй класс также с наградой.

В начале наступившего лета 1896 года я как-то раз увидел редко заглядывавших в Астрахань двух кадет, приехавших на каникулы и проходивших по нашей улице. Конечно, они привлекли мое внимание, и я не мог оторвать от них глаз, рассматривая их красивую форму и стройную выправку.

Случилось так, что вскоре после того отец, как-то вернувшись со службы и садясь за стол среди нашей боль-

шой семьи (нас было два брата и четыре сестры), сказал, обращая ко мне: «А что, Воля, не хочешь ли ты стать кадетом?». После всего сказанного о моем увлечении кадетом Борисом можно ли удивляться, что я моментально выпалил: «Хочу!»

На тревожный взгляд матери отец рассказал, что в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе для сыновей офицеров и чиновников Астраханского казачьего войска предоставлены десять вакансий, из которых семь вакансий оплачивались войском, а три вакансии существовали за счет государства.

Как раз в этом году освободились три вакансии, которые и предоставлялись для заполнения желающим.

В следующие дни я узнал, что к моему намерению ехать в кадетский корпус присоединился и мой товарищ по гимназии — сын ближайшего приятеля отца — Борис Забурунов. Впоследствии с опозданием прибыл в корпус третий кандидат — Николай Самсонов из реального училища и так же, как и я, состоявший в пансионе.

Просьбы наших отцов о помещении нас в корпус были утверждены наказным атаманом Астраханского войска известным генералом Газенкампом, который за то, что я был первым по учению из находившихся в пансионе, назначил меня на стипендию не за счет войска, а за счет казны и тем избавил меня от обязательства в будущем служить в казаках.

Поскольку мы уже перешли во второй класс гимназии, нам можно было бы держать экзамен прямо во второй класс кадетского корпуса, но для этого нужно было бы лето посвятить изучению французского языка, который преподавался в первом классе корпуса, в то время как мы в первом классе изучали лишь латынь. В связи с этим мне пришлось бы отказаться от поездки с отцом на Всероссийскую нижегородскую промышленную выставку. Так как в первый класс корпуса допускались дети в возрасте от 9 до 11 лет, а мне было тогда 11 лет, то я предпочел поехать сначала с отцом на пароходе в Нижний Новгород, а затем уже держать экзамен, но лишь в первый класс корпуса.

Возвратившись из Нижнего Новгорода, я вместе с моим товарищем Борисом Забуруновым приступил к подготовке к экзаменам в корпус у моего родственника, окончившего академию Генерального штаба, капитана Яблонского. Нам нужно было главным образом выучить те басни и стихотворения, которые требовались при поступлении в корпус, а в гимназии мы не проходили. Одновременно в течение месяца мы повторяли другие предметы по программе.

В день, назначенный к выезду, я, находясь в подавленном состоянии, побывал у своего крестного отца, чтобы проститься и получить благословение на учение. Затем настала минута прощания с матерью. После благословения иконой мать обняла меня, замерла с рыданиями, я сам едва крепился, чтобы не заплакать. Но, обладая исключительно терпеливым характером и выдержкой, мать скоро оправилась и пришла в себя. Как тяжело отрываться от себя своего любимого первенца для отправки на чужбину!

На извозчике, прихватив с собой необходимые вещи, в том числе подушки и одеяла, так как тогда ездили со своими постельными принадлежностями, мы отправились на пристань для посадки на пароход, на котором мы с отцом должны были доехать по Волге до Самары с тем, чтобы там пересечь на железную дорогу и ехать до Оренбурга.

Оренбург в те времена являлся порядочным по размерам губернским городом, насчитывавшим 70 тыс. жителей. Раньше в нем находился центр образовательного округа (попечительства), потому здесь было и осталось немало учебных заведений, а именно: два кадетских корпуса, казачье юнкерское училище, женский институт, духовная семинария, гимназия и другие.

Неплюевский корпус располагался в специальном здании среди садов в промежутке между вокзалом и собором.

На противоположном конце города, на возвышенном берегу реки Урала находился 2-й Оренбургский корпус

● ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ ●

в единственном четырехэтажном здании, казавшемся нам небоскребом. Этот корпус предназначался преимущественно для детей офицеров Туркестанского края.

В Неплюевском корпусе значительный процент составляли казаки Оренбургского, Уральского и Астраханского войск. Донцы имели свой кадетский корпус в Новочеркасске.

В назначенный день и час я с отцом и Забурунов с матерью явились в корпус, чтобы держать экзамены. Сначала был произведен медицинский осмотр, а потом в зале по каждому предмету была произведена проверка знаний преподавателями, причем нужно было выдерживать экзамены по закону божьему, по русскому языку, по арифметике и по чистописанию.

Когда я держал экзамен по последнему предмету, воспитатель заглянул в мой экзаменационный лист, взял его и пошел показать инспектору. Видимо, он обратил внимание на мои хорошие отметки. И действительно, когда на другой день мы с отцом взглянули на вывешенный на дверях список принятых в корпус, то моя фамилия стояла на первом месте по полученным мною баллам! Вот что значит хорошая подготовка!

В младших классах корпуса

Трехэтажное здание Неплюевского кадетского корпуса в плане имело вид печатной буквы «Е». В продольной части этой буквы на улице выходили классы, а во двор — общие спальные. Посредине проходил широкий коридор.

В среднем поперечном отростке находились, начиная сверху, церковь, столовая и ниже — гимнастический зал. Спальные на весь день запирались, и мы с утра до ночи проводили время в своем классе, выходя из него только во время перемен и для прогулок. В конце коридора имелся еще рекреационный зал, где строились утром на молитву. Остальное время залом и коридором редко пользовались, тем более что в них не на что было сесть. В средней части здания находились приемные для встречи кадет с родственниками.

В нижнем этаже были расположены лазарет и квартира директора. К заднему фасаду здания примыкали три больших плаца для прогулок кадет. В той же стороне находился флигель с квартирами воспитателей и служащих. Зимой прогулки производились на тротуарах (панелях) по лицевой стороне здания. Кроме того, на плацу устраивались каток и высокие ледяные горки для катания на салазках.

В корпусе всего воспитывались 300 кадет в семи классах по два отделения в классе, следовательно в каждом отделении было 20—25 человек.

Все классы разбивались по возрасту на три роты, младшие два класса составляли 3-ю роту; третий и четвертый классы составляли 2-ю роту и, наконец, пятый, шестой и седьмой классы образовывали 1-ю роту.

Я попал в 1-е отделение 1-го класса, а Забурунов — во 2-е отделение.

В корпусе был установлен следующий распорядок дня. Утром кадет поднимался в 6 часов утра громким барабанным боем, раздававшимся из коридора вдоль спален, по которому проходил барабанщик. Сейчас же в спальную входил дежурный дядька и голосом подбадривал задержавшихся под одеялом.

Кадеты обязаны были тщательно застилать свои постели, затем спешили в чистилку приводить в порядок сапоги, пуговицы на бушлатах, платье, чистили зубы и умывались. Для поддержания себя в аккуратном виде повсюду в помещении были расположены трюмо, и воспитатели понуждали нас чаще поглядывать на себя в зеркало.

В семь часов по сигналу роты строились по классам в своих рекреационных залах, и дежурный воспитатель производил осмотр состояния сапог и одежды. Для этого вдоль фронта шел, пятясь задом, дядька с лампой, так как время было темное, а помещение слабо освещалось керосиновыми лампами; следом за ним двигался дежурный

воспитатель, придирчиво всматриваясь в сапоги и пуговицы стоявших в строю. Кадеты, у которых обнаруживалась неисправность, сейчас же отправлялись в чистилку.

Затем назначенный воспитанник читал перед образом установленные молитвы, после чего рота строем шла в столовую к завтраку, который состоял только из кружки чая с тремя кусками сахара и половины французской булки.

После завтрака все выгонялись на 15 минут на воздух, вне зависимости от состояния погоды, причем при морозе до 5 градусов обязаны были гулять без шинелей.

В восемь часов начинались классные занятия, продолжавшиеся до завтрака в 11 часов, состоявшего из мясного блюда и какой-либо запеканки или форшмака и кружки чая.

В 12 часов снова классные занятия до 3 часов. Из шестичасовых уроков в младших классах было четыре, по которым надо было готовить уроки, а в старших было таких пять уроков. Остальные часы классных занятий составляли: фронт, гимнастика, чистописание, рисование, пение и ручной труд. Кроме того, один раз в неделю по вечерам давались уроки танцев. Игрой на рояле, скрипке и в духовом оркестре также занимались в вечерние часы. В 3 часа шли к обеду, который состоял из трех блюд, причем два раза в неделю на третье блюдо давалась каша: пшенная или гречневая, а в остальные дни кисель, компот, пирожки и пр.

В 4 часа все выходили на часовую прогулку на плац, а зимой на панель.

В 5 часов садились в классы для учения заданных уроков в присутствии воспитателя. За три часа все уроки должны были выучить, и в 8 часов направлялись строем в столовую к вечернему чаю, к которому прилагался только кусок грамм в 200 серого хлеба.

Вот и все обычное питание. Молоко получали только раз в неделю по воскресеньям — четверть кружки к вечернему чаю. Яйца давали только раз в год — на пасху, а масло только по «царским дням» к кофе за завтраком.

После вечернего чая шли в рекреационный зал на молитву и в 9 часов ложились спать.

По праздничным дням вставали в 7 часов, после завтрака шли в церковь к обедне, а накануне вечером — ко всенощной.

Таков порядок проведения дня был по всему корпусу за исключением старших классов, где приготовление уроков начиналось не в 5, а в 6 часов и спать ложились в 10 часов вечера.

Курс наук, проходившийся в корпусе, по объему близко подходил к изучавшемуся в реальном училище.

В первом классе проходили: Закон Божий, русский язык, арифметику, французский язык, чистописание и рисование. Так как я все это уже неплохо изучил в гимназии, кроме французского языка, то здесь мне приходилось лишь повторять пройденное, поэтому мне учиться было легко, и неудивительно, что я вышел по баллам на первое место. Забурунов в своем отделении тоже в первой четверти был первым учеником, во второй сполз на третье место, а там далее — еще ниже. У меня в дальнейшем появился соперник в лице сына преподавателя немецкого языка Жоржа Вейгелина, с которым мы периодически делили первое место в классе.

С наступлением первой субботы кадеты, которые имели в городе родителей, отправились к ним в отпуск, но таких счастливых было не более одной трети, а остальное большинство, в том числе и я, должны были безвыходно находиться в корпусе. Такое положение стало для меня в дальнейшем настолько привычным, что мне казалось даже странным, почему мои товарищи в субботу после последнего урока стремглав бегут переодеваться, чтобы поскорее уйти домой, боясь задержаться хоть на одну минуту в корпусе. У меня дома не было.

*Публикация З.Д. ЯСМАН,
кандидата исторических наук
(Москва)*

(Продолжение следует)

П.И. МЕЛЛИСИНО — ПЕДАГОГ, ПОЛКОВОДЕЦ, АРТИЛЛЕРИСТ

СКУЛЬПТУРЫ Петра Ивановича Меллисино (Мелиссино) нет на примечательном памятнике Екатерине II и ее ближайшим сподвижникам, установленном рядом с Невским проспектом в Петербурге архитектором и скульптором, живописцем и рисовальщиком Михаилом Осиповичем Микешиним. Это неудивительно: Петр Иванович Меллисино не был выдающимся государственным мужем, а являлся лишь добросовестным исполнителем воли великой императрицы, одним из многочисленных представителей военно-чиновничьего слоя Российской Империи.

Петр Иванович родился в 1724 году, по надписи на эпитафии — в 1726-м. Его отец — венецианский грек, приехавший в Россию при Петре I в качестве лекаря, служил долго и стал даже вице-директором Медицинской канцелярии. В царствование Анны Иоанновны Меллисино-отец имел в Петербурге открытый дом, устраивал приемы. Своим детям он стремился дать самое блестящее образование. Петр Иванович кроме русского знал греческий, латинский, турецкий, итальянский, английский, немецкий и французский языки, мастерски рисовал, танцевал, фехтовал, ездил верхом. Отец отдал его на 15-м году жизни в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, в котором он учился целых 10 лет: развитой, образованный, с привлекательной наружностью, он предпочитал светское общество учебному заведению.

Меллисино еще в юности отличался редким умением декламировать. Будучи кадетом а затем офицером Сухопутного кадетского корпуса, молодой человек активно участвовал в театральном кружке. Он выступал не только на сцене корпуса, но и во внутренних покоях императрицы Елизаветы Петровны. Так Петр Иванович Меллисино стал известен при дворе. Почти 20 лет учебы и службы провел Меллисино в Сухопутном кадетском корпусе, участвовал в создании русской театральной труппы, в постановке корпусных кадетских балетов, устраивал фейерверки и иллюминации во время празднеств.

В марте 1759 года Меллисино решил определиться в армию, в артиллерию. Конечно, и здесь сначала он занимался устройством фейерверков, но затем добровольно попросился в действующую армию. Шла Семилетняя война с Пруссией. Командовал артиллеристами Меллисино довольно успешно и из капитана скоро стал полковником.

Современники упрекали Петра Ивановича Меллисино в эпикурействе. Однако это был человек «разносторонний и интересовавшийся всем, что касается умственных течений того времени». Так писали о нем историки Н.П. Жервэ и В.Н. Строев в своем «Историческом очерке 2-го кадетского корпуса»¹. Походный отряд артиллерии под командованием полковника Меллисино участвовал в дворцовом перевороте 1762 года, увидевшем на русский трон Екатерину II.

П.И. Меллисино

С портрета неизвестного художника

Когда началась очередная русско-турецкая война, Меллисино служил в 1-й армии князя Александра Михайловича Голицына — командовал артиллерией. В сражении при Ларге 18 июля 1770 года (1-й армией в это время уже командовал генерал-аншеф П.А. Румянцев) Петр Иванович показал себя храбрым и умелым военачальником. Он вывез свои орудия к турецким укреплениям, охраняемым артиллерией, и вступил с нею в бой. Подбив несколько орудий, он значительно ослабил неприятельский артиллерийский огонь, что облегчило подготовку атаки русской армии. «Но еще более отличился он при Кагуле, — пишет о П.И. Меллисино историк Василий Федорович Ратч в своих «Сведениях о графе Алексее Андреевиче Аракчееве», — когда в самом начале сражения многочисленная турецкая конница, пущенная в атаку, была остановлена и опрокинута частым огнем под его начальством находившейся артиллерии — дело, за которое он получил Георгия 3-го класса»². А в январе 1770 года Петр Иванович стал генерал-майором.

За время войны Меллисино сблизился с Григорием Александровичем Потемкиным, в будущем светлейшим князем Таврическим, фаворитом, а впоследствии тайным мужем и соправителем Екатерины II. Потемкин рекомендовал Петра Ивановича в качестве командира Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса. Кандидатура оказалась подходящей. Императрица несколько раз беседовала с Меллисино и убедилась, что сделала правильный выбор. Петру Ивановичу был пожалован чин генерал-поручика.

К чести Меллисино он прямо и смело высказал императрице свои сомнения по поводу ее планов сократить срок обучения и численность начальных классов, существовавших при кадетском корпусе, и комплектовать их на базе выпускников других учебных заведений. По мнению императрицы, это долж-

● ЗАБЫТОЕ ИМЯ ●

но было привести к сокращению расходов на содержание корпуса, но при этом предполагалось принимать в него до тысячи мальчиков ежегодно, так как артиллерии и инженерным войскам требовалось все больше офицеров, поскольку страна вела почти непрерывные войны. Петр Иванович убеждал императрицу, что осуществление ее планов приведет к резкому снижению уровня подготовки кадетов и выпускаемых офицеров. Меллисино доказал, что кадетский корпус может существовать только за счет своих же воспитанников «приготовительных» классов, так как в него идут учиться дети бедных дворян, которые за милость считают помещение своих детей еще в малолетнем возрасте в корпус. Если не пойдут малолетние, то и желающих поступить сюда станет недостаточно.

Насколько прав оказался Меллисино, видно на примере Алексея Андреевича Аракчеева. Вместе с отцом, довольно бедным дворянином, мальчик приехал в Петербург именно для поступления в Артиллерийский и инженерный кадетский корпус. В течение нескольких месяцев они, подав прошение и практически голодая, ежедневно приходили в приемную, молча встречали Меллисино и покорно ждали ответа на свое прошение о зачислении мальчика в корпус. Однажды ребенок не выдержал, бросился к генералу, рассказал о своей беде и умолял Петра Ивановича принять его в корпус. Он как раз и был одним из тех бедных дворян, для которых только элементарные классы открывали путь к дальнейшему учению и офицерской службе в российской армии. Аракчеева приняли, и он оправдал расположение к нему П.И. Меллисино, который особенно полюбил юношу за «исправность» в учебе и службе.

С именем Меллисино связаны самые яркие страницы в истории корпуса. Даже простой перечень того, что сделал в руководимом им учебном заведении Петр Иванович, показывает, что это был замечательный педагог. Н.П. Жервэ и В.Н. Строев, историки кадетского корпуса, сообщают, что Меллисино разработал полные и толковые должностные инструкции для кадетов и всех служащих в корпусе. Он сочувствовал в целом передовым просветительским идеям, установил новый порядок экзаменов, гулял с воспитанниками в саду, чтобы лучше узнать их, отменил телесные наказания для кадетов, и если уже такие применялись, то лишь по письменному разрешению генерала. По проекту реформ, одобренному императрицей, Меллисино усилил в программе обучения общеобразовательную подготовку, расширил преподавание истории и географии. В курс обучения были введены естественная история, верховая езда и иностранные языки: немецкий и французский. Больше внимания стало уделяться не только тактике, но и артиллерии, фортификации. В корпусе существовало пополнялась библиотека, было приобретено много инструментов для физических упражнений, устроены кабинеты естествознания и истории, артиллерийская лаборатория. Кадетов стали учить даже основам морского дела.

Среди известных воспитанников и офицеров Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса в период управления им П.И. Меллисино должны быть названы: генерал Алексей Петрович Ермолов, управлявший долгое время Кавказом, математики С.Е. Гурьев и В.И. Висковатов. Корпус выпустил десятки достойных офицеров для русской армии.

Стремясь упрочить славу своего учебного заведе-

ния, Петр Иванович старался постоянно находиться в кругу знатных вельмож, поддерживал с ними самые теплые отношения, давал пиры на славу, угощал знатно и соперничал в роскоши с самыми богатыми людьми. Однако на самом деле он располагал весьма скромными средствами, а чтобы пустить пыль в глаза, не всегда строго отделял свои кровные деньги от казенных. Императрица знала об этом, ворчала, но охотно, но прощала генерала. Когда началась война со Швецией, Петру Ивановичу снова поручили командовать всей русской артиллерией, в том числе и в финляндских крепостях. Он сделал много полезного, что было с удовлетворением отмечено и светлейшим князем Потемкиным, и императрицей. У Меллисино от счастья закружилась голова. Вообразив себя видным вельможей, он на одном балу не очень почтительно отозвался о Потемкине. «Доброжелатели» немедленно донесли об этом фавориту. Тот сразу вызвал генерала к себе, но принял его, лежа на кровати, и разговаривал уничижительно.

Меллисино молча выслушал оскорбления, понял, конечно, свою ошибку, но сдаваться не собирался. С этих пор он стал заметно сближаться с нелюбимым при дворе наследником престола великим князем Павлом Петровичем: всячески угождал цесаревичу, особенно по части обустройства артиллерии в Гатчине, рекомендовал ему неизвестного тогда Алексея Андреевича Аракчеева. Последний ценил это до конца своей жизни.

Павел Петрович глубоко уважал Меллисино, был уверен в его преданности. И потому, как только стал императором, возвысил и обласкал, присвоил ему чин генерала от артиллерии и назначил командиром всех артиллерийских и инженерных корпусов русской армии³.

В.Ф. Ратч, собравший наиболее полные сведения о жизни и деятельности Петра Ивановича Меллисино, вполне справедливо считал, что новый главнокомандующий русской артиллерией и инженерными войсками оказал русской армии большую услугу «правильным устройством и развитием практических артиллерийских учений кадетского корпуса». Исследователь отмечал, что Меллисино первым приступил к преобразованиям, которые стали к тому времени вопиющей потребностью. «Огромная тяжесть пушек, отливаемых в России, — отмечал Ратч, — парализовала деятельное участие, которое артиллерия могла принимать в боях, против обстрела же орудий восставали арсеналы, угрожая малой их прочностью при уменьшении количества металла. Для получения положительных данных, необходимых для решения этих вопросов, Меллисино приказал производить опыты над орудиями, отлитыми из различной смеси, с целью определения наилучшей пропорции для прочности орудий. Но при свойственной ему беспечности, когда его не подталкивала нужда, он допустил, что четыре года вяло тянулись эти опыты, которые были многим не по сердцу, и при Меллисино не последовало никаких изменений в размерах наших орудий. На основании полученных результатов установилась только пропорция составных частей меди и олова».

И еще несколько строк о П.И. Меллисино. Он был женат на Марии Дмитриевне Кацаревой, имел сына Алексея, но вел, как тогда говорили, рассеянный образ жизни. Великий князь Николай Михайлович в ценнейшем издании «Русские портреты XVIII и XIX столетий» поместил такой текст к его замечательному портрету маслом, хранившемуся в Петербурге у

А.А. Ватаци (художник неизвестен): «Меллисино не был идеалом добродетелей, но, наоборот, был самым слабохарактерным и до глубокой старости сластолюбивым человеком. Его дом был образцом не только европейского комфорта, но и чисто восточной неги. На его даче, на Елагином острове, была великолепная баня с бассейном на 12 человек, и купальщички в ней вытирались «индейской кисеей, затканной по бортам шелковыми цветами и золотом», после купания гости усаживались за обед в роскошной туфельной палатке на цветущем лугу, причем шла оглушительная пальба из пушек, любезная слуху артиллериста-хозяина, но заставлявшая более слабонервных гостей желать, чтобы эта пальба происходила не так близко от них»⁴.

В сентябре 1797 года Петр Иванович почувствовал себя плохо. Он вынужден был отказаться от председательствования в Канцелярии главной артиллерии и фортификации и даже не смог подписывать необходимые по службе бумаги. Скоро оказалось, что его заболевание неизлечимо. Через три месяца он скончался, был оплакан императором Павлом I и его приближенными и погребен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге.

Однако точку в повествовании о Петре Ивановиче Меллисино ставить рано. Он был не только педагогом и боевым генералом, но и сыграл немалую роль в истории русского масонства. После быстрого и широкого распространения этого течения во многих странах внутри его возникло множество самых разнообразных ответвлений. В России, как утверждал историк масонства Ю.М. Лотман, оно отличалось неопределенностью идеалов, вследствие чего стало распространяться в разных кругах общества. В 70—80-х годах XVIII века масоны в России считали человеческую натуру злой, антиобщественной, а человеческое общество — ареной всеобщей вражды, они отрицали необходимость социальных реформ и революций. Модно стало объявлять существовавшую действительность царством зла⁵. Усилились выступления внутри масонства за гуманистическую филантропию. Русские масоны стали звать «в будущее царство всемирного братства» через всеобщее просвещение людей под эгидой тайных руководителей масонского ордена.

Все это не могло не настораживать Екатерину II. В начале своего царствования она довольно безразлично относилась к распространению масонства в стране. Но затем в ее взглядах на него произошел заметный перелом. Прежде ее вполне устраивало даже левое масонство, но в 1792 году она запретила масонство в России. Павел Петрович, напротив, совершенно явно покровительствовал масонам и, взойдя на трон, материнский запрет отменил. А Петр Иванович Меллисино с юности играл заметную роль в русском масонстве. Во всяком случае, о принадлежности к масонству еще в пору его службы в Сухопутном корпусе упоминается в донесении Михаила Олсуфьева графу А.И. Шувалову, составленному в 1756 году по приказу императрицы Елизаветы Петровны. Имел связи с масонами и тот театральный кадетский кружок, о котором речь шла раньше. В известных Елагинских масонских ложах П.И. Меллисино играл роль первого надзирателя, что при их строго регламентированных уставных нормах было одной из самых высоких степеней доверия⁶. П.И. Меллисино создал масонскую военную ложу в Яссах. Историк масонства Г.В. Вернадский считал, что она была основана как ответвление от

Великой ложи Англии⁷. Кроме того, Меллисино создал еще одну ложу, она называлась ложей Скромности, точнее, Молчаливости. Основанная на особой системе взглядов Петра Ивановича на масонство, эта ложа испытывала на себе влияние французских, шведских и немецких масонов, хотя, как утверждает историк масонства А.В. Семека⁸, была вполне самостоятельной. Система взглядов Меллисино отличалась квазинаучным содержанием и сохраняла в угоду русской знати пышные ритуалы и церемонии. Вряд ли она пользовалась широким распространением в стране. Ложа Скромности в действительности славилась концертами, вечерами, убранством и торжественностью ритуалов. Однако ее деятельность не вполне соответствовала внешнему великолепию. По словам историка всемирного масонства Фишера, система Петра Ивановича Меллисино вводила в обиход «пустосвятство, игру с молитвами и клятвами без всякого смысла, меры и цели».

В 1782 году Екатерина II выразила порицание провинциальной ложе масонов за связь с великим князем Павлом Петровичем и удалила из Петербурга князей А.Б. Куракина и Г.П. Гагарина. В этом же году по желанию Екатерины II Меллисино закрыл ложу Скромности. В письме к членам ложи по этому поводу он писал: «Как прекрасна была утренняя заря масонства на здешнем небосводе, все же... себялюбие, недоверие и самочинное мудрствование затмили дальнейшую ясность солнечного восхода. Эти пороки, матери партийного духа и сектантства, заползли в орден, и родились у них подобные же дети: вражда и презрение разорвали узы единения, удалили от первоначальных целей ордена, обесценили пользу для одних членов, навлекли на себя презрительную усмешку других».

В 1786 году, как только политическая обстановка на русском Олимпе изменилась, Петр Иванович возобновил работу ложи. Относительно благоприятная обстановка в России для масонов сохранялась несколько лет. В 1793 году, опасаясь влияния Великой французской революции и якобинцев, которые прикрывались масонством, Екатерина II приказала закрыть все русские масонские ложи. Императрица поручила это дело Петру Ивановичу Меллисино. Он выполнил поручение без всяких сомнений и угрызений совести, ибо стойкостью политических убеждений никогда не отличался.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жервэ Н.П. и Строев В.Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712—1912. Т. 1. СПб., 1912. С. 66—69.

² Ратч В.Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. СПб., 1864. С. 33.

³ Струков Д.П. Главное артиллерийское управление. Ч. 1. Кн. 1: Исторический очерк. СПб., 1902. С. 303, 309—310.

⁴ Романов Н.М. Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1907. Т. V. Вып. 2. № 35.

⁵ Лотман Ю.М. Масонство // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 15. С. 448.

⁶ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 92—96 и др.

⁷ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 228.

⁸ Семека А.В. Русское масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1914. Кн. 1. С. 127, примеч.

Е.Р. ОЛЬХОВСКИЙ

«НЕТ БОЛЬШЕ ТОЙ ЛЮБВИ, КАК ЕСЛИ КТО ПОЛОЖИТ ДУШУ СВОЮ ЗА ДРУГИ СВОЯ»

Из истории традиций, ритуалов
и обычаев русских воинов

В наше нелегкое время заметно растет интерес к событиям русской истории. Важным элементом государственности на Руси испокон веков являлись вооруженные силы, призванные стоять на страже интересов Отечества. Их особые задачи и организация оказали влияние на формирование правил и норм поведения воинов в бою и обществе, взаимоотношений между старшими и младшими.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ след в военной истории оставили скифы — воинственный народ, имевший собственную армию и создавший мощное государство, достигшее своего расцвета во II веке до н.э. Скифы совершали походы в Переднюю Азию и на Северный Кавказ, вели войны с Боспорским и Понтийским царствами, успешно противостояли войскам Дария и Александра Македонского.

Во главе скифского войска стояли цари и племенные вожди, пользовавшиеся непрерываемым авторитетом. Сложившиеся у них воинские обряды и ритуалы были направлены на их почитание, прославление и беспрекословное выполнение отдаваемых приказов.

Когда царь умирал, для его погребения выкапывали четырехугольную яму, а затем бальзамировали тело и возили в специальной повозке, показывая племенам, над которыми господствовали скифы. Затем тело царя опускали в могилу, помещая следом удушенных наложниц, виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника и лошадей. По истечении года со дня похорон из свиты умершего царя отбирали 50 лучших воинов, которых также умерщвляли. После этого тела бальзамировались, протыкались вдоль позвоночника колом для прямохождения и помещались на чучела лошадей.

Отличительной особенностью скифов был иносказательный характер военно-дипломатических посланий. Скифские руководители, как правило, предлагали противнику угадать скрытый смысл сказанных слов или посланных предметов. Так, царь скифов Идантирс выслал персидскому царю Дарию вестника, принесшего ему в дар рыбу, голубя, мышшь и пять стрел, что должно было означать: «Если вы, персы, не уплывете в море, как рыбы, не улетите, как птицы, в небо или не зареетесь, как мышшь, в землю, всех вас поразят наши острые стрелы». От того, насколько правильно Дарий мог истолковать данные предметы, зависела судьба его войска и дальнейший ход боевых действий¹.

Военная практика скифов была наполнена множеством обычаев и ритуалов, которые воспитывали у воинов храбрость и честность. Так, у них существовал обычай

«круговой чаши», когда один раз в год начальник округа (военно-территориальной единицы) собирал округление и предлагал испить вина из кратера (специального сосуда для смешивания вина с водой) воинам, у которых на счету имелись убитые враги. Те воины, которые еще не совершили убийства, не пили и сидели отдельно, что считалось величайшим унижением.

Скифы высоко ценили дружбу, товарищество и данное кому-либо слово. Для закрепления клятвы совершался следующий обряд: в большой глиняный килик (сосуд для питья вина) наливало вино, смешивалось с кровью тех, кто произносил подобные клятвы, затем в килик опускались мечи-акинаки, стрелы, двойная секира, дротики; после молитвы над чаном содержимое выпивалось.

Многие обычаи были непосредственно связаны с военными действиями скифов. Например, убив своего первого врага, воин пил его кровь; у убитых отрубали головы и приносили царю, за что получали долю добычи. Существовали ритуалы скальпирования черепов убитых врагов и изготовления из снятой кожи особых платов. У кого их было больше, тот считался самым доблестным мужем².

Исторические документы свидетельствуют, что скифы, заселявшие Северное Причерноморье (тавроскифы), никогда не сдавались живыми неприятелю. Заметив, что враг одолевает, они совершали ритуал самоубийства, пронзая себя мечами. Причина данного поведения крылась в вере скифов, что убитые в сражении служат в аду своим убийцам. Несмотря на очевидную антигуманную направленность, подобные «боевые» обычаи формировали у воинов бесстрашие.

Следует отметить особое отношение скифов к золоту, которое использовалось при изготовлении оружия, амуниции и воинской символики. Благородный металл мифологизировался и отождествлялся с Солнцем, и поэтому все вещи, в состав которых входило золото, имели сакральный смысл.

В III веке н.э. скифская держава была уничтожена готами. Скифы потеряли свою самостоятельность и этническое своеобразие, растворившись среди племен и народов Северного Причерноморья. Но успехи скифов в военном деле, экономике, искусстве оказали значительное влияние на развитие других народов, в частности, восточных славян.

К IX веку они расселились на территориях, ограниченных с севера рекой Волховом, Чудским и Ладожским озерами, с юга — низовьями Дуная, с запада — Прикарпатем и Западным Бугом, а с востока — Доном и верховьем Волги. Не имея достаточных знаний о ведении военных действий и способах боевого построения, восточные славяне тем не менее успешно воевали, получая богатую добычу³.

Особое положение в тот период было у племенных вождей, которые имели право не заниматься ремеслом и земледелием.

С детских лет мальчиков приучали уважительно относиться к вождю и ко всем старшим. Этому способствовало создание специальных лагерей, по подобию спартанских, где молодое поколение под руководством опытных наставников постигало азы искусства охоты и войны.

Правила обращения к вождям со стороны воинов были демократичны и просты. Подчиненные не падали ниц, а обращались коротко: «Князь!»

Подобная «простота» объяснялась, по всей видимости, свободолюбием и широтой души русского человека, который во всех окружающих стремился видеть себе равного. Однако это не ослабляло воинскую дисциплину в стане древнерусских воинов и несколько не подрывало основ единоначалия.

При выступлении войска в поход совершались определенные обряды и магические действия, для того чтобы обеспечить удачу. С этой целью возводились идола в честь богов-покровителей воинов. Например, Перун ассо-

цировался у древних славян с громом и молнией и «был небесным покровителем княжеской дружины, а она... клялася оружием своим и Перуном богом своим»⁴. Велес (Волос), как покровитель скота, тоже занимал особое положение в иерархии языческих божеств. Согласно историческим документам княжеская дружина клялася Перуном, а остальное войско — «Волосом, скотом богом».

Совершение воинами обрядов и магических действий возле идолов богов положило впоследствии начало другой традиции русского воинства — поклонению православным святыням перед началом боевых действий. А ритуал принятия военной присяги зародился из клятвы винов-славян языческим богам накануне битвы.

Перед идолом Перуна с положением оружия, дарами и принесением жертвы произносилось: «...да имеем клятву от Бога, в его же веруем, в Перуна и в Волоса, и да будем золоти яко золото, и своим оружием иссечены будем»⁵. Слова «да будем золоти яко золото» означали «иссохнем, сторим от небесного огня».

У славян было особое отношение к чужестранцам. Так, если бы оказалось, что по нерадению того, кто принимал у себя иноземца, последний потерпел какой-либо ущерб, принимавший его ранее начинал войну против виновного, считая долгом чести отомстить за чужеземца⁶.

К пленным воинам славянские племена относились иначе, чем представители других народов. Попавшие в плен не становились рабами. Им предлагали выбор: заплатить выкуп и отправиться на свободу или остаться со своими завоевателями на правах свободных людей и друзей. Такое великодушие в отношении пленных русские люди сохранили и в дальнейшем.

Одежда у древних славян была проста. По свидетельству византийского историка Прокопия из Кесарии, воины вступали в битву со щитами и дротиками в руках, «...панцирей же они никогда не надевают, иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а только штаны, стянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами»⁷.

С образованием Киевской Руси в IX веке отряды вооруженных людей, объединенных единым управлением, стали важнейшим элементом древнерусского государства.

В 911 году, спустя четыре года после успешного похода князя Олега (879—912)* на столицу Византии — Константинополь, с греками был подписан первый в русской истории письменный договор о мире и дружбе. В нем определялись правила поведения и устанавливались наказания за их нарушение и совершение различных преступлений. Если кто-то из подданных двух стран совершал преступление, доказывать это должны были свидетели. Убийцу, застигнутого на месте преступления, можно было убить. Если же убийце удавалось убежать, то его богатства (кроме богатств, принадлежавших по закону его жене) передавались в собственность родственникам погибшего. За ранения виновный должен был платить серебром или даже своей одеждой, если поклянется, что большую сумму за него некому заплатить. Было предусмотрено также, что русские и греки могли выкупать своих пленных и рабов⁸.

В свой первый самостоятельный поход великий князь Киевский Святослав (957—972) повел дружину, когда ему было двадцать два года. «Котлов он за собой не возил, — сообщает летописец, — мяса в походе не варил, но, тонко изрезав конину или зверину, испекал на углях и ел. Шатров у него не было, ложась спать, клал под себя потник с коня, а под голову седло»⁹. Под стать князю была и его пешая дружина. Воины не возили с собой больших обозов, ратное войско было легким и подвижным, привыкшим к суровой жизни.

Святослав — автор знаменитого выражения «Иду на вы!» («Хочу на вас итти», «Хочу итти на вас»). Суть его заключалась в том, что военачальник, собираясь на вой-

ну, не таился, а по-рыцарски предупреждал своего будущего противника о нападении. Это была не самоуверенность, а убежденность в стойкости духа и силе русского оружия, выраженная подобным образом.

При Святославе появились ритуалы обращения князя перед битвой к дружине и ответная клятва воинов. В 971 году, после победы над болгарами Святослав двинул свое войско на греков. Видя смятение своей 10-тысячной рати, которой вышла противостоят 100-тысячная греческая армия, князь произнес ставшую знаменитой фразу: «Уж нам некуда деться: волей-неволей придется стать против, да не посрамят земли русской, но ляжем здесь костями, мертвые ведь не будут иметь позора; если же побегим, то позор будет на нас. Не убежим, но станем крепко, а я пойду впереди вас; если моя голова ляжет, то подумайте сами о себе». Святославу воины-дружинники ответили словами-клятвой: «Где твоя голова ляжет, тут и мы свои головы сложим». В той битве войско князя одержало блестящую победу.

Со времен Киевской Руси зародился обычай начинать сражения схватками богатырей, что способствовало воспитанию у ратных людей мужества, гордости за свое Отечество, чувства принадлежности к военной организации. Исход такого поединка много давал стороне, выставлявшей победителя. Самый известный подобный бой богатырей состоялся перед Куликовской битвой. Когда утром 8 сентября 1380 года рассеялся туман и противники увидели друг друга, то по старинному обычаю навстречу выехали два воина — татарин Темир-Мурза (Челубей) и русский Пересвет, монах Троицкого монастыря, бывший в миру брянским боярином Александром. По велению своего игумена Пересвет вместо защитных доспехов был одет в черную монашескую схиму и клобук. С копьями наперевес всадники сшиблись, разогнав коней в отчаянной схватке. После смертельных ударов Челубей упал головой к своему войску — плохая примета, означавшая поражение. Пересвет, тоже пронзенный копьем, несколько секунд продержался в седле и упал головой к татарам.

Некоторые правила воинского поведения средневековой Руси содержатся и в «Поучении» великого князя Киевского Владимира Мономаха (1113—1125), которое было обращено не только к его детям, но и к более широкой аудитории¹⁰.

Основная часть «Поучения» написана в 1099 году. В нем Владимир Мономах осудил те самые недостатки, в которых упрекали его предшественника, Святополка (беззаконие, нераспорядительность, клятвоступление), рассказал о себе и дал многочисленные наставления: «О дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас, но благоденствие. Не забывайте бедных; кормите их и мыслите, что всякое достояние есть божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в недрах Земли; сие противно христианству. Будьте отцами сирот; судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа христианина священна. ...Бойтесь всякой лжи, пьянства и любострастия... Читте старых людей как отцов, любите юных как братьев. ... На войне будьте деятельны; служите примером для воинов»¹¹.

В 1111 году Владимир Мономах стал вдохновителем грандиозного выступления русских войск против половцев. Ему придавался характер крестового похода по образцу крестовых походов западных рыцарей против мусульман. Впереди войска ехали священнослужители с крестами, исполняли песнопения и т.д.

При Владимире Мономахе успешные возвращения войск из походов отмечались как всенародные праздники, пышно, с соблюдением определенных правил, регламентирующих эти мероприятия. Так, князь с боярами и другими пировал на «сенях» (высокой галерее дворца), а во дворе ставились столы

* Здесь и далее указаны годы правления.

● ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ●

для народа. На эти пиры съезжались «посадники и старейшины по всем градам и люди многи», «бесчисленное множество народа».

Смысл воинской идеологии и воспитания изменился еще с принятием на Руси христианства (988 г.). Если в языческий период воин был готов погибнуть только ради князя и товарищей по строю, то во времена православия он совершал акт самопожертвования за всех тех, кого призван был защищать. Слова Священного Писания: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя», стали лейтмотивом поведения русских воинов. Большую роль в развитии правил и норм воинского поведения сыграла Русская православная церковь, сформировавшая новые духовные ценности народа. Одним из главных вопросов, на которые должна была ответить церковь, был следующий: имеет ли право воин убивать себе равного на войне? По убеждению православных иерархов, война — это крайнее средство разрешения имеющихся земных противоречий и наказания неправедных людей. Церковь благовладала воинство на войну, если она была вызвана большим злом, неправдой противной стороны и стала необходима для спасения народа. Поэтому православие почитает ратное дело священным, а воинов называет христолюбивыми.

В недрах данных положений зародилась традиция благословения воинства на битву священнослужителями.

Широко известен факт прибытия накануне Куликовской битвы Великого князя Московского Дмитрия Ивановича (1359—1389) со своей дружиной в Свято-Троицкий монастырь. По просьбе князя преподобный игумен обители Сергей Радонежский отслужил литургию, после которой состоялась беседа двух великих людей. «Тебе, господине княже, — говорил преподобный Сергей, — следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою положить, и кровь свою пролить по образу самого Христа, который свою за нас пролил. Иди, господине, не боязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов. Победиши враги твоя...»¹².

Русская православная церковь была также инициатором освящения знамен и хоругвей, служения панихид по погибшим ратникам, причисления лучших воинов к лику святых и учреждения в честь них особых наград. Впоследствии традиция создания орденов и медалей в память о выдающихся полководцах Руси была возрождена в советский период.

Немалый вклад в развитие воинских традиций внес Иван IV Грозный (1533—1584). Проводя реформы, направленные на укрепление войска, царь много внимания уделял воспитанию высокого боевого духа воинов, что достигалось бережным отношением к старым и внедрением новых ритуалов.

Как отмечали иностранцы, жившие в те времена в Москве и встречавшиеся с самодержцем, Иван Грозный стремился подчеркнуть важное значение формы одежды. В русской армии одевание воина считалось признаком его достоинства. В ряде случаев военная одежда была едва ли не первостепенной наградой. Известно, что Иван III (1462—1505) еще в 1469 году награждал устюжан за мужество, проявленное в сечах, тремястами сермягами и бараньими шубами, удобными для ратных походов¹³.

Иван IV — инициатор создания стрелецкого войска, в котором стал появляться единообразный военный костюм, призванный различать иерархию военнослужащих и рода войск. В середине XVI — начале XVIII века стрельцы одевались в мягкие суконные шапки, отороченные мехом (в бою заменялись шлемами), длиннополые кафтаны красного цвета с белыми берендейками (перевязями), высокие цветные сапоги. Полки стрельцов различались по цвету кафтанов, воротников, шапок и сапог (красного, черного, белого).

Правда, бывали случаи, когда служивые люди, осо-

бенно те, кто обладал материальным достатком, злоупотребляли излишней красотой и роскошью в одежде, что вносило определенный диссонанс во взаимоотношения с сослуживцами. Так, автор «Книги о великом и могущественном царе» англичанин Ченслер отмечал, что некоторые русские воины «покрывают свои кольчуги бархатом или золотой или серебряной парчой: это их страсть — одеваться роскошно в походе... Как я слышал, украшения их кольчуги очень дороги... Сам князь одевается богато свыше всякой меры: его шатер покрывается золотой и серебряной парчой, до того усыпанной драгоценными камнями, что чудно смотреть; я видел шатры королей английского и французского, которые великолепны, однако же и те не походят на этот»¹⁴.

При Иване Грозном старшие всадники перед битвой привязывали к своим седлам по небольшому медному барабану, в который они били, отдавая приказания или устремляясь на неприятеля. Кроме того, в войсках имелись барабаны большого размера, которые возили на досках, положенных на четырех лошадей. Этих лошадей связывали цепями и приставляли к каждой связке восемь барабанщиков. Были у русских воинов и трубы, которые издавали особые звуки. Когда войско шло в наступление, все начинали кричать, а музыканты дудели в трубы и били в барабаны, что производило устрашающий эффект.

Иван Грозный ввел в обиход отличительные знаки, которыми награждал за храбрость в бою: «золотой» — монету из благородного металла с изображением Святого Георгия на коне и «московку» — серебряную или позолоченную копейку. Награжденные носили их на руках или на шапках. Эти знаки послужили прообразами первых русских медалей¹⁵.

Величайшей заслугой Ивана Грозного явилось то, что он впервые предпринял попытку законодательного закрепления норм и правил воинского поведения. В «Уложении о службе» (1556 г.) были обозначены: порядок взаимоотношений между служивыми людьми и представителями местного населения, у которых ратники останавливались на постой, правила проведения первых периодических военных смотров, ответственность за неявку на военную службу. В «Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе» (1571 г.) определялись правила несения пограничной службы и ответственность за их неисполнение или нарушение. Интересны следующие строки: «А стоять сторожем с конь не седеая... А станов не делати, а огни класть не в одном месте; коли кашу сварити, и тогда огня в одном месте не класть дважды, а в коем месте кто подднвал, и в том месте не ночевати, и где кто ночевал, и в том месте не подднвати». Указанные нормы явились предтечей зарождения правил служебного этикета воинов пограничной стражи¹⁶.

Традиция законодательного закрепления норм и правил воинского поведения была продолжена и после Ивана Грозного. В 1607 году при Василии Шуйском (1606—1610) вышел в свет «Устав ратных и пушечных дел», который в 1621 году был дополнен при Михаиле Федоровиче Романове (1613—1645). Данный документ обобщал военный опыт Италии, Франции, Испании, Голландии, Англии, Польского и Литовского королевств, применительно к российской действительности. В числе других имелось положение «Устава...», направленное на установление «крепкого ратного строения». Так, в статье 23 говорилось о том, что воеводы перед битвой с неприятелем должны были обращаться к воинам с папущественным словом, как это делали древнерусские князья, показывая пример воинам в бою.

Статья 90 «Устава...» раскрывала ряд правил, касающихся взаимоотношений защитников осажденного города с неприятелем. Во-первых, всем предписывалось с врагами не разговаривать и не ругаться, «потому что в таких речах бывают измена и наветы изменные». Во-

вторых, если неприятель начнет задираТЬ «позорными словесами», то есть чрезмерно оскорблять достоинство русских защитников, то ему следует отвечать тем же, но не более того. Кто ослушивался данного правила, нес жестокое наказание¹⁷.

В царствование Алексея Михайловича (1645—1676) также был принят ряд документов, относящихся к военной службе. В «Соборном уложении» (1649 г.) была специальная глава «О службе всяких ратных людей Московского государства» (32 статьи). Здесь определялись основные положения государственной ратной службы и правила наказания за их неисполнение. Например, в статье 8 говорилось, что если служивый убежал с государственной службы в первый раз, то «подлежал наказанию кнутом, если во второй раз — наказанию кнутом и лишению рубля, а если убежал в третий раз, то подлежал битию кнутом, лишению поместья и отданию в раздачу». Согласно 20-й статье за измену и переход в стан неприятеля наказанием была смерть с выставлением трупа перед вражескими полками, лишение поместья и вотчины в пользу государя¹⁸.

По всей видимости, подобные этикетные правила устаревшего характера были продиктованы суровостью тех времен, необходимостью укрепления воинской дисциплины и порядка.

Еще один важный документ, принятый при Алексее Михайловиче, назывался «Учение и хитрость ратного строя». Он явился результатом творческой переработки австрийского устава, принятого в XVII веке в ряде европейских государств, с учетом особенностей русской армии того времени. Справедливости ради следует отметить, что вследствие сложности «Учение...» должно было распространения не получило, но оставило определенный след в военной практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Культура древних цивилизаций и воинская деятельность. М.: Военный ун-т, 1995. С. 188.

² Там же. С. 191.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 41.

⁴ Очерки истории культуры древних славян. М.: Индрик, 1996. С. 165.

⁵ Полное собрание русских летописей. М., 1926. Вып. 1. Т. 1. С. 285.

⁶ Бескровный Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. М.: Воениздат, 1947. С. 5.

⁷ Сказкин С.Д. Хрестоматия по истории средних веков. М.: Наука, 1961. Т. 1. С. 293—294.

⁸ Калинов В.И. Русские победы. М.: Белый город, 2002. С. 3.

⁹ Военный энциклопедический словарь. В 2 т. М.: Рипол классик, 2001. Т. 2. С. 528.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1993. С. 451—452.

¹¹ Карамзин Н.М. Об истории государства Российского. М.: Просвещение, 1990. С. 64—65.

¹² Золотарев О.В. Христолюбивое воинство русское. М.: Граница, 1994. С. 6.

¹³ Дыгало В.А. Откуда и что на флоте пошло. М.: Прогресс, 1993. С. 207.

¹⁴ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 46.

¹⁵ Дуров В.А. Русские награды XVIII — начала XX в. М.: Просвещение, 1997. С. 9.

¹⁶ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 65—66.

¹⁷ Там же. Указ. соч. С. 91.

¹⁸ Там же. С. 113.

Капитан 2 ранга А.М. КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук
(г. Юбилейный Московской обл.)

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Дорогая редакция,
уважаемые организаторы конкурса!

Обращаюсь к вам из далекого таежного городка, что в Архангельской области. Пишу в вашу редакцию впервые, хотя являюсь читателем и подписчиком ВИЖа с 1965 года с небольшими перерывами. Я страстный любитель военной истории, потому давно уже выписываю военные издания. ВИЖ интересен мне тем, что в нем в настоящее время можно найти множество публикаций, основанных на документах и архивных материалах.

И я был в восторге, когда в «Молодежном военно-историческом журнале» появилась рубрика «Конкурс». Пусть я и далек от молодежного возраста, но и мне эта рубрика очень любопытна. Я всегда рад, когда ко мне обращается та же молодежь как за материалом, так и по вопросам героической летописи России. Спасибо за прекрасный досуг!

До свидания.

Ваш неизменный и преданный почитатель, читатель и участник конкурса,

В.Ф. ГУЖОВ

(г. Шенкурск Архангельской обл.)

Уважаемая редакция!

Я 18 лет работаю учителем истории в селе Малая Пурга Удмуртской Республики, проживаю в 4 км от школы в небольшом городке Агрыз Татарской Республики и каждый день хожу на работу пешком. Мне 43 года. «Военно-исторический журнал» я выписываю с 1990 года и часто использую его на уроках истории, даю школьникам для подготовки сообщений, написания рефератов к экзаменам в 9-х и 11-х классах. Например, в прошлом году ребята писали рефераты о Сталинградской и Курской битвах. С помощью вашего журнала мы изучаем обмундирование, вооружение, награды Российской армии.

Н.А. ГЛАДКИХ

(г. Агрыз, Татарстан)

Уважаемая редакция!

Давно пора печатать кроссворды, криптограммы на военно-патриотическую тему. Пытаясь отгадать первый кроссворд, переработал номера «Военно-исторического журнала» за минувшие 27 лет, так как выписываю его с августа 1977 года. И ни разу не изменил вам.

П.Ф. СЕМЕНОВ

(г. Сясьстрой Ленинградской обл.)

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Очень нравится ваш журнал, много интересного и познавательного.

К сожалению, выписывать журнал для меня несколько затруднительно, так как я офицер армии Узбекистана и подписка в нашу страну стоит дорого.

Ваш постоянный читатель,

Марат

(Узбекистан)

Дорогая редакция!

Ваш журнал очень интересный. «Молодежный военно-исторический журнал» считаю познавательным. С уважением,

Ю.В. ЧУРАКОВА

(г. Тула)

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ МОРСКОЙ АВИАЦИИ РОССИИ

ЗА ВРЕМЯ существования в наградной системе Российской Империи ордена Св. великомученика и Победоносца Георгия (1769—1917 гг.) он являлся самой почитаемой наградой у офицерского корпуса России. Это объяснялось в первую очередь тем, что после 1855 года, когда орден Св. Георгия (только 4-й степени) перестал вручаться за выслугу лет в офицерских чинах, он превратился в исключительно боевую награду, награждение которой производилось за конкретные военные подвиги на сухопутных и морских театрах сражений. Не менее почитаемо было и Георгиевское оружие, вручаемое также за военные отличия*.

В годы Первой мировой войны кавалерами ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия стали немногим более 200 морских офицеров, из них некоторые были удостоены как высшего военного ордена, так и оружия с надписью «За храбрость». В морской авиации кавалерами таких наград стали 17 человек. Причем из 17 героев три человека получили и орден Св. Георгия 4-й степени, и Георгиевское оружие; пять человек — орден 4-й степени; девять человек удостоились Георгиевского оружия с надписью «За храбрость» (см. таблицу).

Уважаемая редакция!

Приветствую выход «Молодежного военно-исторического журнала». Особый интерес у меня вызвал материал «Георгиевские награды гротсмейстера А.А. Алехина» (ВИЖ № 10 за 2003 год). Думается, что подобные материалы представляют интерес как для молодежи, так и для более зрелой читательской аудитории «Военно-исторического журнала».

Слышал, что в годы Первой мировой войны среди офицеров Российского Императорского флота, ставших георгиевскими кавалерами, были и морские летчики. Нельзя ли на страницах журнала рассказать об этом поподробнее. Такой материал ранее нигде и никогда не публиковался, заявляю это с учетом полувекowego увлечения историей отечественной морской авиации.

В.В. ОСТРОВСКИЙ
(Москва)

Таблица

Авиаторы морского ведомства, награжденные в годы Первой мировой войны орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием с надписью «За храбрость»

Чин на момент награждения	Фамилия, имя, отчество	Наименование награды	Приказ по морскому ведомству
1. Старший лейтенант	Горковенко Арсений Николаевич	Орден Св. Георгия 4-й степени	№ 855 от 3 декабря 1916 г. (здесь и далее по старому стилю)
Старший лейтенант	Он же	Георгиевское оружие	№ 36 от 16 января 1917 г.
2. Лейтенант	Дитерихс Владимир Владимирович	Орден Св. Георгия 4-й степени	№ 855 от 3 декабря 1916 г.
Лейтенант	Он же	Георгиевское оружие	№ 785 от 11 декабря 1915 г.
3. Старший лейтенант	Дыбовский Виктор Владимирович	Орден Св. Георгия 4-й степени	№ 786 от 11 декабря 1915 г.
4. Прапорщик	Закаржевский Василий Яковлевич	Георгиевское оружие	№ 81 от 6 февраля 1917 г.
5. Лейтенант	Качинский Виктор Романович	Георгиевское оружие	№ 81 от 6 февраля 1917 г.
6. Лейтенант	Корнилович Георгий Валерьянович	Георгиевское оружие	№ 198 от 14 марта 1916 г.
7. Лейтенант	Коведяев Евгений Егорович	Георгиевское оружие	№ 287 от 4 мая 1915 г.
8. Лейтенант	Лишин Сергей Андреевич	Орден Св. Георгия 4-й степени	№ 557 от 8 сентября 1915 г.
Старший лейтенант	Он же	Георгиевское оружие	№ 839 от 28 ноября 1916 г.
9. Лейтенант	Литвинов 3-й Владимир Александрович	Георгиевское оружие	№ 752 от 1 декабря 1915 г.
10. Лейтенант	Марченко Всеволод Михайлович	Георгиевское оружие	№ 198 от 14 марта 1916 г.
11. Лейтенант	Наркович Владимир Станиславович	Орден Св. Георгия 4-й степени	№ 107 от 10 февраля 1916 г.
12. Лейтенант	Петров Сергей Андреевич	Орден Св. Георгия 4-й степени	№ 840 от 28 ноября 1916 г.

* См.: Приказы по морскому ведомству // Морской сборник. 1914. № 3, офиц. отдел. С. 20—21.

Чин на момент награждения	Фамилия, имя, отчество	Наименование награды	Приказ по морскому ведомству
13. Мичман	Прокофьев Александр Николаевич	Георгиевское оружие	№ 839 от 28 ноября 1916 г.
14. лейтенант	Рагозин Николай Александрович	Георгиевское оружие	№ 287 от 4 мая 1915 г.
15. лейтенант	Туржанский Павел Александрович	Орден Св. Георгия 4-й степени	№ 855 от 3 декабря 1916 г.
16. лейтенант	Утгоф Виктор Викторович	Орден Св. Георгия 4-й степени	№ 446 от 4 июля 1915 г.
17. лейтенант	Ярыгин Сергей Яковлевич	Георгиевское оружие	№ 81 от 6 февраля 1917 г.

Таблица составлена по: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 9. Д. 2357. Л. 7; Д. 4265. Л. 5; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2008. Оп. 1 доп. Д. 1270. Л. 33; Герои отечественной войны 1914—1917 гг. // Военный летчик. 1917. № 5. С. 3; Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920—2000 гг. / Ред. В. В. Лобыцын. М.—Феодосия: Изд-во «Пашков дом», издат. дом «Коктебель», 2001. С. 54, 73, 84, 90, 114, 137, 138; Сборник приказов и циркуляров о личном составе чинов флота и морского ведомства. Пг.: б/и, 1915. С. 378, 684, 907, 1165, 1207, 1208; Сборник приказов и циркуляров о личном составе чинов флота и морского ведомства. Пг.: б/и, 1916. С. 961, 976, 1099, 1100, 1106; Сборник приказов и циркуляров о личном составе чинов флота и морского ведомства. (За 1917 год). Пг.: б/и, 1917. С. 61, 128; Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства. Пг.: Изд. статистического отделения Главного морского штаба, 1916. С. 242, 252, 335, 339, 357, 361, 362; Флот в Белой борьбе / Сост. С. В. Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. С. 133, 327, 432, 563, 589, 598.

Старший лейтенант Горковенко Арсений Николаевич, геройски погибший в воздушном бою в Балтийском небе 13 сентября 1916 года, своих высших наград был удостоен посмертно: ордена Св. Георгия 4-й степени — 3 декабря 1916 года, а Георгиевского оружия — 16 января 1917 года. Лейтенант Дитерихс Владимир Владимирович в начале войны воевал на сухопутном фронте и там был удостоен Георгиевского оружия в декабре 1915 года, а орден Св. Георгия 4-й степени получил уже будучи летчиком авиации Балтийского флота в декабре 1916 года. Интересен следующий факт, что как офицер флота, находящийся в служебной командировке, к наградам он представлялся армейской Георгиевской думой, но утверждение эти представления получали соответствующими высочайшими приказами по морскому ведомству. Старший лейтенант Лишин Сергей Андреевич — первый из морских авиаторов сбивший в 1915 году в воздушном бою летательный аппарат противника — ордена Св. Георгия удостоился в сентябре 1915 года, а Георгиевским оружием был награжден в ноябре 1916-го. В 1917 году С.А. Лишин командовал воздушной дивизией Балтийского флота, которую принял у одного из основателей морской авиации на Балтике капитана 1 ранга Б.П. Дудорова.

Старший лейтенант Дыбовский Виктор Владимирович и лейтенант Наркович Владимир Станиславович стали кавалерами ордена Св. Георгия 4-й степени, находясь в служебных командировках в 20-м корпусном и 32-м корпусном авиационных отрядах соответственно. Балтийские летчики лейтенанты Петров Сергей Андреевич и Туржанский Павел Александрович свои кресты

офицерского ордена 4-й степени получили в конце 1916 года, который на Балтийском флоте стал памятен исключительной активностью нашей морской авиации, а черноморец лейтенант Утгоф Виктор Викторович удостоился ордена в кампании 1915 года.

Георгиевское оружие в годы Первой мировой войны было вручено семерым авиаторам Черноморского флота: лейтенантам Качинскому Викторину Романовичу, Корниловичу Георгию Валерьяновичу, Коведяеву Евгению Егоровичу, Марченко Всеволоду Михайловичу, Рагозину Николаю Александровичу, Ярыгину Сергею Яковлевичу, прапорщику Закаржевскому Василию Яковлевичу и балтийским летчикам лейтенанту Литвинову 3-му Владимиру Александровичу и мичману Прокофьеву Александру Николаевичу.

Таким образом, георгиевские награды в годы Первой мировой войны получили исключительно боевые летчики морской авиации Балтийского и Черноморского флотов и представители флота, командированные от морского ведомства в армейские авиационные отряды. Ни один из основателей морской авиации, ее руководителей периода Великой войны подобных наград удостоен не был (вице-адмирал А.И. Непенин орден Св. Георгия 4-й степени получил за боевые подвиги в Русско-японской войне 1904—1905 гг.). Этот исторический факт лишний раз подчеркивает, что наши предки свято чтли статуты боевых наград, не делая при этом ни для кого никаких исключений.

Полковник В.Л. ГЕРАСИМОВ
(Москва)

Обложка книги

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«Политехника»

Федоров М.Р. Морской некрополь Петербурга. СПб.: Политехника, 2003. 373 с., ил.

Книга представляет собой сборник биографий русских моряков, похороненных на кладбищах Петербурга и его окрестностей. Среди них адмиралы, генералы и офицеры ВМФ различных специальностей, моряки гражданского флота, ученые-кораблестроители, изобретатели и создатели морской техники, герои войны и труда, педагоги, деятели литературы и искусства, связавшие свою судьбу с морским делом.

Книга будет интересна всем читателям, изучающим историю российского флота и кораблестроения.

По просьбе читателей сообщаем, что книги издательства «Политехника» можно приобрести по адресу: 191011, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 6. ФГУП «Издательство "Политехника"».

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА

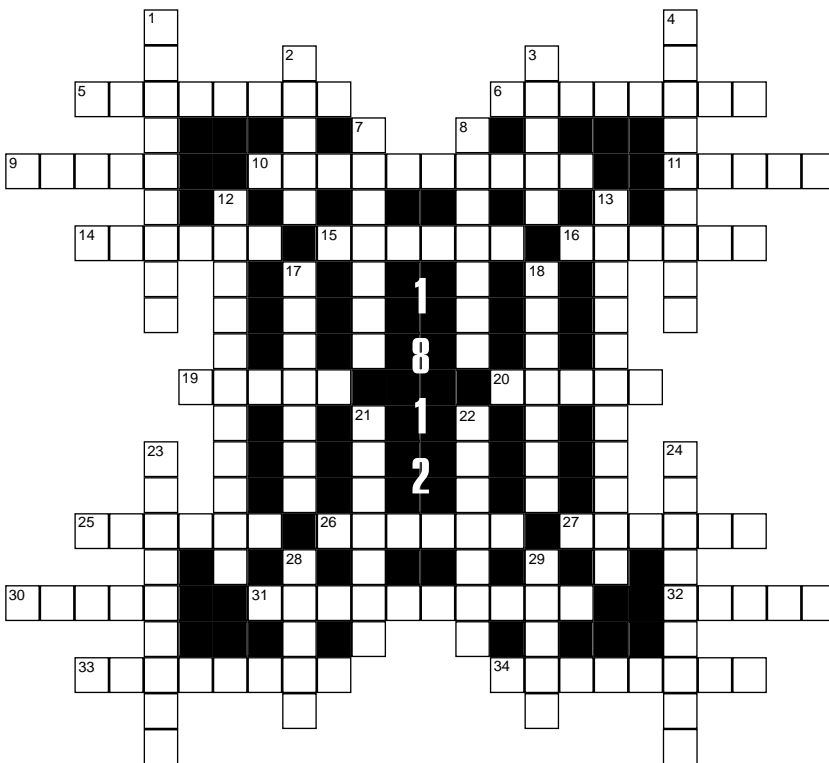

КОНКУРС

Кроссворд «Отечественная война 1812 года»

По вертикали: 1. Незаконченный роман А.С. Пушкина о 1812 году. 2. Французский генерал, командир дивизии, штурмовавший Багратионовы флеши. 3. Плоская сумка, входящая в снаряжение гусара. 4. Русский поэт, участник Отечественной войны 1812 года, автор послания «Вождю победителей», написанного после сражения под Красным. 7. Рядовой пехотного полка, герой Бородинского сражения, запечатленный на памятнике Кутузову возле Бородинской панорамы в Москве. 8. Метод заманивания противника на поле боя, применяемый казаками атамана Платова. 12. Генерал, начальник легендарной дивизии, герой Смоленска, Шевардина и Багратионовых флешей. 13. Композитор, автор музыки к патриотическому гимну «Певец в стане русских воинов». 17. Командир бригады, герой Шевардинского редута, сын известного драматического писателя и внук поэта Сумарокова. 18. Руководитель партизанского отряда, наводившего ужас на французских солдат в районе Звенигорода Московской губернии. 21. Генерал, начальник пехотной дивизии, героически сражавшийся у батареи Раевского, попавший, будучи раненным, в плен и отказавшийся принять от Наполеона возвращаемую ему шпагу со словами: «Не желаю принимать шпагу из рук врага». 22. Полковник, артиллерийский начальник, обеспечивший огнем своих батарей успешное проведение знаменитой Ермоловской контратаки на Курганную высоту. 23. Командир гвардейского морского экипажа, участник Бородинского сражения. 24. Деталь в форме одежды гусаров. 28. Один из видов оружия партизан 1812 года. 29. Отважный юный партизан 1812 года, лично захвативший в плен несколько французских солдат.

По горизонтали: 5. Генерал, герой Бородинского сражения, начальник дивизии, защищавшей Утицкий курган. 6. Генерал, герой Отечественной войны 1812 года, о котором сказано: «Он был в Смоленске шит, в Париже — меч России». 9. Головной убор драгун. 10. Головной убор солдат знаменитого лейб-гвардии Павловского полка. 11. Река на Бородинском поле. 14. Заседатель уездного суда, герой обороны города Малоярославца, уничтоживший мостовую переправу французов. 15. Знак беды, наблюдаемый в начале 1812 года народами стран Европы. 16. Русский художник первой половины XIX века, автор известного портрета М.И. Кутузова. 19. Тыльная часть редута. 20. Французский генерал, командир дивизии,

штурмовавшей Багратионовы флеши. 25. Персонаж повести А.С. Пушкина «Метель», командир гусарского полка. 26. Оружие, которым генерал Костенецкий на одной из батарей разил французов при отражении их атаки под Бородином. 27. Знаменитый партизан 1812 года. 30. Войсковое соединение какого французского маршала впервые во время Отечественной войны 1812 года сдалось в плен в полном составе? 31. Русский писатель, участник Отечественной войны 1812 года, автор романа «Басурман» и «Походных записок русского офицера». 32. Первый русский офицер, сложивший голову в Отечественной войне 1812 года в схватке с французами во время их переправы через Неман. 33. Русский поэт, адъютант генерала Раевского, автор стихотворения «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 г.». 34. Кто сказал: «Русских скорее можно в землю втоптать, нежели в плен взять»?

**Автор кроссворда курсант
Ю.М. ХВОРОСТЬЯНОВ
(Москва)**

Уважаемые читатели!

Приславший наибольшее количество правильных ответов получит приз — книгу: Ю.В. Давыдов. Три адмирала. М.: Известия, 1996. 447 с., ил. (см. 3-ю страницу обложки журнала).

Просим указывать свою фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес. Сведения о победителях и ответы на криптограммы будут опубликованы: «Операция "Багратион": освобо-

ждение Белоруссии» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 5) — в № 10 (октябрь); «Итальянский поход А.В. Суворова — 205 лет» (№ 6) — в № 11 (ноябрь); «К 65-летию победы на реке Халхин-Гол» (№ 7) — в № 12 (декабрь) 2004 года; «Первая мировая война: кампания 1914 года» (№ 8) — в № 1 (январь) 2005 года; на кроссворд «Отечественная война 1812 года» (№ 9) — в № 2 (февраль) 2005 года.

Ответы на криптограмму «Генералиссимус А.В. Суворов» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 4):

Ключевые слова: 1. «Полково учреждение»; 2. Золотухин; 3. Ушаков; 4. Плазмер. Быстрота. Натирик; 5. Граф Суворов-Рымникский, Князь Итальянский; 6. Чёртов мост; 7. Кутузов; 8. Нижняя Благовещенская церковь Александрово-Невской лавры. **Текст:** «Достоинства военные суть: отвага для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала, но оные должны быть руководимы порядком и дисциплиной... Обучай тщательно своих подчиненных и во всем подавай им пример... Будь терпелив в трудах военных, не унывай от неудач... Храни в памяти имена великих мужей и подражай им с благодарением в своих военных действиях... Неприятеля не презирай, каков бы он ни был. Старайся знать его оружие и способ, как оным действует и сражается; знай, в чем он силен и в чем слаб...» А.В. Суворов.

Победителем этого конкурса стал **Геннадий Иванович Буравлев**, горный инженер-электромеханик, 70 лет (г. Новосибирск-75). Он получает книгу: Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биографический словарь, 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.А. Динеса. Саратов: Издат. центр Саратовского гос. социально-экономического ун-та; Изд-во «Летопись», 2000. 608 с. Особо отмечаем наших читателей: Н.А. Гладиких (г. Агрыз, Татарстан), А.Н. Галкина (Москва), С.И. Поварова (г. Волжск-9), В.С. Комиссарова (г. Челябинск), И.В. Кучменко (г. Ступино Московской области), С. Воронова (г. Калуга), С.В. Подорожную (Москва), А.А. Казакова (г. Омск), В.В. Москалеву (г. Иркутск), А.Ю. Аблеева (г. Богучар Воронежской области), И.Г. Ермолина (г. Озерск Челябинской области), А.П. Курохтина (г. Североморск Мурманской области).

Уважаемая редакция!

Я подписываюсь на издаваемый вами журнал с 1958 года (небольшой перерыв был вызван переездом на жительство из Западной Украины в Россию в связи с распадом Советского Союза). Полагаю, что сегодня журнал достиг высокого уровня и по содержанию, и по качеству печати. Недолгий начальный период издания был временем, по моему мнению, когда журнал соответствовал своему названию «Военно-исторический». Затем в журнале помещались материалы, более подходящие для других изданий. Всегда считал и считаю, что только умелое сочетание публикуемых военно-исторических материалов, относящихся к различным периодам истории России и истории зарубежных стран, может сделать журнал интересным для многих любителей военной истории. Меня удивляет, что некоторые читатели сетуют на то, что вы, мол, увлекаетесь публикацией статей по истории досоветского периода, униформе русской армии и т.п. Я, например, интересуюсь как униформой русской армии (ведь это существенный признак регулярной армии), войнами с Наполеоном, Семилетней войной, так и Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. (только не «парадными» статьями). Вы, на мой взгляд, умело подбираете материалы, посвященные многим периодам военной истории. Из них особенно ценны те, что рассказывают о событиях, которые не были освещены в нашей общедоступной литературе (пример: публикация об адмирале Эбергарде). Из истории Великой Отечественной войны многие хотели бы прочесть на страницах журнала о военных действиях в таких районах, как побережье Каспийского моря и пустынные районы Калмыкии в 1942 году, трасса Севморпути и т.п. Но не забывайте, пожалуйста, и униформу русской армии, и специфику казачьих войск России... Вы восстанавливаете порвавшуюся связь времен. Ваш журнал помогает узнавать новые факты военной истории нашего Отечества. А мы знаем слова В.М. Васнецова: «Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории!» Успехов вам в работе.

С уважением,

Р.Ф. КАЧЕВ

(г. Приволжск Ивановской обл.)

Уважаемая редакция, здравствуйте!

Наш Центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи «Армеец» (а в нем занимаются ребята от 11 до 16 лет) был создан на базе военно-патриотического объединения (ВПО) «Армеец» всего месяца назад, но подписчиками «Военно-исторического журнала» мы являемся более двух лет. Нам интересны практически все материалы, которые публикуются на его страницах. О многих фактах и событиях, кроме как в вашем журнале, более нигде, наверное, и не прочитаешь. На уроках истории в школе и техникуме мы получаем практически одни пятерки, особенно по вопросам, связанным с военной историей Отечества. Так что наши отличные результаты — это и ваша заслуга. Желаем вам всего самого хорошего всегда, везде и во всем.

Были бы рады, если на страницах «Молодежного ВИЖа» останутся викторины, задания, криптограммы и т.п. Они помогают нам в учебе, так как в поисках правильных ответов приходится «перелопачивать» столько дополнительной литературы, что невольно узнаешь много интересного.

С уважением к вашему коллективу,

активисты Центра «Армеец»

(г. Ступино Московской обл.)

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук полковник И.И. Басик (Институт военной истории); генерал-лейтенант В.Н. Верховцев, полковник Н.В. Баев, полковник В.Е. Беляков, (Главное управление МО РФ); кандидат исторических наук Б.Б. Давыдов (Российский государственный военно-исторический архив); кандидат технических наук полковник В.С. Диков (Военно-научный комитет РВСН); адмирал В.А. Кравченко (Главный штаб ВМФ); кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); полковник В.А. Лопатин (Военный финансово-экономический университет); генерал-лейтенант в отставке Е.И. Малашенко, кандидат военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); полковник В.Г. Порисенков, капитан 1 ранга В.С. Савчик (Главное управление МО РФ); доктор военных наук, профессор генерал-полковник Н.Е. Соловцов (Ракетные войска стратегического назначения); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостянов; А.А. Чурилин (Историко-документальный департамент МИД РФ).

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может выплачивать гонорар и предоставлять бесплатный авторский номер журнала лишь тем авторам, которые сообщили обратный почтовый адрес, номера телефонов, полностью указали фамилию, имя и отчество, серию и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных сил РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу в Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных сил РФ: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а.

При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В работе над номером принимали участие:

научные редакторы —
Е.В. ДОБЫЧИНА,
В.Т. ИМИНОВ, О.В. КАРПОВА,
Ю.Н. ЛЕЩЕНКО, В.Г. ОПОКОВ,
А.В. ОСТРОВСКИЙ;

секретариат — Ю.В. СНЕГОВА
(заместитель ответственного секретаря), К.Н. АГАФОНОВА,
М.В. ЗАБРОДИНА, Е.В. КРИГЕР;

литературная редакция —
О.К. ГРАЧЕВА, А.М. ПЕТРОВ,
Г.В. САТИК;

художественные редакторы —
Л.П. ДЕМАХИНА, Т.Г. ПИМЕНОВА;

компьютерная верстка —
Е.Л. ПАКИН, А.Д. МАРКОВА.

Адрес редакции для переписки: 119160,
Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19.

Сдано в набор 22.07.2004.
Подписано к печати 23.08.2004.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Общий тираж 12000 экз. Зак. 2673

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена
в Редакционно-издательском центре
Генерального штаба ВС РФ

Отпечатано в ЗАО
«Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2004.